

63.5
Л 38

Легенды и были
Деревянной речки

Мегион, 1999

11
Рецензент: В.И. Сподина

Редакторы: А.А. Мирзоева, Л.Д. Макеева

Художественное оформление: Ф.В. Хазырова, Г.В. Хазырова
Компьютерный набор: Т.П. Тимошенко

На страницах этой увлекательной детской книги публикуется ценный материал по этнографии коренных народов, живущих на северо-западе Нижневартовского района —хантов и ненцев, чьи стойбища расположены по р.Аган и ее притокам. Перед Вами полевые экспедиционные материалы, собранные в период с 11 по 28 августа 1998 года группой ребят туристического клуба "Кедр" на родовых землях семьи Айпиных по р.Юккунъёган ("Деревянная речка").

Эколого-этнографическая экспедиция организована Историко-культурным и экологическим центром г.Мегиона в рамках краеведческой программы "Люби и знай родной свой край". Поэтому в данной публикации содержится важная информация о природе края, его заселении, о занятиях и жилищах хантов, о национальной кухне, обычаях, верованиях, фольклоре, о сегодняшнем дне Нижневартовского района.

Ребятами, под руководством педагога-организатора туристического клуба В.А. Сержант, проделаны серьезные картографические работы, которые позволяют создать целостное представление о районе исследований и отдельных поселений с комплексом хозяйственно-бытовых построек.

Для учителей, краеведов, студентов, специализирующихся на исторической этнографии, организаторов внеклассной работы, руководителей турклубов и всех, кому небезразличны история и культура одного из коренных народов, проживающего в местах интенсивного промышленного освоения, где сосредоточены нефтяные, газовые и лесопромышленные ресурсы округа.

Проведение экспедиции стало возможным при финансовой поддержке:

*Администрации города Мегиона
ОАО "Славнефть-Мегионнефтегаз"
ЗАО ТПФ "ФА ДЕЙН"
СП "МеКаМиннефть"*

На первой странице обложки — картина А. Мухаметовой "Игольница"
77x87, батик, 1995 г.

*Книга переиздана к 35-летию открытия Мегионской нефти на средства
Открытого Акционерного Общества "Славнефть-Мегионнефтегаз"*

62.5
Л 38

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Легенды и были

Деревянной речки

Полевой дневник
по результатам эколого-этнографической экспедиции
на р. Юккуньёган Нижневартовского района
11.08 — 25.08.98 г.

Издание второе,
переработанное и дополненное

к0

Мегрион, 1999 г.

- 44211/1 -

КАКОЙ МУЖИЧОК БЕЗ КИШОК ПРЫГАЕТ?

11 августа 1998г.

Много красивых слов можно найти о Родине, о любимом крае, где ты живешь, о патриотизме. Но чтобы сказать хорошие, добрые слова о родном крае от души, а не пересказывать книжные, чтобы они рождались и легко ложились на лист, нужно его изучать, идти в эпицентр исторических событий, брать лопату и выравнивать изъяны, нанесенные земле от незнания или нежелания знать, порожденные невежеством и варварством человека.

В этом году в детском туристическом клубе г.Мегиона "Кедр" произошло уникальное событие. Мы провели эколого-этнографическую экспедицию по родному краю. Что и говорить, немало объездили ребята интересных мест и по бывшему Союзу, и по России. Но, к своему стыду, порой о родном крае рассказать могли меньше, чем о горах Памира или пещерах Туркмении.

Когда я поделилась своими планами с директором Экоцентра Викторией Ивановной Сподиной, она с большим интересом отнеслась к нашей идее. Разработали детальный план, согласно которому впервые группа подростков была включена в состав научной эколого-этнографической экспедиции под руководством В. И. Сподиной. Район определили малоизученный — родовые угодья семьи Айпиных (род Бобра), расположенные в 70 км к юго-западу от поселка Новоаганск, в районе реки Юккуньеган ("Деревянная речка"). Около половины земель представляет собой болотистую местность, покрытую характерной для этого региона растительностью. Встречаются продольновытянутые возвышенности (гривы), поросшие соснами и ягельником (основным кормом оленей).

В задачи детской группы входило:

- знакомство с традиционным мировоззрением и жизненным укладом одного из коренных народов Нижневартовского района — аганских хантов;
- детальное изучение вопросов, связанных с экологией питания, способами ориентации в пространстве.

Была запланирована помощь в восстановлении стойбищ, реставрации наиболее ветхих построек, заготовке жердей на загоны для оленей (корали), очистке территории поселений. Часть рабочего дня отводилась на овладение навыками рыболовства, езды на долбленной лодке (обласе), приготовление традиционных блюд из щуки, организацию походов, в том числе и на места бывших нефтяных разработок.

В планах экспедиции значились картографические работы на всех типах сезонных поселений, посещение древних городищ, а также одного из священных мест на реке Аган. А по вечерам — запись сказок, легенд, загадок, историй Щучьего Бога, которому поклоняются все члены рода Айваседа, к которому принадлежит наш проводник-консультант Айваседа П.Я.

Время проведения экспедиции было определено с 11 по 25 августа 1998г.

Собрав все необходимое снаряжение (пригодились навыки туризма), в 10.30 мы выехали из Мегиона. Группа состояла из 12 детей в возрасте от 12 до 16 лет и 8 сотрудников Экоцентра, у которых были свои темы исследований.

В будке вахтового КамАЗа, покачиваясь на сиденьях, дети оживленно обсуждали предстоящую экспедицию и не без гордости поглядывали на свои индивидуальные визитки-таблички, которые подчеркивали серьезность и значимость предстоящей работы. Наш путь пролегал по маршруту: Мегион — Нижневартовск — Радужный — Варьеган — Новоаганск — стойбище. Предстояло преодолеть более 300 км.

Перед городом Радужным, во время короткой остановки, Виктория Ивановна обратила наше внимание на необходимость тщательно записывать встречающиеся на пути названия поселений, рек, ручьев и т. д., чтобы впоследствии можно было заняться подробной их расшифровкой с местного диалекта — топонимикой.

Город Радужный поразил нас своеобразием, которое придавали ему песок белого цвета, сосны-красавицы и современные дома. Ребята начали делать первые записи в своих полевых дневниках: река Негусьяун (перед г. Радужным), река Аган... Здесь, неподалеку

от Радужного, стояло летнее селение рода Казамкиных. Сейчас там городское кладбище.

Сам город, в силу истощения природных ресурсов, становится менее перспективным и население его постепенно уменьшается. Едем по городу, слева видна церковь, справа, чуть дальше — рынок, сворачиваем на улицу Казамкина, проезжаем мимс карьера. На выезде из города попадаем в сильный ливень, но это не помешало нам отметить резкую перемену ландшафта: на смену привычным смешанным лесам пришла лесстундра (островки редкого низкорослого сосняка, болота и ягельники).

Проехали реку Ампута, значит скоро будет поселок Варьеган (население 514 человек). Здесь мы устроили двухчасовую остановку. Ребята радостно высыпали из КамАЗа и с удовольствием вдыхали свежий, влажный, какой-то особенный варьеганский воздух. В поселке нас встретил Павел Янчевич Айваседа, лесной ненец из рода Шуки, который и стал нашим постоянным спутником в экспедиции, добрым другом и учителем.

— Я еще издалека заметил, что вы хорошие ребята, — приветствовал нас Павел Янчевич. Потом неожиданно спросил:

— Есть среди вас курящие?

Курящие насторожились и замялись в нерешительности. Мол, что есть, то есть.

— Если курите, не прячьтесь, чтобы на виду были. А то начнете "бычки" в карман прятать или в сухой мох бросите и подожжете себя или тайгу, — расставил точки над "и" Павел Янчевич и рассказал ребятам эпизод из книги Е. Д. Айпина "Клятвопреступник", об оленеводстве и ветеринарии:

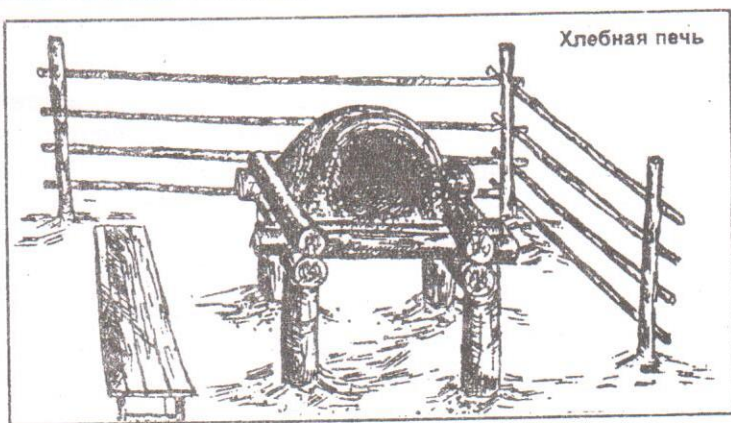
"Идем, изредка на перекуры останавливаемся. Мы бы вообще не останавливались, если бы я строго-настрого не запретил курить на ходу. Стояла непомерная сушь, все боры давно пересохли. И от одной маленькой искорки ягель мог порохом вспыхнуть. Он со мной согласился без лишних слов. Вначале я одним уголком глаза все следил, чтобы он окурки тушил полетному — закапывал в песок. Это самый надежный способ тушения. Поэтому место для перекура выбирал ему возле песчаных выбоин на тропе или на зимнике. Впрочем, он тоже прекрасно понимал, что если спалим пастбища — кончим оленей. Если кончим оленей — лишимся жизни".

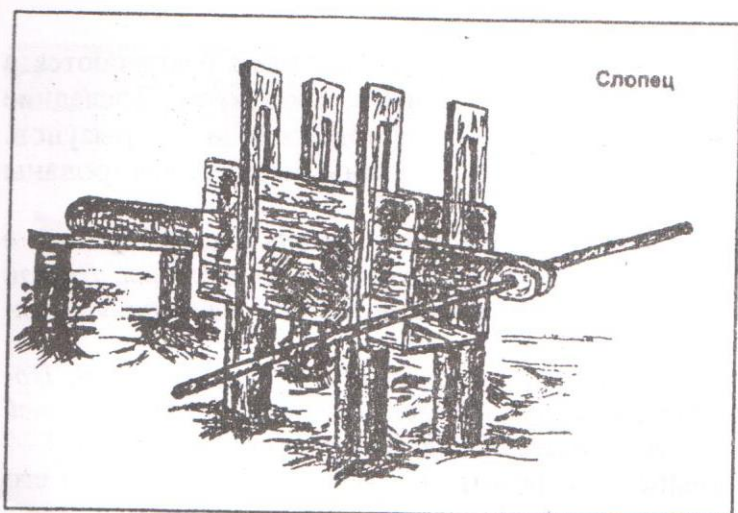
Ребята были наповал сражены традиционной дружелюбной логикой. Этот первый разговор с Павлом Янчевичем расположил всех к нему, и мы отправились в Варьеганский культурно-этнографический центр под открытым небом. Ребята уже бывали на экскурсии и работали в подобном музее в музейно-туристическом комплексе "Югра" в 40 км от Мегиона, и воспринимали материал в сравнении. За Павлом Янчевичем было легко записывать, он терпеливо и доходчиво всё объяснял и, главное, с желанием передавал свои знания детям. Здесь многие начали записывать и делать зарисовки исторических объектов.

Экскурсия началась с административного домика (*контэх ях пуэлл*). Директором этнографического центра является Любовь Николаевна Айпина, у нее в подчинении небольшой штат — 6 человек. Есть среди них научный сотрудник, экскурсовод, сторожа, и даже пекарь. В 1999 году будет отмечаться десятилетие музея. Его создатель — Юрий Вэлла (Айваседа). Музей охотно посещают не только жители района, но и зарубежные туристы. В нем побывали многочисленные гости из Германии, Америки, Канады, Норвегии и других стран.

Некоторые экспонаты центра были привезены с реки Аган, другие построены своими силами. Всего в музее около двадцати объектов. Опишем некоторые из них.

1. Хлебная хантыйская печь

Слопец

(нянь кыр) представляет собой ма-
занку из глины с дымоходом. Пе-
карь, она же сторож, Полина Кон-
стантиновна Айпина, на сковороде
за 40 минут выпекает для гостей
хантыйский хлеб — нянь.

Вот как про него пишет Е.Д.
Айпин в книге "У гаснувшего очага":

"Хантыйский хлеб — тонкие и
круглые, как луна и небо, лепешки. Я
любил смотреть, как мама делала
хлеб. Вот замешивает тесто на бу-
льоне или на ухе. Вот обваливает ку-
сок теста в муке — получается ш-
рик

с выдровую голову. Берет горячую сковородку, чуть посыпает мукой и кладет туда
"выдровую голову". И ладонью, легонько надавливая сверху, разглаживает тесто ровным
слоем по всему дну сковороды. Потом ножом или палочкой выдавливает на лепешке прямые
строчки — треугольные ямки, очень похожие на глухаринные следы на песке. Будто глухарь,
красивая и важная птица, прошел по нашему хлебу и скрылся в своей укромной лесной чаще."

2. Слопец — давящая ловушка для охоты на лису — *вокы сэсыг* (х.), для охоты на
глухаря — *лук сэсыг* (х.).

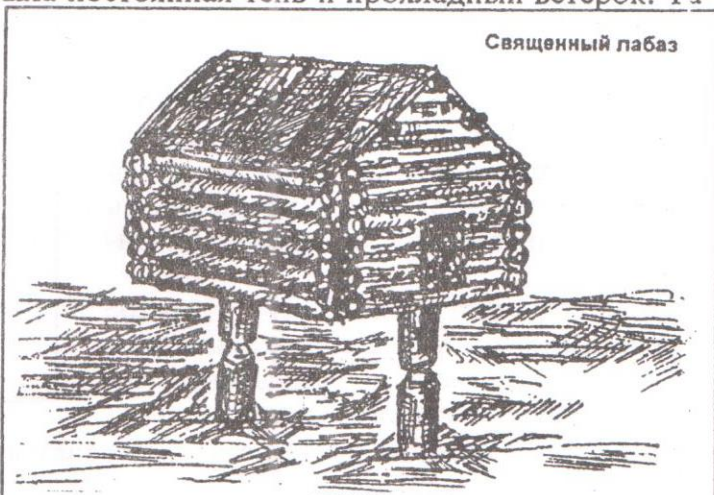
3. Навес для обработки рыбы — *вотл* — сделан по-старинному, открытой сторо-
ной на север. Летом под таким навесом была постоянная тень и прохладный ветерок. Та-
кие условия

благоприятствовали работающим, и улов
был надежно защищен от быстрой
порчи. В качестве дров для прожарки
рыбы использовали тальник, осину
(хвойные не применялись, чтобы не
было смолы). Подготовленную рыбу
поджаривали до "головешки" (*кул
тарты най хоры*), в этом случае чешуя
легко отслаивалась. Такой способ ис-
пользовался для создания рыбного
запаса на зиму и на корм оленям.

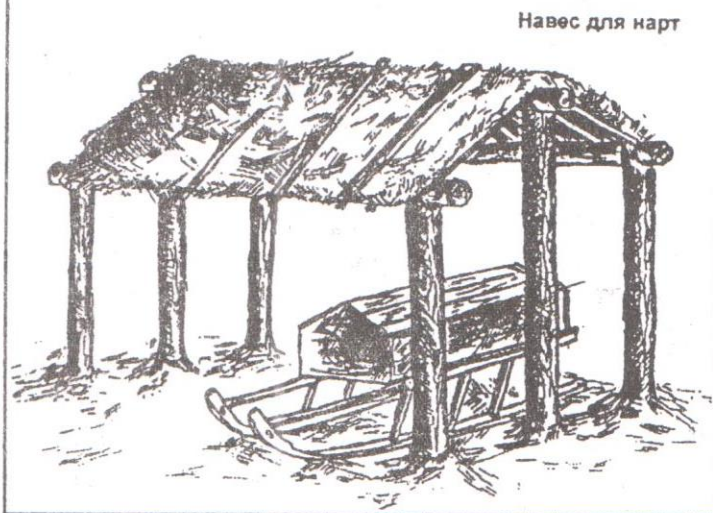
4. Олений домик (*вели кат*).
Внутри домика, в его центральной
части, загорожено место для разведе-
ния огня, который сверху обклады-
вается влажным мхом. Получаемый
при этом дым используется для защи-
ты оленей от комаров и гнуса. В до-
мик помещается около 30 оленей,
остальные животные скапливаются
вокруг домика и обкуриваются ды-
мом, который выходит из щелей
строения.

Двери всех построек обращены
на восток. Возле каждого объекта
свой дровяник, дрова которого пред-
назначены исключительно для данно-
го объекта.

5. Навес для нарт. Все нарты де-
лятся на два типа: ездовые и грузовые.

Священный лабаз

Навес для нарт

Ездовые, в свою очередь, бывают мужские, женские и детские. Грузовые различаются в зависимости от перевозимого: для перевозки духов, шестов чума, продуктов. Последние имеют характерный короб с крышкой, которая предохраняет содержимое от грызунов. Павел Янчевич подчеркнул, что при хранении полозья нарт должны быть ориентированы на восток.

Хантыйская легенда рассказывает: *“Два ханта решили построить нарты... Пошли в лес, два хвойных дерева срубили. Один ничего не обтесал, с сучками ствол оставил. Другой всё снял и сделал гладко... Один поехал — только пыль столбом; у другого олени тянут, тянут и никак — сучки хода не дают.*

Олени оглянулись на хозяина и говорят человеческим голосом: “Ты нас послушай. Посмотри на своего товарища: у него всё гладко сделано, а мы весь лес вместе с талой землей тащим за собой, у нас силы нет.” С того времени стали обстругивать гладко все снизу.”

6. Летний срубный дом. Жилое строение для проживания всей семьи. Построил его Виктор Романович Айпин, учитель охотоведения и рыболовства. В обычном доме живут по 6-7 человек, но не было ни одного случая, чтобы гостю не нашлось места. Запаса дров в доме должно хватать не на один день. Были случаи, когда мужчины по несколько дней находились на охоте и вокруг дома кружили медведи, женщинам приходилось жечь даже деревянную посуду.

7. Моховой земляной дом (чамыш кат) построен Егором Степановичем Казамкиным. В нем есть глиняная печь (човэл), а свет в дом попадает через окно в потолке, которое зимой закрывалось куском льда. При таянии льда капельки воды падали в центр дома и подпрыгивали (разбрызгивались).

Именно отсюда и родилась загадка: “Какой мужичок без кишок прыгает?” Дверь сделана в наклонной вовнутрь стене и открывается наружу. Такая дверь плотно закрывается и не примерзает зимой.

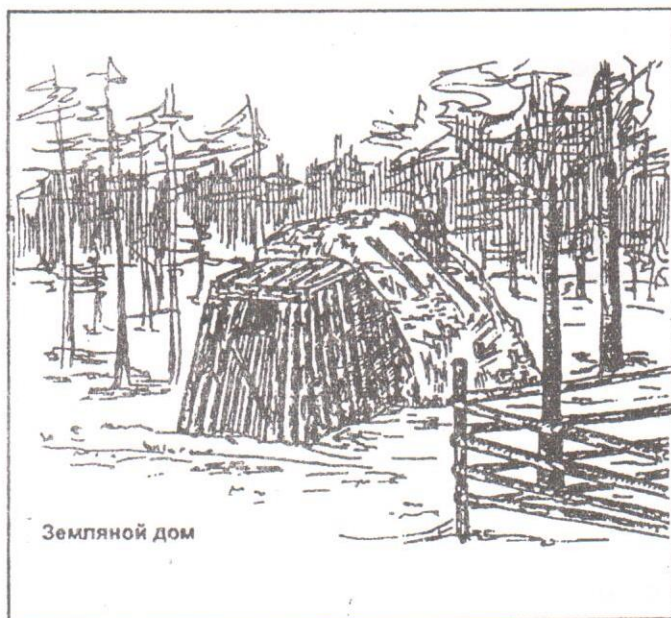
В этнографическом центре пос. Варьеган мы увидели несколько разновидностей лабазов — деревянных сооружений на ножках-подставках:

- **священный лабаз на двух ногах**, где хранятся боги, идолы, только для семейного пользования;
- **лабаз с шестью ногами** — для хранения продуктов и других вещей и предметов;
- **лабаз хозяйственный с высокими ножками**, под которым хранятся двое нарт и облас;
- **амбарчик для хранения костей священных животных** — медведя и лося.

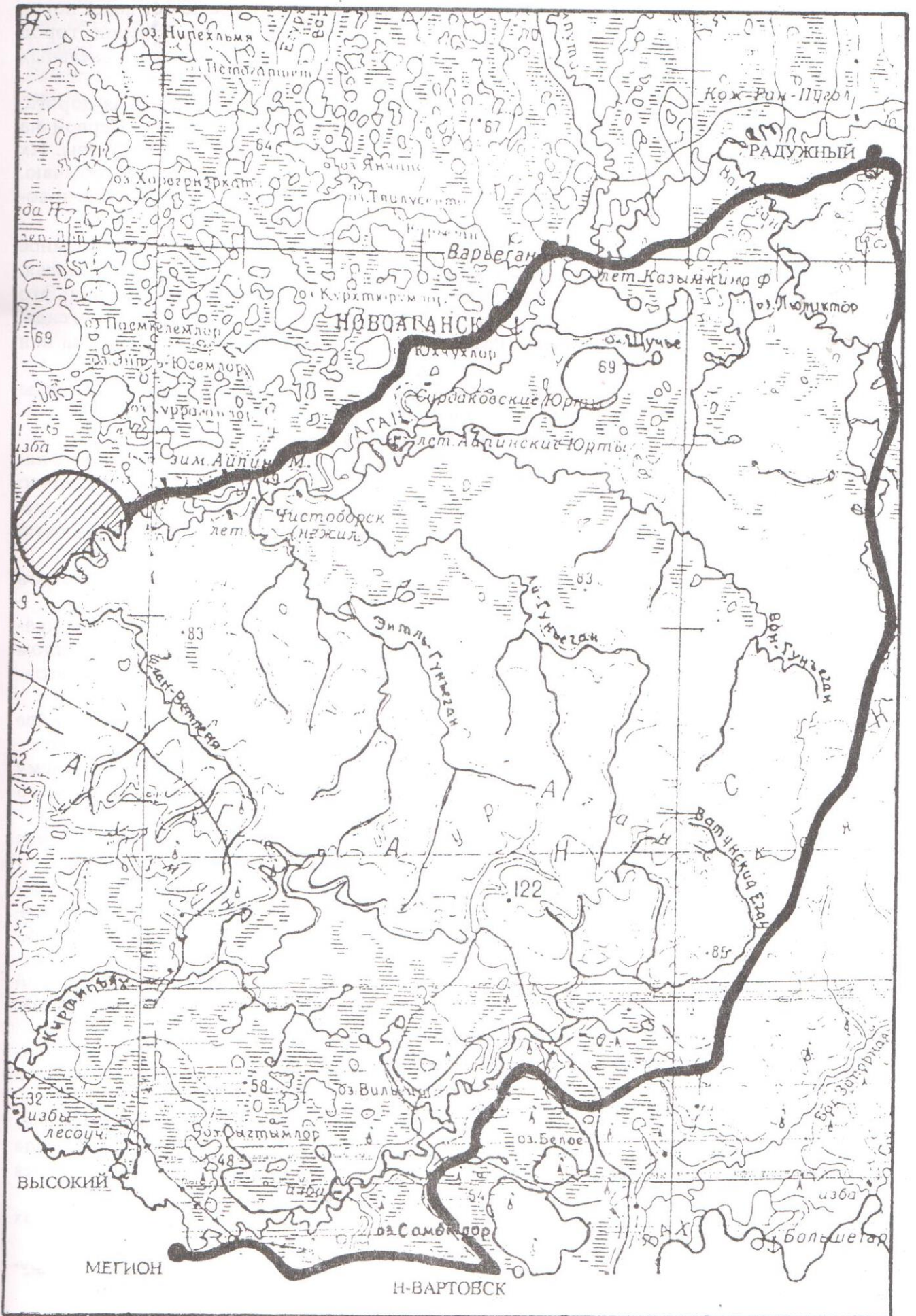
В конце экскурсии в административный домик вошла хозяйка музея Любовь Николаевна и предложила посмотреть национальные изделия ручной работы из бисера, меха и кожи, и, по обычаю, пригласила нас на чай. Из-за отсутствия времени нам пришлось отказать от угощения, чем мы невольно нарушили традицию гостеприимства. Чтобы сгладить свою “вину”, мы с благодарностью приняли подарок — кулек с конфетами.

В Варьегане к нам присоединился 9-летний сын Тихона Галактионовича Айпина — Афоня. Этот маленький мальчик отлично знаком с местностью на десятки километров вокруг и в экспедиции служил нам надежным проводником. Он будет вести нашу экспедицию по своим родовым землям, сокращая путь лишь по знакомым ему тропам.

Следующий важный пункт нашего маршрута — поселок Новоаганск. История его такова. В 1965 г. в эти края прибыла первая сейсморазведочная партия № 5 из поселка Камень-на-Оби. Для более оперативного управления сейсморазведочными “Главтюменьгеологией” было решено организовать геофизическую экспедицию. Поселок Новоаганск рос и развивался благодаря

Земляной дом

Аганской нефтегазоразведочной экспедиции, коллектив которой более 30 лет ведет поиск месторождений углеводородного сырья на территории древней Югры. Внешне город представляет собой типичное северное поселение из деревянных двухэтажек и панельных новостроек. Сейчас в нем проживает 9683 человека.

После Новоаганска кончается "бетонка" и начинается грунтовая песчаная дорога, местами пересекаемая лесными речками. Это самый трудный участок пути. Первой на нашем пути встретилась речка Ягурьях. На ней живут люди рода Лося – Сардаковы. Их еще называют болотными. Здесь мы сделали короткую остановку и принесли, по обычаю, дары духу воды – мелкие монеты. Брошенные ребятами в священные воды реки, они золотыми чешуйками притаились на дне.

Один из героев книги Еремея Айпина "Ханты" – Демьян рассуждал, что всё земное сотворено Богом. "Есть Нум Торум – Верховный Бог. У него есть дети, дочери и сыновья. Тоже боги, ведают разными делами. Есть главные Боги. Есть местные боги и богини. Это хозяева и хозяйки рек и озер, урманов и гор. У каждого бога своя история, своя легенда, своя жизнь. Каждый за что-то отвечает. Разве это плохо, если за жизнью одной реки или одного урмана следят сразу два хозяина – бог и человек?!"

Поехали дальше. После 30 км пути нам пришлось наводить переправу для машины через Деревянную речку, ее название вызвало наше естественное любопытство.

— А вы посмотрите на нее внимательно, — сказал Павел Янчевич.

И действительно, по берегам реки беспорядочно навалены бревна, принесенные паводком. Купаться в ней опасно — может придавить бревнами, которыми речка буквально кишит, как африканская — крокодилами. Но эти же бревна помогли нам навести переправу. Выглядело так, будто мы действительно первыми пришли на забытую, далекую землю, чтобы проникнуть в тайну другого народа, его быт, культуру.

Не оставила равнодушной души ребят и красота местности: на десятки километров тянулись сизые ягельники в сочетании со стройными вековыми соснами.

На коротких привалах слышались восклицания ребят: "Я и не знала, что такая красота бывает!". "А это что за ягода, мы никогда раньше такой не видели?!". На светлом ягельнике островками черных матовых шариков, облепивших "ершистые" зеленые веточки, притаилась водяника: поешь, и пить не хочется.

А сколько разной ягоды кругом! И брусника, и черника, и голубика. Нынче на нее урожай. Во время коротких остановок мы успевали полакомиться лесными витаминами.

И вот колеса нашего вездехода отсчитывают последние километры пути. К летнему стойбищу Айпиных мы подъехали, когда на часах было уже 22.00, поэтому встреча со стойбищем произошла в темноте, при огромном скоплении комаров и мошек.

Начались обычные при устройстве бивуака заботы: разбивка палаток, разведение огня и приготовление ужина.

Место для палаточного лагеря было выбрано заранее, с учетом сложившихся традиций. Сразу отметим одну национальную особенность: все действия хантами совершаются строго по ходу солнца, слева направо. Этот принцип применяется как при планировке стойбищ, так и в повседневном быту, при выполнении любой работы. Нам была отведена поляна в пределах стойбища. Так мы оказались членами большой семьи, в которой нам предстояло жить некоторое время, чем была оказана честь, как для дорогих гостей. Здесь живописной радугой и раскинулись наши палатки.

После ужина в моховом доме состоялось первое знакомство с неизведанной, таинственной культурой древнего народа. Под слабый мерцающий свет свечи разговор шел о трех мирах, в которых живет человек тайги.

Различается три мира: Верхний — там живут души, Средний — мир живого человека (душа и тело вместе) и Нижний мир, куда уходит человек после смерти. Четыре года назад ушел в Нижний мир хозяин стойбища Данила Романович Айпин — отец Еремея Даниловича.

Далеко за полночь, несмотря на усталость, ребята делали записи в своих полевых дневниках.

И у реки есть своя душа и свой Бог. У Агана душа похожа на изгиб реки, она дружит с рекой Тром-Аган. Богиня реки – Аган-Ими. Все люди почитают ее. Хантыйское

предание рассказывает, как поучал Обь-Старик еще молоденькую Аган: *“Дочь моя, охраняй свои берега. Они существуют для того, чтобы Белый Ягель копил силу для оленьего взгляда, чтобы Красная Белка выкармливала в Кедровом Дупле свой выводок, чтоб Иглою Владелящая Женщина всегда шла для своих дочерей-сыновей Белые Кисы и Белые Рукавицы, чтобы под лыжами Удачливого Юноши всегда было бодрое скольжение...”*

**Вера Алексеевна Сержант,
педагог-организатор МГТЦ “Кедр”**

ГОРА ОСЕННЕГО СЕЛЕНИЯ

12 августа 1998 г.

Самым первым проснулся Любомир Закриничный. Павел Янчевич сказал, что тот, кто просыпается первым, будет настоящим охотником.

После завтрака состоялась первая планерка, на которой были отмечены положительные и отрицательные стороны наших путевых записей. Обсуждались дисциплинарные вопросы: дежурные проснулись очень поздно, поэтому не успели вовремя разжечь огонь и приготовить завтрак. Кроме этого, оживленно обсуждали затянувшийся допоздна отбой предыдущего дня. Как оказалось, никто не мог спокойно уснуть из-за нахлынувшей массы впечатлений от встречи с необыкновенно интересным и прекрасным уголком нашего края. Все вспоминали пройденную дорогу, увиденные города, поселки, реки, ручьи и необычно красивую природу. Правда, всех очень сильно доставали комары.

Немного соскучился по родному дому. У меня так всегда, в первые дни путешествия скучаю по дому, а потом ностальгия проходит. И только под конец очень хочется увидеть родных.

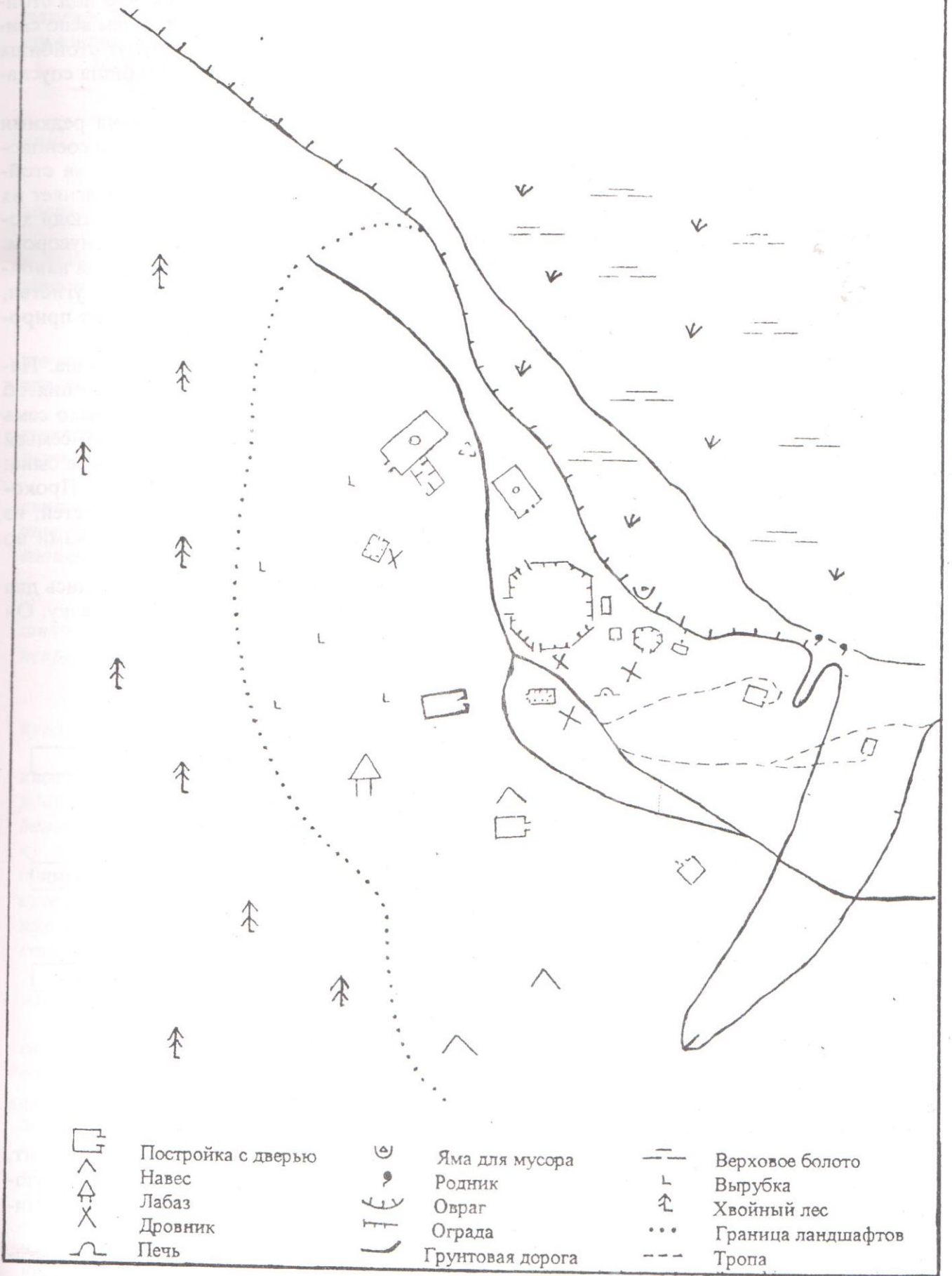
В этот день нам с Любомиром Закриничным и Володей Романовым предстояла сложная работа — проведение картографических работ по летнему стойбищу рода Айпиных. Основанное Айпиным Романом Даниловичем, оно называется *Ай рап пухол* — “Малого яра поселение”. Одну за другой мы наносили на карту следующие постройки:

1. Дом (*кат*), построенный Айваседа Павлом Янчевичем в 1991 году.
2. Навес (*вотл*), сооруженный где-то в 1968 - 70 годах. Он принадлежал Даниле Романовичу. Рядом с ним раньше, вероятно, стоял чум, поставленный в 1965 году.
3. Лабаз, перенесенный с Осеннего селения Данилы Романовича приблизительно в 1955 году. Столбы-ножки так и остались стоять на горе Осеннего селения.
4. Оленник (*вели кат*), построенный где-то в 1980 году Данилой Романовичем и Казамкиным Семеном Ильичем.
5. Баня (*навьтл кат* — “моющий дом”).
6. Толевая избушка (*толь кат*), построенная в 1970 - 80 годах Семеном Ильичем.
7. Каркас (*кымыр кат*) Айпина Дмитрия Ивановича, сооруженный в 1995 - 96 годах.
8. Толевая избушка Данилы Романовича 70-х годов.
9. Летний очаг (*пут кары* — “котла место”), построенный Данилой Романовичем в 1991 году.
10. Хлебная печь (*нянь кыр*), сложенная также Данилой Романовичем в 1965 году.
11. Собачья конура в виде вырытой в земле норы (*амп кат* — “Собачий дом”).
12. Загон для оленей (*оч*). Появился он в 80-е годы.
13. Коптильня (*мулэм кат* — “дымный дом”), сооруженная в 1989 - 90 годы русским приятелем Данилы Романовича Беренцевым В.Ф. Заметим, что раньше ханты рыбу не коптили, а просто вялили на солнце.

Нашей работе то и дело “мешали” олени. Они с самого начала привлекали к себе внимание. Мне всегда казалось, что северные олени очень крупные животные, но на самом деле оказалось иначе. Особенно запомнился самый маленький из них. На его ножках были “одеты” белые носочки, его рожки были чуть больше хвостика. Выяснилось, что олени любят лакомиться сухарями, грибами и прожаренной рыбой. Их основная еда — “олений мох” или ягель. Но самое интересное — это то, что в конце сентября, начале октября олени иногда с удовольствием лижут мокрый песок с торфом. Видимо, им не хватает каких-либо микроэлементов.

Олени считаются одними из самых беззащитных животных. Так же, как и люди, они страдают от гнуса. Поэтому человек издревле защищает их при помощи дымокура. Для его устройства берется ведро или таз и заполняется наполовину песком. Затем сверху насыпаются горящие угли и обкладываются трухлявой корой, которая возгорается. Огонь прикрывается сырым мхом, через который начинается сочиться едкий дым.

Карта - схема
 расположения построек летнего стойбища Айпина Е. Д.

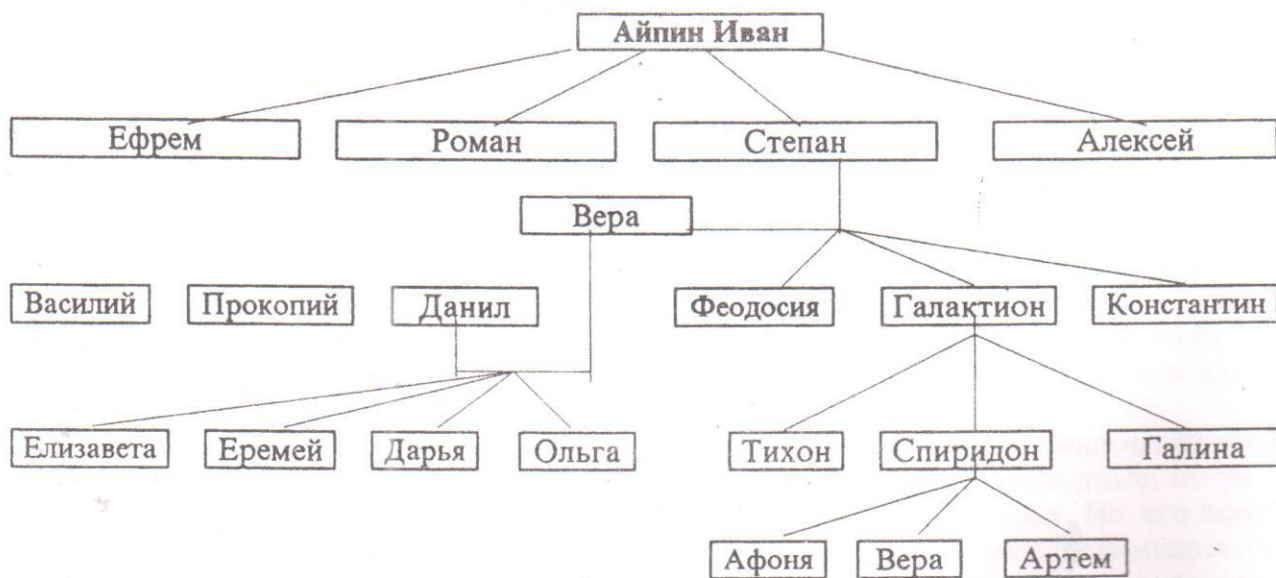
Такой дымокур был незаменим и для нас в дни пребывания на стойбище.

Пока мы делали карту стойбища, эколог экспедиции Ангелина Анатольевна Мирзоева проводила лесотипологические описания. Из ее рассказа выяснилось, что под стойбище был расчищен участок соснового бора на естественном возвышении, о чем ясно свидетельствовали торчащие из земли сосновые пни. Основная территория вокруг стойбища занята сформировавшимся сосновым бором. Северный склон площадки стойбища спускается в верховое сфагновое болото, обильно поросшее морошкой.

На самой территории стойбища растительность скудная и представлена редкими пятнами, поросшими иван-чаем и подростом рябины (10-15 см). Ближе к опушке соснового бора, окружающего поселение, встречается брусника. К нашему удивлению, на стойбище мы обнаружили молодые кусты черной смородины. Павел Янчевич объясняет их появление тем, что с другой стороны реки имеются целые заросли смородины. Люди ходят ее собирать, а на стойбище, перебирая ягоды, выбрасывают остатки вместе с мусором. Таким образом, некоторые семена проросли и появились молодые кусты. Живой напочвенный покров (травы, мхи, лишайники) на территории стойбища либо сильно угнетен, либо отсутствует вовсе. Люди и олени постоянно вытаптывают землю, что мешает природе самовосстановиться.

Выполнив свою работу, мы сели записывать родословную хозяина стойбища. Павел Янчевич — первый, кто собрал воедино многочисленные отрывочные сведения об этом роде. История его такова. На реке Ватьеган есть Большой Яр. Там проживало семь братьев и две сестры. Когда им не стало хватать земли, один из братьев со своей семьей перебрался сюда, на Деревянную речку. Это был Айпин Иван. У него было четыре сына: Ефрем, Роман, Степан, Алексей. У старшего сына, Ефрема, родились Василий и Прокопий, а у младшего, Романа, — Данила. У Данилы Романовича было четверо детей, из которых Елизавета Даниловна и Еремей Данилович (хозяин стойбища) были с нами во время экспедиции.

У первой жены Данилы Романовича — Веры, от предыдущего брака родились два сына. У одного из них, Галактиона, родился сын Тихон. С ним мы ездили на рыбалку. Он смотрит за стойбищем в отсутствие Еремея Даниловича.

Елизавета Даниловна, дочь Данилы Романовича, вышла замуж за Айваседа Павла Янчевича, который и стал нашим проводником, учителем и просто другом.

Слово за слово, разговор зашел о приметах. Если кукушка раньше грома прилетит, то будет рыбный год, если гром раньше — нерыбный. “А вы знаете сказку про кукушку?” — спросил нас Павел Янчевич — “Вот, послушайте”. И рассказал нам сказку, записанную Юрием Вэллой от своей бабушки Ненги.

Давным-давно, в жаркий день, такой же жаркий, как сегодня, на берегу нашего жу-вуна, только далеко-далеко в верховье, жила в берестяном чуме ленивая девочка с красивой

мамой. Девочка качала в берестяной люльке тряпичную куклу и напевала усыпительную песенку. Мать была занята шитьем. На коленях у нее лежал недошитый тьянт для дочери, а на том тьянтку — доска, на которой она острым ножичком вырезала из меха нарядный орнамент “заячьи ушки”. Умелые руки женщины работали ловко, а крайний палец прижимал к соседнему проворную иголку с жилкой.

Но вдруг стала распалаться в маме жажда.

— Доченька, во рту пересыхает, принеси попить.

— Ага.. — не подняв головы отозвалась дочь, но продолжала заниматься своим делом.

— Доченька, игла меня не слушается, жажда томит, сбегай за водой.

— Ага, сейчас... — откликнулась ленивая дочь, но опять не сдвинулась с места. И вдруг что-то странное и непонятное стало твориться с мамой.

— Доченька, руки твои проворны, ноги твои быстры, а я не могу отложить, хвоинки к нему пристанут, пылью покроется, принеси речной воды, что-то горло мое сужается, что-то руки мои укорачиваются.

— погоди, мамочка...

— Доченька, что-то туловище мое сжимается, что-то лицо мое уменьшается, что-то ноги мои тонкими становятся, что-то язык мой колоться стал, как бы мне в птицу не превратиться, принеси мне любой воды, хоть из речки, хоть из озера.

А непослушная девочка на просьбу матери молча перепеленывала тряпичную куклу, которая не умела плакать, которая никогда не хотела есть, которая никогда не просила пить.

— Доченька, что-то руки мои пухом покрываются, что-то тело мое легким становится, что-то голос мой по птичьей хочет звучать, а губы мои в клюв превращаются, хкук.. что-то в мыслях я на дерево хочу взлететь, хкук-ку!.. В последний раз тебя прошу: принеси водицы, очень пить хочется.

— Ну погоди, мамочка... Дай в люльке куклу зашнурую.

Не дождалась мама ленивую дочь и взлетела птицей на нижний сосновый сук, а недошитый тьянтку упал на землю в серую пыль. И запела с дерева уже не красивая женщина, а неприглядная маленькая серая кукушка: “Хкук-ку! Хкук-ку!”

И полетела кукушка.

Оглянулась девочка, вскочила на ноги, отбросила в сторону ненужную тряпичную куклу и побежала следом за мамой: “Мамочка, мамочка, не улетай, я тебе пить принесу!”

Она схватила берестяное ведро, зачерпнула из живуна прохладной воды и, выплескивая ее на свои босые ноги, побежала в лес за кукушкой. А впереди нее звенело, постепенно удаляясь, жалобное: “Хкук-ку! Хкук-ку! Хкук-ку!..”. Потом это кукование перенеслось на болото и все дальше и дальше. Долго бежала плачущая девочка, перепрыгивая с кочки на кочку. Потом она остановилась, прислушалась, но кукование уже раздавалось со всех сторон, и вдалеке, и вблизи. Села девочка на болотную кочку и горько зарыдала. Туловище ее стало сужаться и превратилось в стебелек; вздрагивающие плечи ее превратились в крупные зеленые листья; голова ее превратилась в тяжелую ягоду, лежащую на лепестках-ладонях. Так стала ленивая девочка болотной морошкой...

А птица-гагара когда-то была человеком-оленеводом. И Павел Янчевич продолжил свой рассказ дальше.

У одного оленевода паслось большое стадо оленей. И очень гордился и хвастался он своим богатством. Бегал за своим стадом и кричал: “Ох, какой я богатый! Мои олени, мои олени!.. Ох, какой я богатый!..”

Однажды погнался он своих оленей на полуостров, который соединялся с сушей тонким перешейком. Погода стала резко портиться, поднялся холодный ветер, началась гроза. Олени испугались, заметались по маленькому полуострову. Оленевод пытался успокоить животных, но выбился из сил и упал. Олени пробежали по нему, втоптав его в ямку между болотными кочками. Весь он стал плоским — спина вдавилась в грудную клетку, ноги сплющились, а копчик вывернуло в сторону. По земле теперь ходить не может, а кое-как ползает на брюхе. Только в воде стало удобно нырять и плавать. С той поры он в озеро ушел и обернулся гагарой. Вот вам и богатство — огромное стадо оленей.

В экспедиции всех нас поразило значение числа "семь". Это предел, что-то сверхъестественное. Про число "один" говорят: "Одна голова седая, одна голова сухая". То есть это плохая цифра. Когда что-нибудь дают в единственном числе, то, как правило, извиняются. Единица — это показатель бедности. А вот семь — это священное число. Семь оленей — самая лучшая жертва богам.

— А вы знаете, как спастись от лося? — спросил Павел Янчевич. И тут я впервые узнал, что если животное тебя заметило, то необходимо бежать за два рядом стоящих дерева и кружить по малому кругу. Когда это случится — держись! Лось вокруг деревьев за тобой начнет ходить, а ты — нож ему в живот, и он сам себе брюхо вспорет.

Мы вышли из домика и заметили, что погода на улице изменилась. "А может ли человек влиять на погоду?" — сразу же задал нам вопрос Павел Янчевич и, не дождавшись ответа, рассказал следующее поверье. Оказывается, если человек родился летом, то для "вызывания" тепла ему необходимо обойти дом в одной рубашке по часовой стрелке, согреть топор над огнем и сжечь солому, а пепел рассыпать на улице. Если же все это сделает человек, родившийся зимой, — на улице станет холодно.

Подошло время обеда. Дежурные удивили нас разнообразным и сытным меню. На улице заморосил косой дождь, и все собрались под навесом мохового дома. Здесь Павел Янчевич впервые при нас взял в руки гармошку. И лес вдруг затих от зазвучавшего незнакомого напева.

Небольшая передышка, и мы направляемся на новое стойбище Айпина Еремея Даниловича. Нас сразу же поразила огромная изба, которую строит хозяин стойбища. Кстати, лес для него валил сам Павел Янчевич. Сосны под основание дома собирались из разных участков леса.

Невдалеке виднелось стойбище жившего там раньше Айпина Тихона Галактионовича. Там первым, что мы увидели, был старый лабаз на покосившихся ножках. Хлебная печь замерла, открыв пустой рот. Сквозь провалившуюся крышу дома виднелись остатки колыбели, берестяная полуистлевшая посуда, проржавевший чайник... Когда-то здесь хозяйка разжигала огонь, качала колыбель, ждала с охоты мужа. Теперь все замерло и стало безжизненным. Пройдет еще немного времени, и от обжитого людьми места не останется и следа.

После того, как мы покинули последнее стойбище и углубились в лес, Павел Янчевич обратил наше внимание на одну интересную сосну. Она отличалась от других тем, что на ней просматривались странные отметины. Оказалось, что это мать-медведица учила своих малышей лазить по деревьям, и те оставили на стволе следы своих сильных лап. Чтобы отвести медведей от этого места, необходимо выше их следов сделать затески топором.

Дальше наш путь лежал к пристани на протоке Деревянной речки. Дорога проходила через молодой сосновый лес, который стеной стоял по обе ее стороны. Вдоль дороги красными гроздьями склонялись к земле веточки брусники. Мы спустились по оленьей тропе к причалу. Там я заметил маленького кулика, хотевшего, видимо, полакомиться червячком, а вместо этого угодившего на рыболовный крючок. Я бросился к птичке на помощь, но крючок вытащить не смог. Помог Павел Янчевич — он перекусил леску у самого клюва птички и отпустил ее на свободу. Может та улетевшая птичка и выживет, но она уже всю жизнь будет носить в горле злополучный крючок.

Чуть выше причала, на высоком берегу протоки мы заметили почерневшие от времени обласа. Где-то здесь раньше жили Ефрем и Роман, возможно, вместе со своим отцом — дедушкой Иваном. Павел Янчевич объяснил, что обнаруженные нами обласа принадлежат умершим, могилы которых находятся чуть поодаль, и к которым лежал наш дальнейший путь.

Перед тем, как подойти к этому жутковатому месту, Павел Янчевич обратился к нам с просьбой: идти так, чтобы следов не было, громко не разговаривать и др. Вход на кладбище считается "воротами в иной мир". Их открывает впереди идущий. Мы заметили, что Павел Янчевич шел с сигаретой. Наверное, огонь и дым были призваны защищать всех нас от духов "иного" мира.

Посещая кладбище, наперво принято отдать дань уважения самому старшему из

здесь похороненных. На этом кладбище такой является могила дедушки Ефрема. Подходя к ней, Павел Янчевич разрешил нам сорвать по небольшой березовой веточке, чтобы положить на могилу. Причем все движения следует совершать по часовой стрелке. Если таким образом не выразить уважения самому старшему из похороненных, то на кладбище он "будет принимать с плохой стороны".

Уходя мы заметили, что одна крышка надгробья была перевернута. Возможно, ее снесло ветром. Однако, как нам объяснили, на место ее может поставить только человек из другого рода. Вообще-то нас очень удивило то, что вместо надмогильных холмиков, как у нас, русских, у хантов ставятся специальные домики с отверстиями для гостинцев. Также мы узнали, что выходя с кладбища, необходимо обязательно стряхнуть обувь.

Дальнейший разговор как-то само-собой коснулся дедушки Ефрема. Его иначе никто из рода Айпиных и не называл. Он был необыкновенным человеком, такой же была и его судьба. Еремей Данилович в своей книге "Клятвопреступник" описал жизнь многих своих родственников, живших в этих местах. Но судьба деда Ефрема меня просто потрясла. Я приведу отрывок из этой книги, которая была в нашей экспедиции своеобразным путеводителем.

Вернулись домой под вечер. В сумерках лодка бесшумно ткнулась в белый песок причала. Осенние дожди подзадержались, и вода все убывала — поэтому берег стал высоким. А склон до самого верха зарос долгой осокой, за которой не видно строений селения. Чтобы не спускаться лишней раз, Ефрем сложил покупки в пустой бочонок для брусники и вслед за женой по узкой тропинке двинулся к дому, в гору.

Неожиданно из рук шедшей впереди жены высыпались вещи. Ее худая спина словно дернулась от удара, подкосились ноги — и она свалилась. Всю ее беззвучно закорезжило. Ефрем машинально сунул бочку в траву и бросился к жене. Но когда выскочил наверх — остолбенел.

Дома — нет!

Вместо дома — пепелище...

Глаза метнулись к лабазу.

Лабаз — нет!

Вместо лабазы — пепелище...

Глаза кинулись к навесу.

Вместо навеса — пепелище...

Тут — пепелище...

Там — пепелище...

Только хлебная печь, вылепленная из глины, как бы стыдясь, что избежала участи соседей-товарищей, сиротливо горбилась, пытаясь вжаться в землю на своем обычном месте.

Бочка, наспех сунутая в траву, словно от ужаса, сорвалась со склона и, рассыпая покупки, понеслась вниз. Река пенным фонтанчиком приняла ее, распаковала бумажные кульки и коробки, лизнула пряники и горький сахар.

Сколько Ефрем остолбенело вращал глазами — не помнит. Потом ноги понесли его от одного пепелища к другому. Словно надеясь разыскать что-то очень нужное, разрывал руками остатки головешек, обуглившиеся бревна, ощупывал обгорелые столбы. Перемазавшись в сажу, забил ноздри пеплом, чихал, бормотал что-то — видно ругался. Не найдя ничего, остановился перед пепелищем дома и неожиданно расхохотался: кого хотел проучить, глупый человек?! Самого проучили!.. Вот так!

Жена очнулась от его смеха. Он чертом предстал перед ней — грязный, лохматый, черный от сажи и угля, светятся лишь белки глаз и зубы. Она все еще не могла вымолвить ни слова, лишилась дара речи, вся дрожала в ознобе. Наконец от испуга разлепила губы и прошептала:

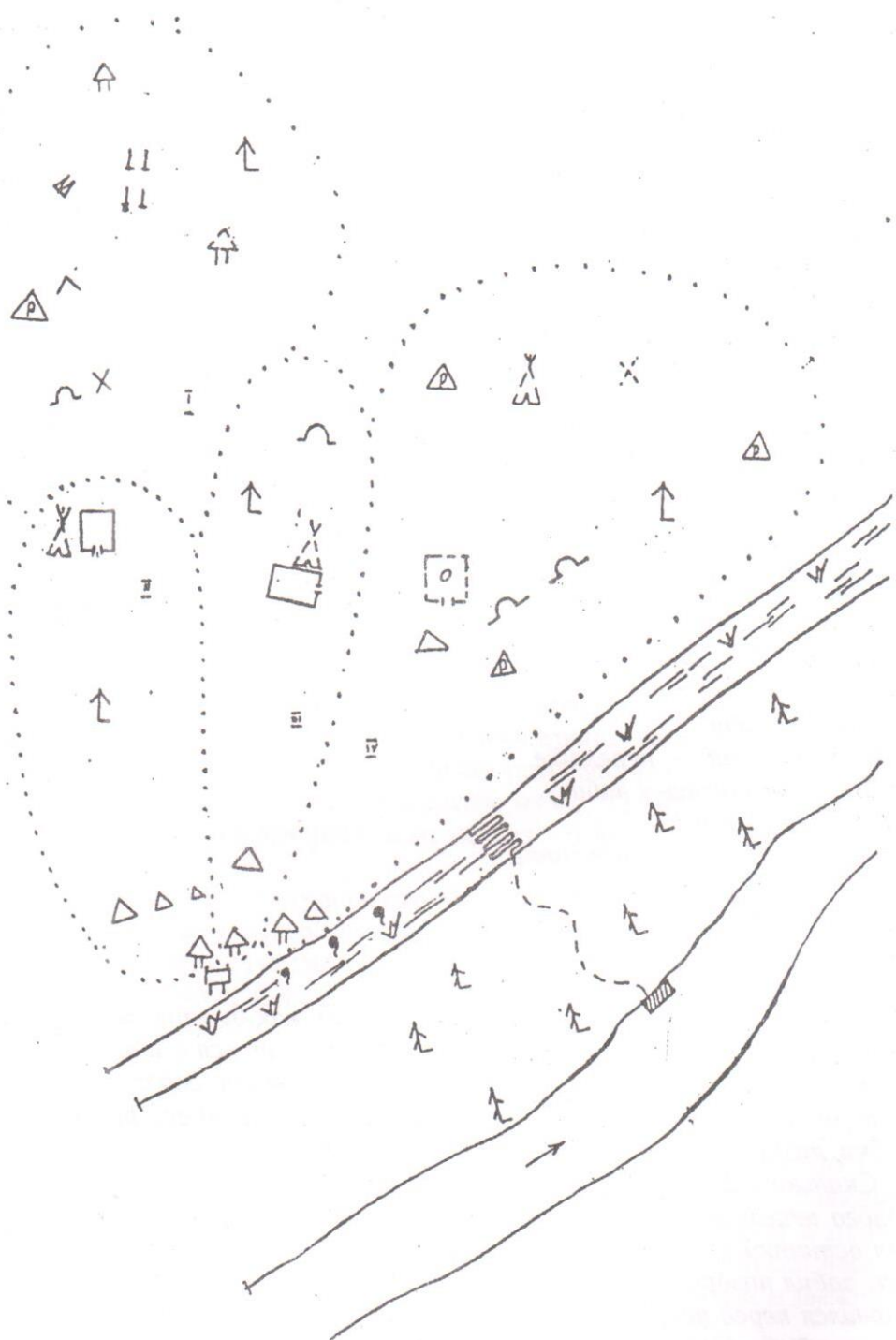
— Спя-тил...

Но Ефрем вдруг выхватил попавшее под ноги ведро, будто нашел то, что искал так упорно, сунул в него нос и, повернувшись к жене, выкрикнул разумные слова:

— Вот тебе горючий жир земли!..

Он отшвырнул ведро в сторону реки и, повернувшись спиной к пепелищам, тяжело опустился на подгнивший пенек. Кое-как набил табаком трубку, раскурил ее и, лишь задохнувшись горьким дымом, вроде бы затих.

Карта - схема
Горы Осеннего Селения

- △△ Вешела
- △ Рыбный дом
- △ Навес
- ⌒ Хлебная печь
- ↑ Дровник
- ↑ Молодой сосняк
- ↑ Чум
- ↑ Сосняк
- Сарай

- Олений дом
- Лабаз для хранения костей животных
- Родник
- ⊞ Верховое болото

- Тропа
- ▨ Пристань
- Река
- ⌚ Дервянный настил

Было пусто.

Было пусто в голове.

Было пусто в душе.

Тоскливая пустота больно сдавила сердце. Затих, впал в забытие. Вывел его из этого состояния далекий голод жены:

— Вставай, ночь уже на наши головы легла...

И он, как бывало, не то подумал, не то сказал вслух:

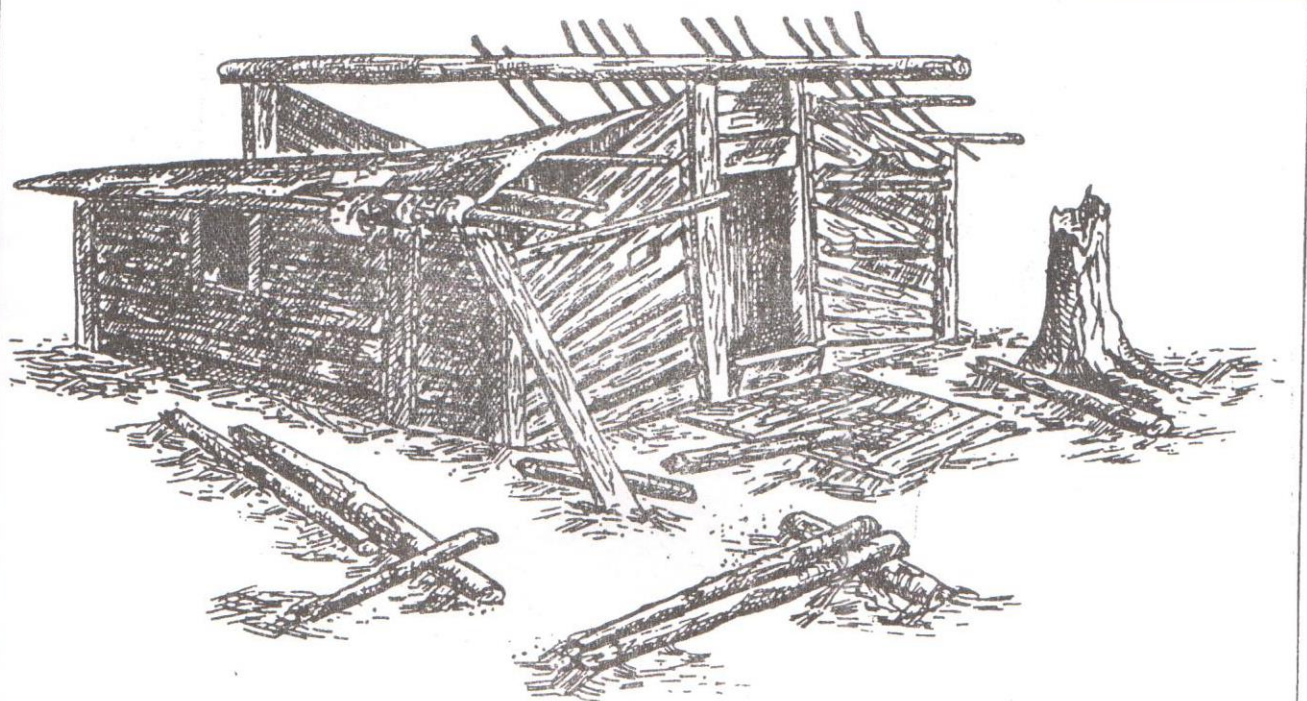
— Вот и конец нашему Дому...

Наступила ночь. Он не знал, куда ткнуться в этой тьме.

А тьма все сгущалась. А тьма все поглощала пепелища, берег, лес и, наконец, поглотила все вокруг, будто никогда не стояло здесь древнее селение, будто никогда не жили тут люди охотничьего рода Ефрема...

Может быть, тогда он и перебрался на Гору Осеннего Селения, к своему сыну Василию.

Мы шли необычайно красивым лесом. Редкие могучие сосны и мох-беломошник излучали спокойствие и чистоту. Как не старались, ногами то и дело цепляли ягель, делая заметным наш путь. С высокого яра показалась речушка, которая терялась в болоте. Узкая тропинка подвела нас к сосне. Здесь был спуск к киври. Так ханты называют колодец. На нашу карту один

Моховый дом, Гора Осеннего Селения

за другим “ложились” объекты нашего стойбища. На земле мы обнаружили остатки сооружения для хранения костей и шкуры медведя. Оно было построено Василием Ефремовичем — настоящим медвежатником. Здесь же мы отметили моховой дом. Его также построил сын дедушки Ефрема — Василий. Здесь он жил с четырьмя детьми: Галей, Полиной, Архипом и Капой (остальные жили своими семьями).

Моховой дом представляет собой рубленую избушку. Построить такой дом непросто. Из рассказов заведующей методическим отделом Экоцентра Л.Д. Макеевой о хантах с р.Вах я вспомнил следующее. Независимо от того, сколько ханту нужно было бревен: одно или

несколько, он обращался к шаману с просьбой выпросить разрешение на их рубку у верховного бога *Нум-Торума*. При этом полагалось принести богу в жертву животное, предпочтительно белой масти.

Ножи лабаза

Раньше Гора Осеннего Селения находилась на открытом яру. Но теперь она поросла молодыми соснами, которые сплошным частоколом обступили многочисленные постройки некогда большого селения. Утонувший Ефим Прокопьевич оставил после себя лабаз, возле которого мы нашли две клетки. Возможно, в них держали каких-либо животных. От лабаза Данилы Романовича красуются ножки-столбы. Остатки чума, хлебная печь, оленьи тропы — все уместилось на карту.

На обратном пути еще раз подошли к реперам. Их устанавливают геодезисты для того, чтобы узнать характер почв, будет ли здесь нефть, стоит ли ставить буровую. Если появляются сомнения — опять делают пробы, чтобы, по словам Павла Янчевича, “изучать трещины земли”. Чуть дальше сейсмопрофиль разрезал широкой полосой бор, видны следы техники. Скоро людям, действительно, негде будет укрыться от благ цивилизации.

После столь насыщенного дня ужин показался особенно вкусным. Макароны с салатом были просто сметены со стола, а горячим чаем, казалось, напиться будет невозможно.

Вечером Павел Янчевич решил рассказать о себе. Родился он 20 ноября 1941 года. В семье был третьим ребенком. Отец, Айваседа Янча Ийавич умер в декабре 1946 года. До четвертого класса Павел учился в Варьеганской школе-интернате, после — в Сургутской средней школе. Не раз на время каникул приходилось на барже добираться от Сургута до Варьегана. Путь занимал 7-10 дней.

В Сургуте закончил восемь классов, в то время как остальные только семь. Затем по направлению райкома комсомола отправился в Ханты-Мансийское ремесленное лесное училище, которое закончил в 1962 году. Вместе с аттестатом получил удостоверение радиста (закончил курсы от военкомата).

Был призван в армию, служил на Камчатке, охраняя Курильские гряды. Во время службы видел берега Кореи, Японии, Аляски и Камандорские острова. В армии стал членом КПСС. После демобилизации женился и некоторое время работал в Чистоборске, затем перевелся в Варьеганское промыслово-рыбное хозяйство (ПОХ). Там проработал 25 с половиной лет. В ноябре 1989 года был выбран председателем оргкомитета по формированию Варьеганского сельского совета. Затем работал в исполкоме Нижневартовского совета народных депутатов, был председателем постоянной комиссии по Малым народам Севера в районной администрации, был членом комиссии в скружном Совете народных депутатов. В 1993 году работал в аппарате администрации Нижневартовского района. В 1994 году вышел на пенсию.

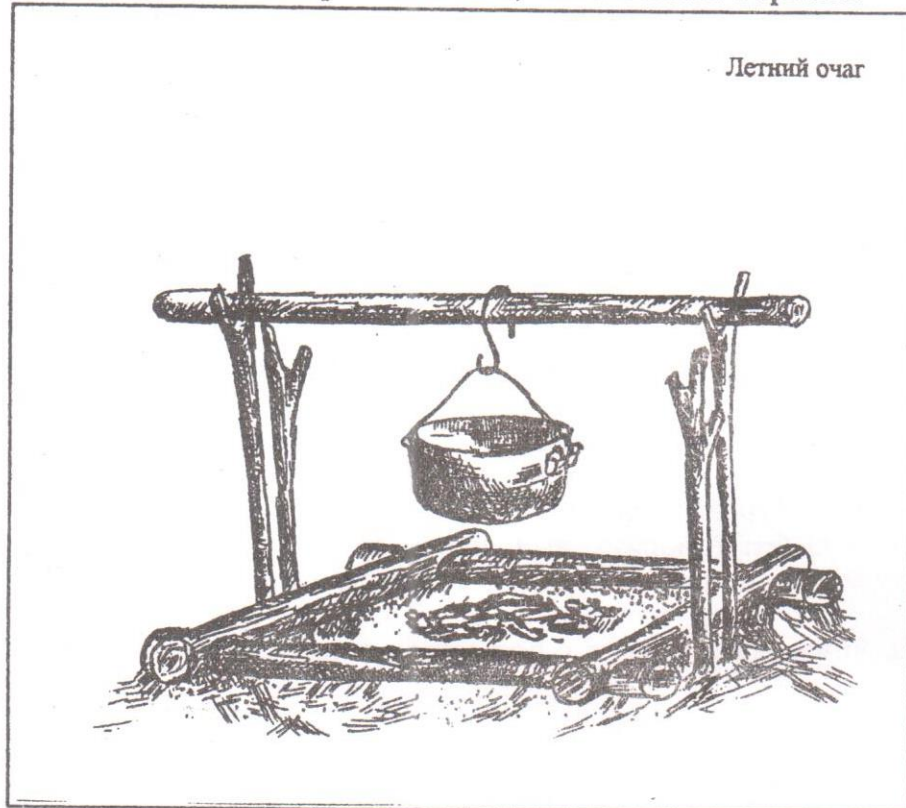
За свою долгую трудовую жизнь был участником I съезда коренных малочисленных народов Севера в г. Ханты-Мансийске и г. Москве (в Кремле). Был знаком со Щербиной, Шафраником, академиком Муравленко. За 30 лет работы повидал многое. А вот сейчас, как Павел Янчевич сам любит говорить, выполняет свою "общественную миссию" — учит нас любить эту землю, понимать народ, который живет здесь в гармонии с природой.

После рассказа Павла Янчевича о себе я с большим удовольствием забрался в спальник и сразу же уснул.

**Владимир Саяпин,
ученик 11 класса, СШ №1**

13 августа 1998 г.

Встали мы в 9.00. Накрапывал дождь. Потихоньку оделись, умылись и побежали на зарядку. Сделали пробежку, несколько упражнений для развития мышц рук и ног: приседание, отжимание, подтягивание, но самое интересное — это была борьба. Мальчишки разгоняли свою застоявшуюся кровь, соблюдая все правила по боксу. Окончательно проснувшись и взбодрив свое тело, мы побежали обратно.

Пока мы бегали и оздоравливали свой дух и тело, дежурные приготовили пищу для наших желудков: сладкую рисовую кашу с яблоками и салат, чай с пряниками и маслом.

Перед завтраком мы спросили у Павла Янчевича: “Когда закончится мошка?” Он ответил: “Когда на обласе будешь ехать, и весло станет примерзать, тогда и кончится время мошки”.

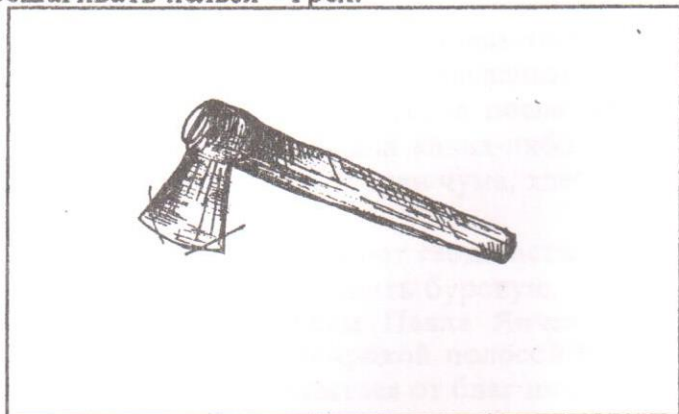
После завтрака у нас была планерка. Мы решили, что пойдём на Гору Осеннего Селения рубить жерди. У нас была норма — 100 жердей. Собираясь, мы заметили, что наши топоры совсем затупились.

Алексей Снигерев подошел к Павлу Янчевичу и попросил у него точило. Тот начал протягивать его Алексею, который хотел взять брусок руками, но Павел Янчевич быстро убрал точило. Алексей ничего не понял и опять протянул руку за ним, а Павел Янчевич опять убрал точило.

Тут мы узнали, что у хантов точило нельзя брать открытой рукой: нужно положить его на тыльную сторону руки или положить куда-либо, то есть не из рук в руки. При этом необходимо сказать: “Я тебя через камень вижу”. По хантской традиции брусок просить нельзя, его нужно воровать. Кроме того, мы узнали, что брусок — божественная вещь. О нём не спорят. Через него никому перешагивать нельзя — грех.

Поэтому, вместо запланированной работы, мы до 10.00 точили топоры. Зато мы узнали, что ненцы у своих топоров отсекают углы, чтобы при транспортировке (каслании) не повредить вещи. Если у ненцев рукоять топора длинная, прямая, круглая, то у хантов она типа дощечки.

Пока происходила заточка топоров, дымокуры спасали нас от насекомых. Они то разгорались, то потухали. Мы раздували их своеобразным веником из скрепленных между собой утиных крыльев. По-ненецки он называется *тлювш*, или “метущий”. Но Павел Янчевич однажды назвал его “крылатый

веник”, то есть веник из крыльев. Мне это название особо понравилось. С помощью “крылатого веника” раздувают огонь, потому что это удобно, а когда он состарится, им подметают пол.

Опахало

Алеша, наконец, заточил свой топор, и мы отправились на Гору Осеннего Селения. Когда выходили — светило солнце и было довольно тепло.

Ближе к полудню мы завершили заготовку жердей. Нарубили свыше 80 штук. Собрались идти обратно. Кто-то из ребят спросил о профилях, которые пересекли бор. “А вы читали книгу Еремея Даниловича Айпина “Ханты”? — спросил Павел Янчевич, — там как раз об этом хорошо сказано”. Чуть позже, уже в библиотеке музея, мы нашли эту книгу и отрывок из нее.

И Осеннее Селение рода не упустила бумага-карта на большой Протоке Болотной Стороны, в вековых соснах на крутом песчаном яру. Там тоже целое становье с добротными домами и всеми необходимыми постройками. Видел Демьян такие рисунки с ликом Матери-Земли — все там есть. Не ошибаются те, кто их делает. Не раз в этом убеждался. И вот искатели, видно, тоже не ошиблись — прямо наце-

лили на Демьяна. Через неделю-другую выйдут к его зимовью — сосновый бор разрежут, кедровники разрежут, березовые рощицы возле Древесной разрежут, попадется селение — разрежут. Сказывают охотники, не могут они свернуть ни на шаг, не положено. Где по бумаге-рисунку им указано, там они сверлят землю на полтора-два десятка метров и закладывают что-то порохоподобное, что бухает, стреляет в глубь Сидящей. Но это только начало. За ними приходят вторые. Те уже дырявят землю на километры в глубину, они намного сильнее первых. И если они находят горючий жир, нефть, появляются третьи — добытчики. От тех, третьих, добытчиков, сказывают, уже совсем жизни нет. В буквальном смысле переворачивают боры-беломошники, урманы черные, болота бескрайние. Сказывают, будто сами же искатели и добытчики нефти бахвалятся, что на десятки километров от своих путей-дорог ничего живого не оставляют. Никак не хотелось верить в это. Но если здраво рассудить, то у тех же искателей сколько разных машин! А ежели все это двинуть против тайги, против зверя и птицы — какая земля не застонет?! Какой земле под силу выстоять и победить?!

Дежурные начали готовить уху. Хлеба осталось немного. Сергей Горнасталев — пекарь экспедиции, приготовил все необходимые продукты, чтобы сделать тесто на лепешки.

Около 14⁰⁰ приехал хозяин стойбища Айпин Еремей Данилович со своей семьей. Мы познакомились. За обедом, кроме рыбы, ели суп с грибами, пили чай с конфетами.

После еды устроили концерт в три отделения. В первом выступал я. Сыграл несколько произведений классики. Правда не на электрогитаре, поэтому звук был тихий. Затем продолжил Алексей Снигерев. Они спел песню “Искра” и “Из Омска едет спецэтап”. А Володя Саяпин порадовал слушателей своей любимой песней “Я сделан из такого вещества”.

После обеда мы очищали стойбище от мусора. Руководитель экспедиции, Виктория Ивановна, не раз повторяла, что “архитектура стойбища не может быть понята без элементов естественного окружения”. Многие из нас сами по себе отмечали высокие эстетические достоинства выбранных для жилья мест, да и для самих хозяев небезразлично, какой вид открывается со стойбища.

Мусора было много. Его собирали в специальные полиэтиленовые мешки с надписью “Чистый дом — радость в нём” и сбрасывали с яра в болото. Обычно для мусора выбирают место возле собак, потому что это грязное место.

Затем мы опять пошли на Гору Осеннего Селения. Шли быстро, дорога почти знакомая. Павел Янчевич заметил, что не желательно, чтобы дерево рассекало идущих — это к ссоре.

По дороге говорили о питании в экстремальных условиях. Оказывается можно питаться молодой сосновой верхинкой 10 - 15 см. Ее весной очищают от иголок, как банан от кожуры.. Эта верхушка довольно сладкая.

На Горе Осеннего Селения мы нарубили еще 105 жердей и отправились домой. Пришли на стойбище около 18⁰⁰ и не узнали летней кухни. За наше отсутствие ее расширили в два раза, сделали большой стол со скамьями. Вот здорово! Теперь хоть по-человечески будем есть. Удобно писать, проводить планерки.

Перед ужином мы сели записывать хантыйские и ненецкие цифры. Павел Янчевич называл их, а мы выводили:

	По-хантыйски	По-ненецки
один	ый	нгуп
два	каткан	шичча
три	котлам	няхатл
четыре	нитлы	чет
пять	вэт	хамптлянгк
шесть	кут	мат
семь	тлапат	щэ`эв
восемь	нитланг	шитчет
девять	иръевнг	кашемптю`
десять	евнг	тю`

Однако, Павел Янчевич заметил, что если бы мы стали составлять числительные, то разведчики бы сразу нас вычислили. И привел примеры: одиннадцать — *нгуптянкня* (“один лишний”). Но и это еще не всё. Оказывается, есть детское произношение, юношеское и зрелая речь. К числительным это имеет следующее отношение. Так цифру 21 дети произнесут *шиччатю`кат ватта нуп* - (2 десятка, лишний 1); юноши скажут *няхамты тю`кат ватта нгуп* (третий десяток, лишний 1); взрослые же произнесут *нахамтытю`та нгуп* - (третий десяток, 1).

Дежурные вечером сварили макароны и подали их с кетчупом. Мы охотно поужинали после трудового дня. Павел Янчевич удивил нас своими рассуждениями о рациональности бытия: “В дороге сделаешь привал, пока чай пьешь, носки простирнул, на ветер повернул — и высохли. Ты в это время ходишь босиком, потом мхом протер и ноги чистенькие”. Еще Павел Янчевич подметил, что если по болоту прошел человек, то лист багульника наверх развернулся, а по бору — лист брусники.

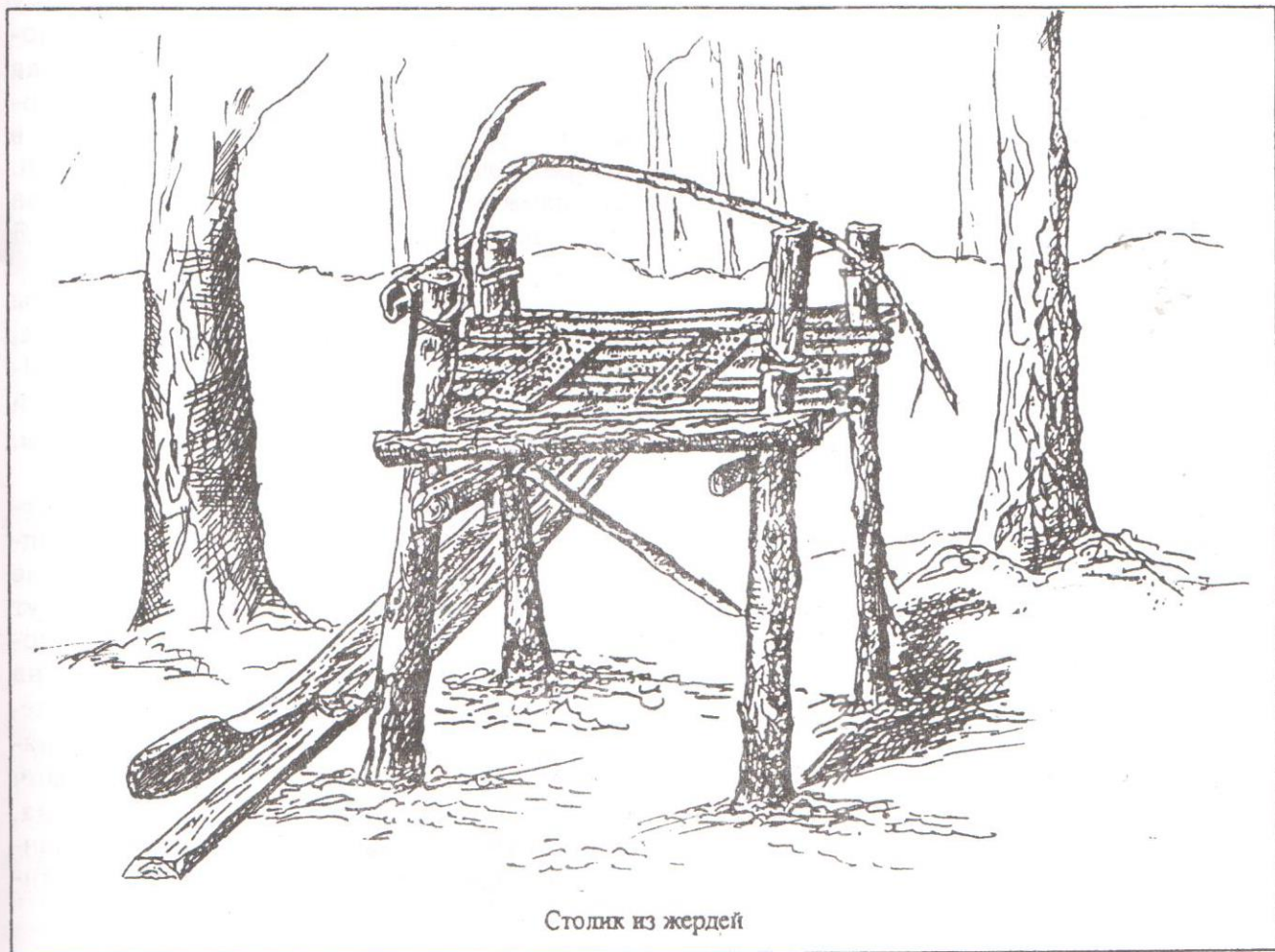
Вечером руководитель экспедиции пригласила Снигерева Алексея (медика группы) для очередной проверки аптечки. Алеша взял с собой столько лекарств, что они в один кулек не влезли. Его консультировала мама, врач по образованию. Он по совету Вовы Саяпина нарисовал человека и лекарства распределил по частям тела. Это было очень удобно.

- сердце — пустырник;
- голова — анальгин, аспирин;
- глаза — софрадекс, тетрациклиновая мазь;
- нос — софрадекс, галазолин, эвкалиптовая мазь;
- зубы — калпол, анальгин;
- уши — софрадекс, эритромицин, борный спирт;
- горло — калпол, фарингосепт;
- суставы (растяжение) — эссавен гель;
- кишечник — имодиум, ношпа, фестал, интестопан, активированный уголь;

- для промывки и дезинфекции ран – фурацилин, зеленка, йод;
- от ожогов – олазол;

Кроме того, в аптечке были шприцы, иглы, бинты, лейкопластыри, жгуты и вата.

Отдохнули и ближе к ночи сходили в баню, возле которой стоят оставленные нарты, небольшой столик из жердей. Они выглядят очень древними.

Столик из жердей

Как-то Павел Янчевич сказал, что если на предмете домашнего обихода есть следы ножа (*катл нут* — “ножика дорога”), то так мог сделать подросток. Но если в постройках есть красивый, ровный след топора — это почерк мастера (*метл*).

Александр Халявин,
ученик 8 класса, СШ № 3

14 августа 1998 г.

Палаточный городок проснулся от сильного стука дождя по крыше, поэтому Вера Алексеевна просигналила подъем на полчаса позже. Вещи у многих были мокрые, потому что палатки были плохо натянуты и стали протекать. Как всегда утром мы умылись и почистили зубы. Завтрак уже ждал нас на столе. После еды, Виктория Ивановна проводила планерку, на которой обсуждалось состояние наших полевых дневников. При этом руководитель экспедиции детально “прошла” по каждой тетради. Были помечены неточности в записи фамилий, хантыйских и ненецких слов, небрежность ведения некоторых тетрадей. После разборки наших записей Павел Янчевич предложил, чтобы мы подходили к нему за помощью, и он поможет “каждую фразу положить на свое место”. И еще он сказал: “Я рад, что вы почувствовали ту большую струнку, которая пронизывает нашу жизнь”.

Затем мы обсуждали план работы на день. Павел Янчевич сказал, что сегодня мы “убьем четырех зайцев”: убедимся, есть ли питьевая вода на перешейке Песчаного озера, завизируем селения, заготовим жерди для строительства коралля и посетим весеннее стойбище Тихона Галактионовича. На сборы нам дали минут двадцать. Ребята все бегали и сутились в поисках топоров, так как их не хватало на всех. Те, кому достались топоры, быстро стали их точить.

Дорога была долгой. На нашем пути было огромное количество ягод. Они не только вкусные и сладкие, но содержат много полезных веществ, в том числе витаминов, углеводов, микроэлементов, и вполне могут утолить голод в походе. Одно растение с ягодами черного цвета мы встретили впервые. Оно было похоже на ползущую елочку, его маленькие листочки были скручены так, что напоминали нам хвоинки. Это растение называется водяника, за водянистые ягоды. Павел Янчевич сказал, что они их не употребляют в пищу. Хотя дома, прочитав об этом растении, мы узнали, что в Гренландии ягоды водяники применяются как средство от цинги.

Огромные поляны красных, черных и голубых витаминных ягод внушали такое чувство, которое я не испытывал никогда. Обилие ягод было бескрайним. От жадности мы разбрелись по разным ягодным местам и поглощали этот дар природы. И многие, кто уходил вперед, убегали всё дальше и дальше.

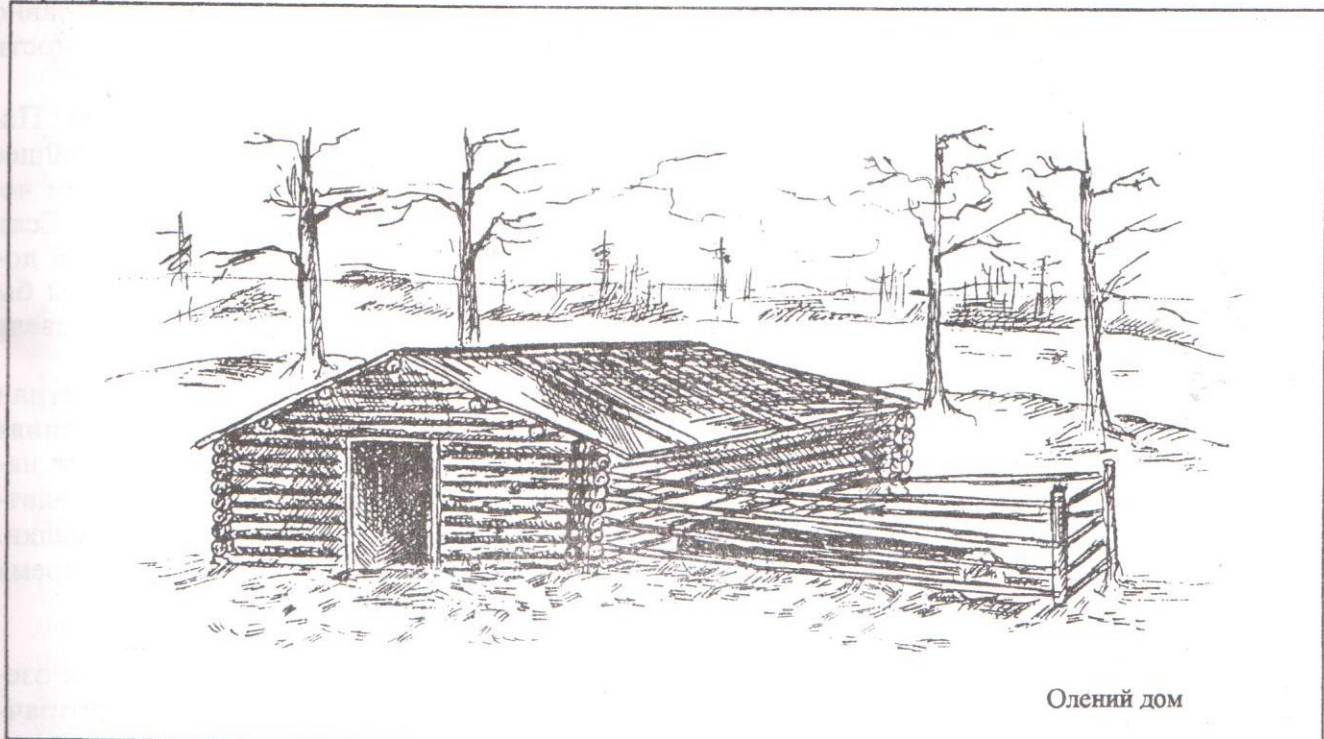
Неподалеку мы увидели какое-то заросшее травой озерко с песчаными берегами. Павел Янчевич сказал, что это Песчаное озерко (*Санки лор*). Когда-то оно было чистое, а сейчас заросло травой. Здесь гнездятся утки. На белом песчаном берегу озера мы увидели необычные бело-розовые шарообразные грибы. Внутри они черные. Павел Янчевич рассказал из своего опыта, что эти грибы можно сушить, растереть в порошок и использовать вместо гуталина.

Павел Янчевич нам сказал, что мы будем учиться плавать на национальной лодке — обласе именно на этом Песчаном озере. Но после некоторых размышлений предложил сделать это на Озере-В-Кедрах, по-хантыйски *Лы'х'л'ын мах'ын ло'р*, так как оно чистое и там нет травы.

А ягоды нас всё больше удивляли своим размером и количеством. Когда мы увидели голубику, у меня, а может быть и у других было впечатление, что мы попали на виноградник. Срывая чернику, можно было одной горстью собрать полстакана.

И вот издалека мы увидели старье, развалившиеся от времени постройки. Павел Янчевич сказал: “Вот мы и на месте”. Построек оказался мало, и они были сильно разрушены, поэтому трудно понять, где окна, а где двери. А раньше здесь было целое стойбище, большое, с многочисленными строениями, где проживало две семьи. Их жилища

были друг от друга на расстоянии 300 метров. Там, где раньше проживала первая семья, мы должны срубить около ста жердей. Павел Янчевич сказал, что жерди на коральшку рить не надо, "всё доделает время", чем больше сучков, тем реже олени будут лезть на ограду.

Олений дом

Пока ребята рубили жерди, девочки собирали бруснику и чернику на обеденный компот. В короткие "перекуры" ребята и взрослые валились на землю отдыхать. Некоторые работали через "не хочу", а некоторые с удовольствием махали топорами. Даже Алексей Снигерев со своими восемью мозолями работал с удовольствием.

Погода стояла замечательная, на небе не было ни облачка, ни тучки, только одно яркое желтое солнышко. Не знаю, как у других, но у меня настроение было просто радостное. Правда, немного устал и вспотел. После того, как девочки набрали ягод, они стали убирать ветки срубленных деревьев и складывать их в одну кучу. Через некоторое время они высохнут, сгниют и превратятся в плодородную почву. Мальчишки, которым не досталось топоров, носили срубленные жерди и складывали их в кучу. Они при этом вели счет жердей. Работа пошла очень быстро, мы даже не успели сделать ни одного "перекура". Как только носильщики сказали, что уже заготовлено сто жердей, мы подумали, что они шутят, но это было правдой.

Тут мы увидели еще пять деревьев, сваленных и лежащих на земле. Павел Янчевич сказал, что так не пойдет, надо дело довести до конца. Мы конечно же послушались нашего проводника. Через минут пятнадцать все уже лежали на земле и приятно отдыхали. Сегодняшний результат рубки жердей был сто пять штук.

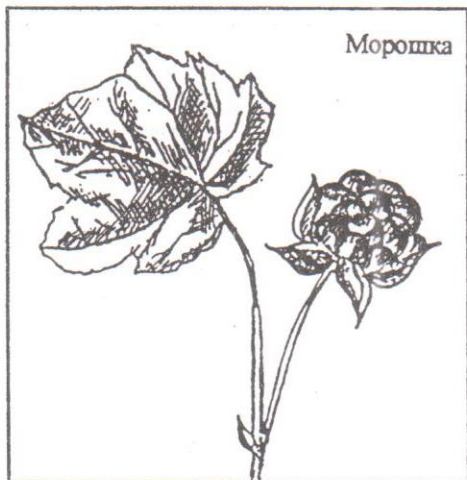
Павел Янчевич нам рассказывал, как проезжие воруют оленей, когда эти замечательные животные пасутся на ягельных полях. Случалось, что в год пропадают три, четыре оленя, а то и больше.

Любомир и Вова Саяпин должны были снять план местности и нанести его на карту. Это наши "съемщики", так мы их называли. Мы только хотели уходить, как увидели их бегущими к нам. Запыхавшись, они объяснили, что не могут нанести на лист план местности, так как что-то непонятное творится с нашим компасом. Красная стрелка, показывающая на север, беспорядочно крутится. Павел Янчевич сказал, что есть три причины обмана компаса:

- либо влияет сильное поле дедушки Ефрема;
- или здесь неподалеку стоит какая-то станция и на ней много магнитных инструментов, а может быть и залежи руды;

- либо компас отслужил своё и его можно выкидывать на свалку.

Виктория Ивановна не могла в это поверить и сама пошла с Любомиром попробовать снять план. Но и у нее ничего из этого не вышло. Красная стрелка компаса все равно продолжала беспорядочно крутиться. Так мы точно и не смогли снять план местности песчаного селения.

Далее мы отправились на Озеро-В-Кедрах. Павел Янчевич сказал, что мы идем на это красивейшее озеро полюбоваться им и посмотреть, где будем через несколько дней учиться плавать на обласе. Если бы мы сюда пришли на месяц раньше, то по этой дороге от зимнего стойбища к Озеру-В-Кедрах мы бы объелись вкусной морошки. Сейчас эта ягода отцвела и переспела.

Пройдя около трехсот метров, мы встретили на своем пути еще одно селение. Это была весенняя стоянка Тихона Галактионовича. Мы увидели два навеса для сетей, перекладины для навешивания палатки. У дерева стояло весло, а на земле лежали носилки. Тихон Галактионович останавливается здесь во время рыбалки. Все встретившиеся нам сегодня селения

принадлежат роду Айпиных.

До Озера-В-Кедрах мы шли минут двадцать по высохшему болоту. Подойдя к озеру мы несколько минут любовались его красотой. Это озеро такое чистое, такое прозрачное, как стекло. Даже казалось никакой воды нет, а только одно песчаное дно. Само озеро было как море, его берегов не было видно на горизонте. Сначала мы даже побоялись спросить у Павла Янчевича, можно ли здесь покупаться, но решились и спросили. Он, конечно же, разрешил. Мы очень обрадовались, мальчишки мигом разделись и начали водную процедуру, даже не стесняясь "семейных трусов". А девчонки были скромнее и купались в верхней одежде. Веселье в воде было замечательное! Мы все прыгали и радовались, не боясь, что наступим на стекло и порежемся. Забавно нам было плюхаться в холодном озере. Когда мы вышли на берег все озябшие, нас уже ждал костер, разведенный водителем Алексеем. Согревшись и высушив одежду, мы набрали чистой воды из озера, чтоб по дороге не "засохнуть" от жажды и пошли.

Наверное, мы совершили бы грех, если бы не искупались в этом чистом и прозрачном озере. Обратившись на стойбище мы по предложению Павла Янчевича пошли коротким путем не через Песчаное озеро, а напрямую, через болото. Таким образом, мы сэкономили около получаса времени. По болоту мы шли минут двадцать и только сейчас вспомнили, что еще не пообедали, поэтому быстро прибавили ход. Некогда было есть ягоды, старшие нас подгоняли. Мы "добежали" до нашего "дома" минут за сорок, а нам показалось, что мы прошли это расстояние за пятнадцать минут.

Когда пришли на место, то стали проверять компас. Оказалось, с ним всё в порядке и выкидывать его не надо. Дежурные начали готовить обед. Пока наши повара "колдовали" над кастрюлями, все остальные занимались своими делами. Кто-то записывал в полевые дневники события прошедшего дня, кто-то брэнчал на гитаре, а кто-то просто сидел у костра и мешал дежурным. Через минут пятьдесят обед стоял уже на столе. За считанные секунды возле стола собралась толпа. Поели тоже очень быстро и так же быстро вымыли за собой посуду. Закончив трапезу, Павел Янчевич сказал, что мы сегодня "убили" не четыре, а пять зайцев, так как сэкономили обед (он мягко перешел в ужин).

После часового отдыха, хозяин стойбища, Айпин Еремей Данилович и Виктория Ивановна пригласили нас в моховой домик на вечер хантыйских и ненецких песен. Нам было интересно, и мы пошли их слушать. Мы впервые услышали, как идет расшифровка текстов хантыйских песен на русский язык. Виктория Ивановна разрешила включить в нашу главу одну из песен. Это личная песня Сардакова Архипа Михайловича в исполнении Иуси Ольги Филипповны (на хантыйском языке).

Кей-кей-кей-кей-кей ...
Кей-кей-кей-кей-кей ...
Кей-кей-кей-кей-кей ...
Явурьях пунылны ма волтама,
Тем волтама выле кейё- кейё.
Торумн выле мы ццойем ма,
Мув мыццоем.
Мув волты йюттам чены аръялы.
Ма выли ар кот охпи понцыксыхлым, ар ма
...
Ар нэ-куйя патхым выле, кей-кей ...

Мытты тэм Явурьях пуныл ай яхыма пу-
лытны
Ма чены чи корхитлылым,
Па латны нок патыхлым-питлым, кей-кей

Кей-кей-кей-кей-кей ...
Чу ястыма неврем-куйя

Ма энты чи тойилыхлым, кейё-кейё
Явурьях пуныл ...
Явурьях пуныл колымъевн кима
Ма чи тойилыхлым, кейё-кейё-кейё ...
Тойилыхлым, кейё-кейё-кейё...
Торум мыйем, ма чи тойлым,
Колым йевн кима ай велы
Явурьях пунылны, кохлылыхлыт, чены
Чены кохлылыхлыт, кейё-кей-кей ...
Кей-кей-кей-кей ...
Чечечем мыйем энты тойлэм
Йехем мыйем энты тойлэм
Кейё-кейё-кейё-кейё ...
Ма чи архилылым
Ма чи воллым.
Волилыхлым, кей-кей-кей ...
Йехем мыйем энты тойлым, кей-кей ...
Тэм чечечем кыйем мыхылемны,
Чи кычим ма явурьях пунылны
Кычим, кей-кей-кей ...
Ях выле вици ястыхлыт:
Маны лыви тэм войех-кул, ...
Маны валли, кей-кей-кей ...
Кей-кей-кей-кей...
Ма чи архилылым, кей-кей-кей ...
Кей-кей-кей-кей ...

Кей-кей-кей-кей-кей ...
Кей-кей-кей-кей-кей ...
Кей-кей-кей-кей-кей ...
(У) Ягурьяха на обочине я поживаю,
Тут поживая ведь, кейё-кейё,
Торум ведь обездолил меня,
Разве обездолил.
Разве жизни моей зарубки так определены.
Я ведь многих домов двери открывал, много
я...
Ко многим женицино-мужчинам попадал ведь,
кей-кей...
Мол, на этих Ягурьяха обочины маленьких бо-
ров кусочках
Я действительно так скитаюсь.
В иные мгновенья побеждая-поднимаясь, кей-
кей...
Кей-кей-кей-кей-кей ...
Так предсказанных (предназначенных) дето-
мужчин
Я вот так и не имел, кейё-кейё
Ягурьяха обочина...
На Ягурьяхе обочине три десятка около
Я, имея, кейё..., оленец.
Имея, кейё-кейё-кейё...
Торум даденые, я все-таки имею
Три десятка малых оленей
По Ягурьяха обочине бегают так,
Так бегают, кейё-кей-кей...
Кей-кей-кей-кей ...
Дедом даденых не имею,
Отцом даденых не имею,
Кейё-кейё-кейё-кейё ...
Я так попеваю,
Я там живу.
Поживал, кей-кей-кей...
Отцом даденых (оленей) не имею, кей-кей...
На этой дедом оставленной землице
Так остался я на Ягурьяхе обочине,
Остался, кей-кей-кей...
Люди ведь всегда поговаривали
Мною съедены эти зверь-рыба,
Мною убиты будут, кей-кей-кей...
Кей-кей-кей-кей...
Я так вот попеваю, кей-кей-кей...
Кей-кей-кей-кей ...

Дождаясь всех, мы сидели на улице на стареньком диване возле дымокура. Кто-то поставил это спасение от кровососов близко к дивану и не заметил. А когда мы находились в моховом домике и слушали магнитофонные записи с хантыйскими и ненецкими песнями, вдруг учуяли запах дыма. Саня и Афанасий выбежали на улицу и обнаружили, что горит диван. Наши "пожарные" быстро принесли воды и затушили огонь. Они не поднимали панику, поэтому всё остальные спокойно сидели в моховом доме и наслаждались песнями. Песни эти оказывается очень интересные, хотя и непонятные, но по своей мелодичности они напоминают наши колыбельные. Слушая их, очень хорошо засыпать,

поэтому многие уже “клевали носом”. После окончания песен все разошлись по палаткам и легли спать.

Мы думаем, что все уснули быстро-быстро, потому что день был очень насыщенным.

**Владимир Романов,
ученик 10 класса, СШ № 2**

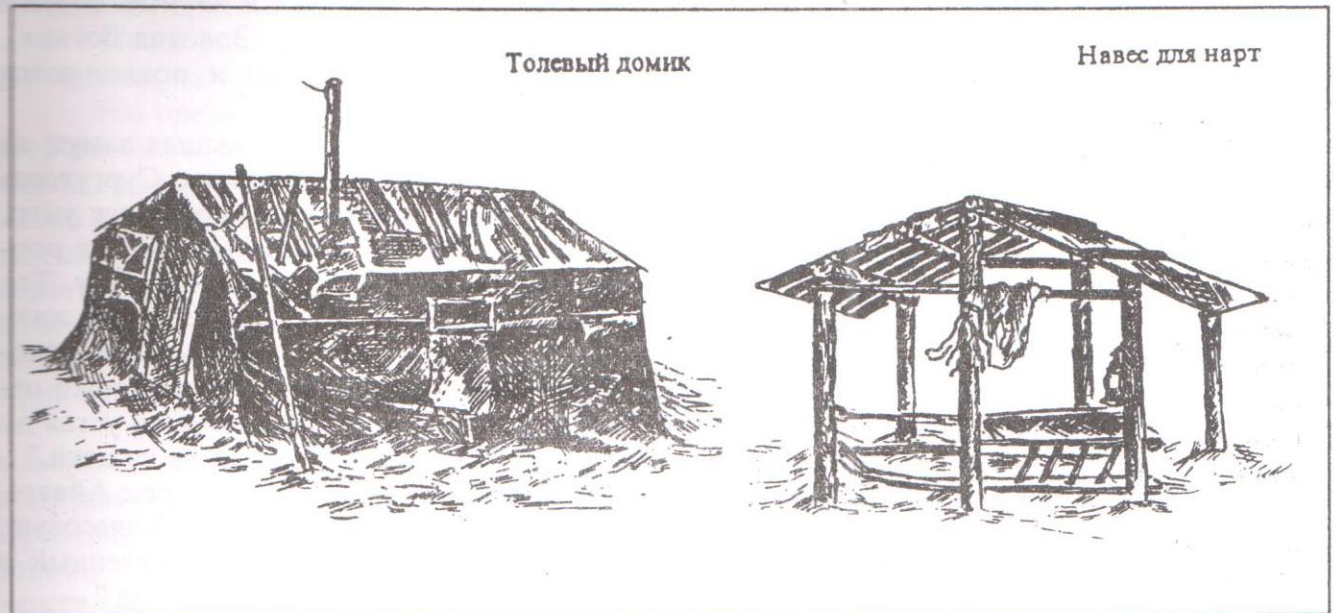
**Олег Ларин,
ученик 8 класса, СШ № 3**

15 августа 1998 г.

Да, просыпаться этим утром было тяжело. Все нехотя выходили из своих палаток. Но свежий, прохладный ветерок обдувал тело и прогонял остатки сна. Почти все сразу столпились возле умывальника. Как-никак, а умыться утром надо обязательно.

Позавтракали мы отменно: каша пшенная, салат из гороха, огурцов и кукурузы, пили чай и компот. Не отходя от стола, некоторые сразу завязали разговоры. Говорили, кто о чём: вспоминали о снах, планировали работу на день. Сидя рядом с Викторией Ивановной, мы заговорили о важности посещения родового святого места Эвт.

Со вчерашнего вечера Павел Янчевич чувствовал себя плоховато, и мы решили "не мучать" его вопросами. Чтобы время зря не терять, обсудили с Еремеем Даниловичем Айпиным план работы на эти полдня. Некоторым ребятам досталось реставрировать навес для нарт, другим — восстанавливать толевый домик.

Остальным пришлось заготавливать дрова. Это была нетрудная работа, но она изнуряла своей монотонностью. Сначала мы переносили поленицу, стоявшую возле дома, так как она должна находиться возле кухни и хлебной печи. Дрова не должны загораживать обзор. Когда дежурные готовили еду, подошел Еремей Данилович и сказал: "Да, не умеете вы обращаться с огнем". Сразу назрел вопрос: "А как с ним обращаться?" В ответ мы услышали следующее:

1. С ним надо говорить вежливо, нельзя на него кричать.
2. Его нельзя ворошить железным прутиком.
3. Запрещается плевать в огонь, резать его ножом или топором.

За это огонь отомстит. Он — живой. У хантов есть сказка "Обиженный огонь".

Рассказывают, что ехали двое: муж и жена. Захотели развести костер, а огонь никак не разгорается. Тогда муж рассердился и начал топором рубить огонь. Говорит: "Я всё равно в другом месте разведу огонь". Поехали на другое место и там никак не могут развести огонь, нигде не могут. Потом ехали, ехали и приехали снова на это же место, где он костер рубил. А там сидит женщина в красном платке и плачет. У нее по лицу кровь течет.

— Зачем ты меня так изрубил? Больше ты нигде не разведешь огонь, пока не отдашь мне свою дочь.

У них была дочь, в дневной люльке сидела. Мать заплакала и не хочет отдавать, а муж, раз он изрубил огонь, должен был рассчитаться. Поставил люльку с ребенком на костер. Костер сразу же разгорелся. Хозяйка огня приняла ребенка — подарок.

В этот день я узнал, что у хантов и ненцев, если человек передел шапку, то это уже другой наряд. И так в течение одного дня могут менять "костюм" около пяти раз. И еще одно, если человек наливают из кружки другому, то нельзя лить через руку и на дне кружки оставлять немного воды — так делают для покойника.

Поработав хорошо, мы с удовольствием пообедали. В 15.20 была планерка, на ней обсуждали наши тетради, хорошими оценками отмечены были многие. После планерки мне пришло в голову: "А что если начать записывать хантыйские слова." Хотя слов в употреблении много, а при составлении словаря они заканчиваются очень быстро. Но записал я всего сорок одно слово. Хантыйский язык очень трудный, я вам скажу.

Потом Еремей Данилович предложил выкорчевать пни срубленных деревьев перед домом. Технология была простая: сначала окапывали корень, затем бревном его поддевали, все наваливались, и пень был наверху.

Афанасий сегодня был как трудолюбивый настоящий мужчина. Ездил на машине за водой, ножом ремонтировал свой велосипед, носил его на причал (300 метров), разжигал дымокуры, бегал за мохом.

Затем начал лить дождь, и мы усадились слушать историю Щучьего Бога. Павел Янчевич начал свой рассказ так. Боги бывают общие, родовые, семейные и личные. Самым верховным богом является *Нум Вэхку*. Ему подчиняются *Хытли кахэ* (Золотая богиня), *Пытлянг кахэ* (Щучий Бог) и др. Айваседа относятся к роду Щуки и поклоняются Щучьему Богу, а история его такова.

Несколько столетий назад красавица ненка Эввы из рода Иуси вышла замуж за ненца Айваседа, который проживал на реке Ляма в деревне Дарко-Горшково Сургутского района. Прошло некоторое время, и у них появилось четыре сына. Вскоре муж умер, семья осиротела. Родственники мужа предложили Эввы вместе с детьми вернуться к родным на р.Ампу, потому что по своей бедности они не могли содержать невестку. Так она и сделала. Вскоре братья Эввы сказали: "У тебя все дети сыновья, мы не можем жить вместе. *Нгайвамта титлы* — голову поднимут, то есть по нашим (ненецким) законам, сыновья твои, когда вырастут, возможно, будут обижаться, что мы к ним плохо относились. У нас невест нет, так что вместо невест дарим вам речку Варьеган от устья до вершины. Эта речка самая богатая. Живите там и самостоятельно подниметесь на ноги."

Род разрастался, и земли становилось всё меньше и меньше. Однажды род Айваседа принял на свои уголья людей рода Тёт и Вэлла. Их дважды возвращали на Холесовую, их родину. На третий раз, когда в Варьеган с Холщовой приехал уполномоченный и спросил: "Есть ли здесь Тёт Соболев и Вэлла Калла, председатель артели "Айваседа" —

Хала ответил: "У нас есть Соболев и Калла, только они Айваседа". С тех времен (1930-е годы) эти два рода нелегально вошли в род Айваседа и также стали уважать и чтить Щучьего Бога.

Несколько столетий назад кто-то сказал, что боги-то продаются и покупаются в Казыме. Зная это несколько Айваседа и приобрели из церкви бога. Им достался Щучий. Павлу Янчевичу тогда было 5 лет, но он четко запомнил, что этот бог "жил" в металлическом сундучке. В последнее время он находился у бабушки Халы Айваседа. От Халы он перешел к Кансмы. Когда Кансмы неожиданно утонул, бога с чердака дома забрал Теклю Айваседа. Считается, у кого бог — у того и удача.

Раз Айваседа поклоняются Щучьему Богу, то щука для них — священное существо. Ее кости собаке давать нельзя. Чешую и шкуру можно использовать в качестве приманки или выбросить в воду. Женщины и девочки не должны есть печень и животик щуки. Голову могут есть мальчики и несемейные мужчины. Черепушку на голове щуки (мозжечок) надо обязательно ломать. Еремей Данилович рассказал легенду о щучьей голове.

Однажды поймал охотник щуку, зажарил ее на костре, поел и выбросил черепушку, не разломав. И пошел дальше. Шел он семь дней, но не один зверь ему не попался. И вдруг ему какой-то голос говорит: "Твоя удача осталась в щучьей черепушке. Иди и разломай ее, тогда к тебе вернется удача". Охотник так и сделал. Вернулся, нашел ее и разрубил на две равные половинки. А вечером убил лося.

За нарушение запретов следовало ждать наказания. Павел Янчевич рассказал, как

его тетка съела животик щуки, печень и покрылась коростой. Мало того, что сама пострадала, но и накликала на своих родственников беду. Было это в вершине реки Варьеган, возле Кыш-озера. Как только тетка заснула богатырским сном, а братишка затих в люльке, на Павла Янчевича нашел такой страх, что аж штаны стали мокрые. Как там было дальше, он не помнит, маленький был. Говорили, что покойник “его тень взял” (рядом были могилы предков). Когда шаман тень “вернул”, Павел Янчевич успокоился и перестал заикаться.

Удача у Айваседа всегда бывает на рыбалку и охоту. На реке Варьеган есть святое место, где поклоняются Щучьему Богу – *Кайта менка* (Святая заводь). Руководитель экспедиции, Виктория Ивановна, рассказала нам, какими высокими словами к своему богу обратился на этом месте Теклю Халович Айваседа: “Э-э, Щука-кахэ! Мы пришли на это место. И не только мы, но и наши гости. Прими нас и выслушай. Мы поставили жертвенный стол и то, что смогли принести, положили здесь. Прости, что стол беден – жизнь стала такой. Мы пришли к тебе не хлеба просить, а для детей своих величиной с еловую шишку, для детей своих величиной с кедровую шишку, чтобы живя на своей земле, они не натыкались на сучки судьбы торчащие. Чтобы, проезжая по реке, они всегда благополучно возвращались к семьям своим”.

После ужина Тихон Галактионович принес богатый улов. И мы решили, раз это щучий день, то нам покажут, как со щуки снимают кожу и делают разные блюда.

Это происходит как обряд. Можно сказать, “раздевание щуки”. Все начинается с заточки ножа (без этого нельзя). Берется щука, отрезаются плавники (отрезанные, сушеные плавники — лакомство для оленей). Разрезается шкура по спине и плавными движениями подрезается. Получается щучья шкура без мяса. Зрелище великолепное! Затем Елизавета Даниловна разрежала живот, выпотрошила внутренности, потом срезала спинку, обязательно в определенном месте. Весь секрет в том, чтобы снять щучье мясо без костей. Нож скользит вдоль осевой линии хребта с одной и другой стороны. Оставшуюся часть (хребет с мясом) режут поперек и ставят к огню, или варят. Кстати, для протирания ножа и рук используют мох (сфагнум).

Нас поразило и другое блюдо, из вареной кишки — *чиклы*. Самую толстую кишку выворачивают внутренней стороной наружу и плотно завязывают. Затем привязывают ее к деревянной палочке (*янк*) и опускают в котел с кипящей водой примерно на пять минут. Приготовление чиклы — это своеобразная игра-шутка среди детей и подростков. Пока варится кишка, все стараются отвлечь внимание играющих от котла. Выхватить готовую кишку удастся самому проворному. Он должен убежать от догоняющих и быстро съесть горячую чиклы.

Тем временем мы начали разделять щуку на другое блюдо — *подовушку*. Елизавета Даниловна сделала это так: разрежала живот, выпотрошила внутренности, отрезала голову (большую щучью голову еще разрезают вдоль, чтобы быстрее варилась). Разрежала щуку на большие части поперек (нож чувствовал суставы хрящей позвоночника) и посолила. Потом Павел Янчевич надел подготовленную рыбу на *янк* и поставил к огню шкурой.

Пока кишка варилась, мальчишки начали отвлекать Алексея (водителя), дежурившего возле нее. И в то время, когда возле нее никого не было, я схватил кишку, но тут же вспомнил рассказанную Павлом Янчевичем историю о прожорливом Кули.

История эта произошла в 50-х годах. Троюродный брат Павла Янчевича Борис Халович (ему тогда было пять лет), сродный брат Сергей Халович, зять Кули с племянником Леней поехали на рыбалку. А голодные времена были, не хватало даже орудий лова.

Поймали в сетку одну единственную щуку, а она около полутора метров. Ох и жирная, ох и толстая, ох и сильная! Они ее всем народом тащили на берег вместе с сеткой. Как с ней быть? Решили провести собрание, дома людей много: несколько семей. Как на всех разделить? Одни сказали:

— Чтобы никто не узнал, давайте эту щуку здесь кончим.

— Да вы что, а домой-то мы что принесем?

Ну ладно, решили щуку распластать, голову сварить, всё остальное подсолить и увезти домой. Так и сделали. Щуку распластали, голову еле затолкали в котел, а кишки

вычистили, вывернули наизнанку, привязали на деревянную палочку и в котел.

А старший Кули хитрый был. Он был такой прожорливый, что никогда не наедался. В какое-то время говорит Борису (тот глупый, ему пять лет): "Собери все весла и положи их в один облас. Поставь его носом к воде, кормой к берегу. Сам на нос сядь и меня жди".

В то время толстые, жирные кишки уже сварились. Кули крикнул: "Ой, смотрите! Стая гусей летит!". Все повернулись, а Кули схватил эту иглу с вкусенькими кишочками и бегом к Борису. Сел в облас, оттолкнулся и, отплыв 3-4 метра, расхохотался: "Ха-ха-ха! Теперь щучья чиклы наша будет!".

А на берегу Леня и Сергей машут кулаками: "Вернетесь сюда, получите свое". Волей неволей Кули пришлось вернуться на берег. Бориса схватили за плечи и бросили между кочками, да так, что тот и остался там лежать. А Кули за такую дерзость повалили, сели на него и стали щекотать так, что чиклы чуть через все дырочки не вышла.

Перед сном мы попросили Павла Янчевича пожелать нам что-нибудь от имени Щучьего Бога. Вот что он сказал: "Наша судьба сведена во всё единое. Вы молодцы, что приехали. Вы нашли ключ от ржавого замка и я, от имени Щучьего Бога, хочу пожелать, чтобы этот ваш путь не закрылся. Куда бы вы ни приехали, я пожелаю вам удачи, здоровья, вашим мамам и папам, чтобы не задерживали зарплату, чтобы другие боги вам помогали".

Потом мы все попробовали чиклы, и группе был дан отбой. Все нехотя разошлись по палаткам спать.

Любомир Закриничный,
ученик 10 класса, СШ №4.

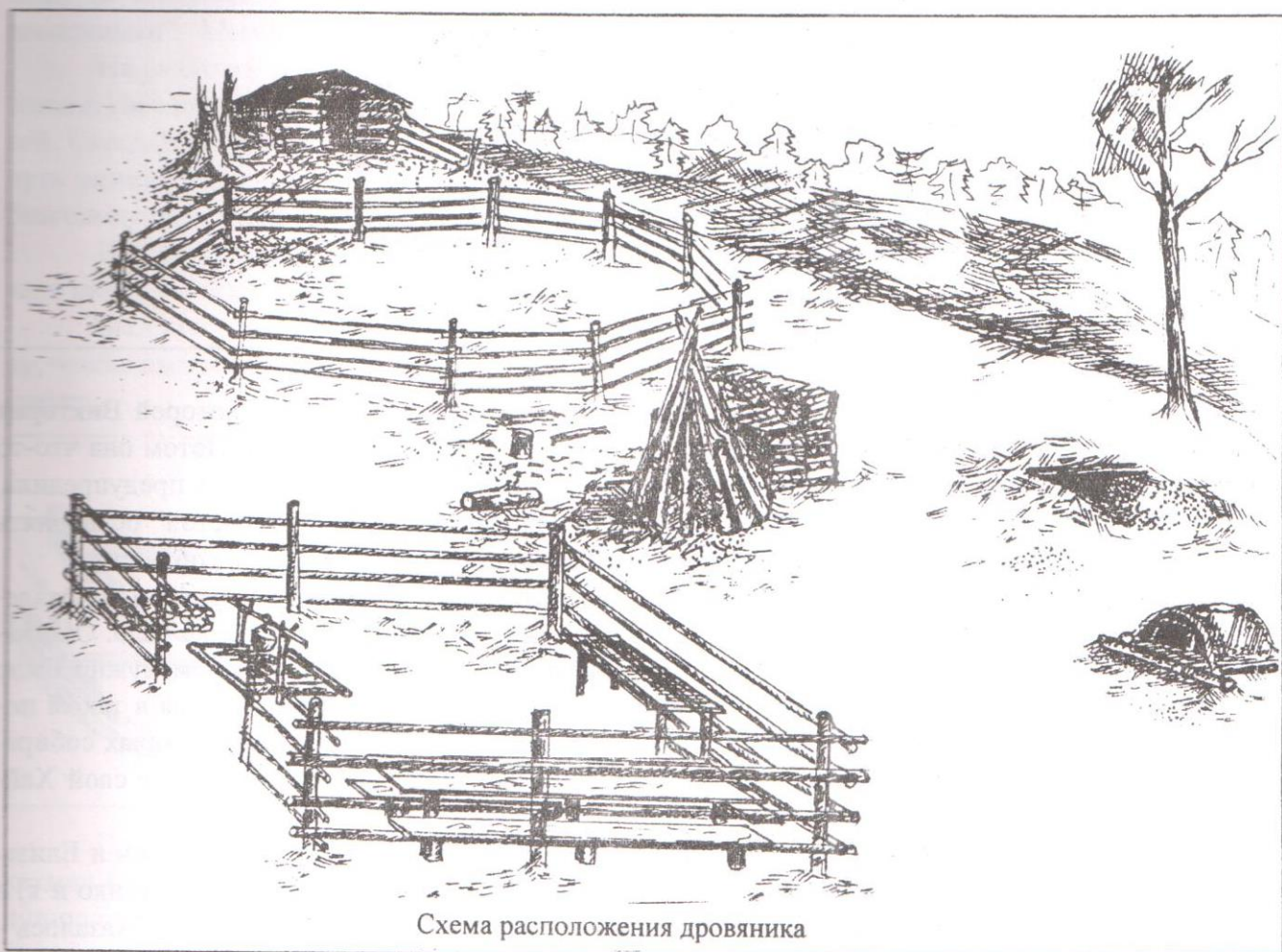
ДЕНЬ ЗАПРЕТОВ

16 августа 1998 г.

День начинался так же, как и предыдущий — с мокрых палаток, размеренного шума дождя и не очень хорошего настроения. Мне сразу же вспомнились слова Виктории Ивановны, сказанные на первой планерке: “Дело не в том, какая погода, а как ты ею воспользуешься”. Постепенно мы вылезали из палаток, удивляясь тому, что плохая погода, по-видимому, становится постоянной. Немного отойдя ото сна, все вереницей потянулись к нашему уличному, но ставшему таким привычным, умывальнику с холодной родниковой водой.

Пока мы умывались, Галина Харина и Ольга Время (дежурные) накрыли на стол, а Еремей Данилович сделал нашим парням несколько замечаний.

Во-первых, в лесу существует один главный закон — сохранение силы. Необходимо стараться не делать лишнюю работу. Поэтому дрова нужно рубить у дровяника, а не на летнем очаге. Ведь нужно будет постоянно убирать щепки, чтобы кухня была чистая. Да и такой процесс при ограниченных размерах летней кухни мешает приготовлению пищи.

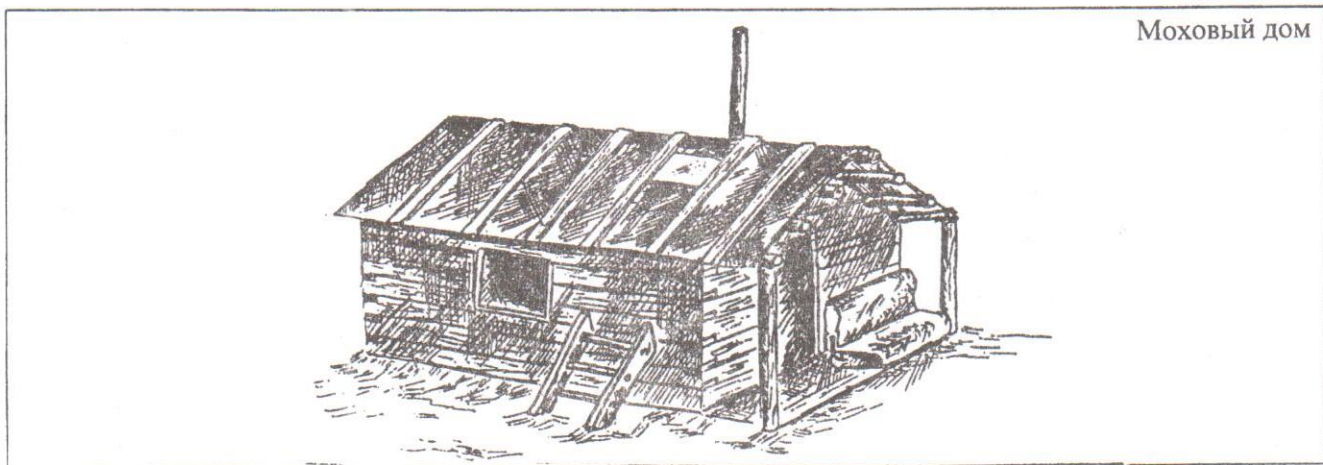
Второе замечание было по поводу того, что ребята черпают воду из родника ведром, тем самым, поднимая воду со дна, да, и вообще... Неизвестно ведь, где это ведро стояло раньше. Черпать воду нужно только одним сосудом. Желательно, чтобы это была кружка, не очень маленькая, которая постоянно находится около родника, например, висит на сучке. Родник впадает в протоку Деревянной речки, поэтому вода в нём всегда чистая. Сказал Еремей Данилович и об инструментах. На ночь их необходимо складывать в сухое место, утром будет приятнее держать в руках.

Нельзя оставлять после себя мусор, неоконченную работу. Отметил хозяин стойбища, что и машины нужно ставить подальше от избушки, а то скоро совсем разучимся ходить.

После всех перипетий сели завтракать. Согласно установленным в нашем лагере правилам, дежурные обязаны были сначала накормить до “отвала” всю группу, а когда группа насытится, есть сами. Замечу, всё было очень вкусно.

После завтрака, когда дежурные мыли посуду, Вера Алексеевна объявила о 15-минутной планерке. Пока ждали дежурных, сходили в лес за сушняком, а затем поговорили с Павлом Янчевичем об одной из построек этого стойбища — моховом домике.

Он должен быть в ширину больше, чем в длину, и чем он больше, тем лучше. В него вмещается больше людей, а это очень важно в тайге. Большую часть дома занимают нары — деревянные настилы по длине тела — у противоположной входу и боковой стены. Чем дольше живет человек, тем дом его должен быть больше. Ведь семья у него растет, и дом также должен увеличиваться. Его перестраивают, делают просторнее и шире.

Моховый дом

Когда дежурные, наконец-то, домыли посуду, началась планерка, на которой Виктория Ивановна сообщила нам, что сегодня мы едем в направлении святого места. Потом она что-то шепотом сказала Вере Алексеевне, а та, в свой черед, отозвала всех девочек и предупредила, что у кого критические дни, тому необходимо остаться. Нельзя будучи “нечистой” осквернять святое место. Это обычай и хантов, и ненцев. Обычаи есть обычаи, и их нужно соблюдать.

Павел Янчевич и Елизавета Даниловна сказали нам, что перед тем, как ехать в направлении святых мест, нужно пройти обряд очищения, чтобы чистыми были и душа, и тело. Очищают над дымокурором, по-хантыйски *кар мулэм*, сначала руки, затем ноги. Потом нужно было встать так, чтобы ведро с дымящимся мохом оказалось между ног и прокрутиться в таком положении над ведром по часовой стрелке. “Очистили” также и обе машины, на которых собирались ехать. Для этого Алексей (водитель) обошел с дымокурором по часовой стрелке свой Хайлак и УАЗик.

Пока он занимался этим, скажем так, не очень трудным делом, Павел Янчевич и Елизавета Даниловна надевали национальные костюмы. А мы (Ольга Время, Ольга Игнатенко и я) в это время расспрашивали у них, какие насекомые считаются у хантов священными. Оказалось — муравьи. Они являются самыми неутомимыми тружениками. А еще пауки и стрекозы, потому что они уничтожают вредителей леса, и этим как бы очищают его от всего злого.

Группа взяла бутылки для святой воды и монетки, чтобы кинуть их в святой ручей, отдавая дань святому месту. Перед самым отъездом Павел Янчевич сказал, что это хорошо, что мы не убирались и не работали сегодня утром, а когда мы спросили почему, он ответил, что перед тем, как ехать на святое место, нельзя делать этого.

Наконец-то все расселись по машинам. Ребята, кроме Сережи Горнасталева и Любомира Закриничного, залезли в кузов “Хайлакса”, Елизавета Даниловна, Павел Янчевич и Виктория

Ивановна сели в кабину, а все остальные в УАЗ.

До святого места было около 7 км. Дорога была трясучей. Но мы вскоре привыкли и уже не обращали особого внимания, когда нас неожиданно подкидывало к потолку машины.

Первый раз мы остановились возле засечек на дереве, которые указывали на прохождение Царской Государственной дороги, которая разрушилась со временем, потому что не использовалась и не ремонтировалась. Второй — у святой для хантов речки *Йимын явун*. Павел Янчевич заметил, что если бы даже это был совсем незаметный ручеек, все равно его бы назвали речка.

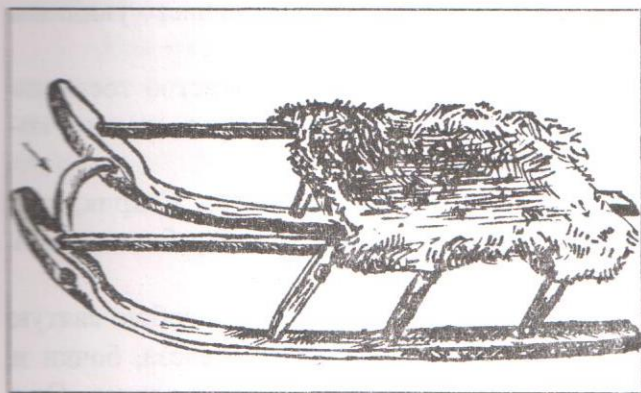
Поперек дороги лежала ржавая труба, цвета опавших осенних листьев. С одной стороны дороги речка впадала в нее, с другой вытекала. Кусок дороги, на котором лежала труба, был в непригодном состоянии. По нему невозможно было проехать, не задев днищем машины эту трубу. За ней находилась большая яма, и чтобы проехать, мальчишки заложили ее длинными бревнами.

Святой ручей является границей Аганского и Варьеганского сельсоветов. Еще на утренней планерке Павел Янчевич спросил, что такое граница в нашем понимании и процитировал понятие границ: “Линии, определяющие пределы государственной территории. Устанавливаются по соглашению между соответствующими государствами посредством делимитации и демаркации”. Мы были в обмороке. Ну и память же у него!

На речке мы все бросили по монетке, мысленно загадывая желание и думая о чём-то хорошем, светлом и благополучном. Набрали в бутылки воды, которая в этой речке считается святой. Сколько бы раз ты не проезжал или не проходил мимо этой речки, столько раз и нужно кинуть монетку. Если же занял ее, то нужно обязательно вернуть, так как желание не сбудется, а благополучие и удача перейдут к первоначальному хозяину монетки.

На святом месте нельзя вести вырубку, собирать дикоросы, ломать ветки, купаться и ловить рыбу. А также брать деньги из ручья, как бы не было трудно, как бы бедно не жил.

Был такой случай. Айпина Акулина Петровна срубила у святого ручья тоненькую березку, чтобы настругать стружки. Так та ее рука, что держала топор, отнялась и до сих пор не действует.

После этого сели по машинам и поехали дальше. Остановились у берега реки Аган. Павел Янчевич пояснил, что название реки происходит от перемычки между полозьями нарт, по-хантыйски *ахан юх*. Видно река имеет много таких поворотов.

Моросил дождь. Это хорошая примета на святом месте. Вид с берега был просто потрясающий. Пролетели утки с необычными для меня криками. Они летели вразброс, и от того казалось, что их очень много.

Пока мы стояли, Павел Янчевич рассказал еще одну историю про то, как однажды зоотехник Солдатенко Юрий с Иуси Илева переносили волоком свои обласа из р.Аган на Деревянную протоку. Заблудились и набрали на святое место. Иуси начало трясти, а у Юрия Александровича ноги “стали свинцовыми” и он сказал: “Я не могу идти”.

Когда вышли на Деревянную протоку, Илева отошел от испуга и говорит: “Мы с тобой в темноте ошиблись, прошли через святое место и потревожили его”.

Этот случай — еще одно подтверждение тому, что на святые места нельзя ходить без хозяина. Люди узнают о святых местах потому, что они проявляются, как нечто совершенно отличное от повседневного. Интересно отметить, что на тех местах, которые как-либо “отмечены”, как правило, находят месторождения нефти, иногда достаточно перспективные, например Самотлор. А еще мы узнали, что людей, которые пришли на святое место с плохими

мыслями, бог наказывает.

Святые места переходят из поколения в поколение, так же как обычаи и традиции. На святых местах нельзя разжигать костер постороннему человеку. Считается, что этим вызываешь духов. Это может делать только хозяин, каковым обычно является самый уважаемый человек в роду или шаман. Он выбирает на святом месте жертвенное дерево — сосну. На верхушку привязывают тряпочку, чтобы отблагодарить Бога Торума, на среднюю часть — тряпочки для других Богов. Считается, чем выше дерево, тем лучше, ближе к Богам.

На святые места хантов собирались молиться и ненцы. К этому готовились заранее — подготавливали избушку, заготавливали дрова. В назначенный день все собирались вместе и шаман проводил обряд. Моление проходило только один день, и после этого все разъезжались.

Однажды в марте собрались на жертвоприношение люди реки Аган и ее притоков — около 150 человек. Они приехали на 57 “буранах” с прицепами. Ханты приезжали с маленькими детьми в люльках. Было принесено в жертву очень большое количество оленей. Боги всегда присутствуют на святом месте, они сверху наблюдают за происходящим жертвоприношением.

Уходя со святого места, нужно развернуться по часовой стрелке.

После этой небольшой лекции Павла Янчевича мы сели по машинам и поехали на берег реки Аган. Остановились не у самого берега, а метров в пятидесяти от него. К нему мы шли тропинкой через лес. По сторонам тропинки росли фантастические кусты голубики. Она была размером с виноград.

Берег, на который мы вышли, был обрывистым и весь в поваленных деревьях. Спуститься к воде было очень сложно, но этой цели мы и не преследовали. Стоя наверху, мы смотрели на спокойную воду и на красивые, необычной формы облака. Иногда выглядывало рассерженное солнце и озаряло нас долгожданным теплым светом. Где-то далеко осталось святое место. Кстати, и участок реки, напротив него, тоже считается священным. Все проплывающие бросают там монетки.

Затем, прямо у нашего берега, мы увидели катер. Он плыл слева направо, прямо около нашего берега. Вова Саяпин помахал ему рукой, а катер вдруг неожиданно развернулся и поплыл прямо к нам. Какой-то мужичок вышел на палубу и крикнул: “Всё нормально?!” Он, наверное, подумал, не случилось ли что, так как в этом диком, безлюдном месте не часто увидишь человека.

Когда катер скрылся за поворотом, я думаю, каждый из нас испытал чувство тоски по дому. Катер был, как бы обрывком цивилизации, от которой мы успели отвыкнуть, но и по которой успели соскучиться.

Елизавета Даниловна показала направление, где находится Ель Комель Старик, похантыйски *Котл Порак Ики*. К подножию этого дерева приносят жертву старику болезней. А справа от нас — Лягушкин Яр. Здесь родилась Полина Васильевна Казамкина.

На святом бору мы увидели разрушенную буровую вышку. Она проткнула собою святую землю. Зрелище было ужасное: вокруг сожженная земля, груды брошенного железа, бочки и спиленные деревья. Буровая, когда ее только поставили, глубоко затронула души хантов. Они считали, что духи накажут тех людей, которые работали на буровой и разрушали эту святую землю.

Затем мы поехали на то место, где святая речка становится большой и широкой рекой. В это время опять пошел дождь, капли падали на реку и образовывались маленькие пузырьки, отчего казалось, будто река кипит. Выглядело необычно! На берегу Павел Янчевич показал нам растения, из которых делают урманый чай. Ими оказались кровохлебка, иван-чай, чага и листья княженики, которые собирались осенью, когда приобретали красно-коричневую окраску.

Дождь усилился, мы расселись по машинам и поехали обратно на стойбище. Когда мы приехали, Галя и Оля начали готовить обед. Мы с Ольгой Игнатенко помогали им. Обед готовили в моховом домике, потому что дождь шел, не переставая. Ангелина Анатольевна тем временем показывала мальчишкам, как измерить высоту дерева без специальных приборов.

Сварив обед, мы накрыли на стол и стали звать всех на обеденную трапезу. После сытного обеда все разбрелось по палаткам на часовой отдых. Это огромное удовольствие — лежать и ничего не делать. Но оно ценно только тогда, когда залезаешь в палатку после тяжелого трудового дня и отключаешься от окружающей действительности. Я такого раньше еще не испытывала и не знала, куда себя деть.

Мальчишки начали заготавливать дрова. Вова Саяпин и Азат Шафиков рубят очень хорошо. За короткий срок наготовили много дров. У Сани Халявина получается неплохо, но после него топор всегда выходит из строя. До ужина каждый занимался тем, чем хотел. После ужина Вера Алексеевна провела планерку. Обсуждали записи наших дневников. Затем Виктория Ивановна дала время подготовиться ко сну, и через некоторое время скомандовала отбой.

Мы с Ольгой не могли заснуть и еще долго обсуждали прожитый день.

Над нашими головами ветер гонял собравшиеся тучи, о чём-то тихо шептались листья на деревьях и также неслышно, незаметно, где-то на северо-востоке, небо чуть посветлело и озарилось первыми лучами восходящего солнца. Мир жил вокруг нас своей жизнью. А мы спали, не догадываясь, что уже наступило ЗАВТРА.

Екатерина Гаевская,
ученица 9 класса, СШ № 5

КАК ЖИЛИ МЕДВЕДЬ ДА ЛОСЬ, БОБРЫ И ЩУКА

17 августа 1998 г.

На нашем стойбище сегодня особый день — у водителя Экоцентра, Алексея, день рождения. Хоть он и говорит, что все 25 лет отмечает свой день рождения в дороге и под проливным дождем, но все-таки, я думаю, на хантыйском стойбище это происходит впервые.

Каждый из нас, кто просыпался, сразу поздравлял именинника, старался поднять ему настроение бодрыми, веселыми словами. Дежурные постарались: сварили столько каши с яблоками и изюмом, что ее хватило и на завтрак, и на обед, и даже на ужин.

Самые торжественные поздравления сказали Виктория Ивановна и Вера Алексеевна.

Руководитель экспедиции пересказала историю о вознесении человека из книги Еремея Даниловича Айпина “Ханты”: *“И настало утро отъезда Вверх. Человек, повернувшись по солнцу и окинув долгим взглядом землю, на которой родился и жил до сего дня, тронул поводок. И караван, ведомый им, неспешно, по наклонной, словно в гору, стал подниматься Вверх.*

Накануне он сказал жене, чтобы все, без чего можно обойтись, она отдала людям, остающимся на земле. Но та не послушалась и все сложила на последнюю нарту каравана. Когда пришло время отъезда, она тронула своего вожака. Но вдруг все нарты резко дернулись. Последняя нарта, в которую были впряжены два крепких быка, не могла оторваться от земли. Изогнув мощные спины, быки делали отчаянные прыжки. Медленно, тяжело, но они все же поднимали нарту в небо. Скачок, еще один скачок, лопнули постромки-ремни. Нарта с небесной высоты врезалась в мерзлую землю. Небо не могло принять нарту с лишними вещами”.

Виктория Ивановна пожелала своему водителю, чтобы в дальний путь, называемый жизнью, он не брал ничего лишнего, чтобы все его дела и помыслы были чистыми и бескорыстными, чтобы детям своим оставил ничем не запятанный след.

“Мудрое высказывание”, — подумали мы. Но у многих в мыслях были более реальные размышления. На улице шел дождь, дорога до Варьегана лесная, сыпучие пески, машина поедет без сопровождения и проводника, так что действительно с собой в дорогу надо взять самое необходимое на случай, если “Хайлак” застрянет в какой-нибудь канаве.

Тост Виктории Ивановны мы закусили большой ложкой сладкой праздничной каши. Следующие слова были Веры Алексеевны. Она рассказала легенду о том, как жили муж и жена. Жили очень дружно, никогда не ссорились. А все вокруг хотели, чтобы они поругались хоть раз. Однажды жена отправила мужа продать корову. Долго его не было, начала жена переживать. Он вернулся без коровы и без денег. Все говорили, что сейчас, наконец-то, они с женой поссорятся. Задаст она ему трепку. Муж зашел домой, а жена обрадовалась и говорит: “Хорошо, что ты хоть сам вернулся живой и здоровый”. Эта легенда тоже была рассказана кстати, потому что Алексей переживал, что его ждут дома к праздничному столу, а он до сих пор находится в тайге за сотни километров от семьи.

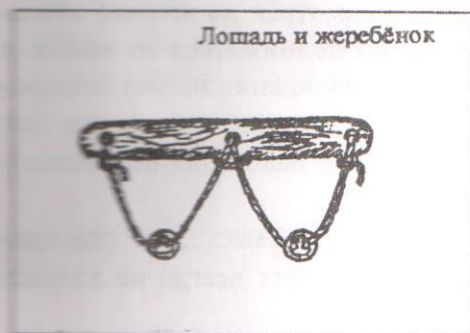
Долго еще собирались Виктория Ивановна и Алексей в обратный путь. Мы складывали в мешочек берестяные послания для родителей. В них мы описали свои впечатления и сделали заказы к нашему возвращению домой. Проводить нашего руководителя экспедиции вышли и хозяева стойбища, все без исключения. Еремей Данилович вручил Алексею свою книгу с дарственной надписью: “В память о Малом Яре в день 25-летия со дня рождения Алексею с пожеланием Удачи от автора”. Все желали хорошей дороги, чтобы дождь не был помехой в пути.

“Долго смотреть вслед уезжающим нельзя. Это плохая примета”, — сказала Елизавета Даниловна. Настроение у всех было пасмурное, вспомнился дом и родные. Уехала Виктория Ивановна, машины у нас уже не было, она скрылась за поворотом. Мы с огорчением смотрели в никуда. Некоторые сели на диван. Шел дождь.

Обучение езде на обласе, которое планировалось на сегодняшний день, отменили из-за погоды. В это время пришел Тихон Галактионович, увидел наши грустные лица и предложил

нам головоломку, которую сделал своими руками. Головоломка в изготовлении была очень простой, по-хантыйски она называлась *тлав мок юнг* — “лошадь с жеребенком на палочке”.

Все заинтересовались, и Азат Шафиков, Вова Саяпин, Сергей Горнасталев и Вова Романов сделали еще головоломки по образу и подобию. Распутать пытались все, но получилось только у Олега Ларина.

Развлекая наши унылые физиономии, Тихон Галактионович показывал свое мастерство управления арканом. Он с невероятной ловкостью набрасывал его на нас, а мы ловко и быстро распутывались из этой удавки. Мы развеселились и забылись от нахлынувших грустных мыслей. Дождь не прекращался, и Павел Янчевич предложил зайти в дом и послушать историю о родах, проживающих в Варьегане. Мы решили не мешать хозяевам собираться в дорогу (они тоже в этот день уезжали), а устроиться в толевом домике.

Ребята быстро освободили середину дома от вещей и инструментов, поставили стол, затопили печурку, приготовились делать записи.

Павел Янчевич рассказал, что в районе зарегистрировано 19 стойбищ, а функционирует значительно больше, около тридцати. Это произошло в связи с тем, что имеющейся земли по нормам хватило лишь на 19 стойбищ, остальные же существуют нелегально. Резервных земель общего пользования тоже не осталось.

Всего в Варьегане проживает пять родов:

1. Айпины — хантыйский род Бобра (*Махи*). В этот род входят и обские ханты, например, Лисмановы, Каюковы и др.
2. Сардаковы — хантыйский род Лося (*Нёх*). Он делился на три ветви по месту проживания: на реке Аган; около устья Ягурьяха; на вершине Ягурьяха.
3. Айваседа — ненцкий род, поклоняющийся Богу Щуки (*пытлянг кахэ*). Живут по р.Варьеган, по-ненцки — *Пяшита*, что означает “без деревьев”. К роду Айваседа с 30-х годов примыкают Тёт и Вэлла.
4. Иуси проживают по р. Ампута, на вершине р. Ватьеган, тоже относятся к *Махи*, как и Айпины.
5. Казамкины — хантыйский род Медведя (*Пуни*). Живут от устья р.Ампута и дальше по правому берегу р. Аган.

Айпины сначала жили на среднем течении реки Ватьеган, было у них семеро братьев и две сестры. Дети росли, становились взрослыми и угодий стало не хватать для такой большой семьи, они были вынуждены уйти на р. Аган. Самое верхнее первое стойбище находилось на месте нынешнего Новоаганска, самое нижнее — ниже устья р. Ватьеган, на Агане. Одни поселились на Деревянной речке — *Юккуньеган*, другие — на старице Большой Урий, последние — на Синк или Турпан Урий — Черная утка .

Сардаковы распределились следующим образом:

- на Агане — Сардаков Василий и Андрей;
- на Устье Ягурьяха — Сардаков Сидор со своей семьей. Сидор был первым председателем Варьеганского колхоза, в последствии его репрессировали за шаманство. Он работал в тесной связи с НКВД, помогал транспортом и другими услугами. “Бог меня покарал. Накажет он меня по мужской линии до седьмого колена” — говорил Сидор;
- на вершине Ягурьяха проживали болотные ханты. Свои строения они размещали на участках боров, протяженностью 50-75 м, остальную территорию занимали болота. Самый старший из семейства Сардаков Степан Прохорович тоже был репрессирован за шаманство. В то время шаманов было очень много, почти в каждой семье, часто это право передавали по наследству. От безысходности в 1945 году Сардаков Степан застрелился.

Из Сардаковых был еще один известный шаман Александр Прохорович. Он доказал своим чудодейством, что шаманство не приносит вреда людям. Его прозвали Глаз-старик, по-хантыйски звучит — *Сэм-ики*.

А было это так. Вызвали Александра Прохоровича в Колхозный дом, чтобы наказать за шаманство. Сел он за стол напротив начальника Сургутского НКВД Самарина и стал демонстрировать силу своего шаманства. Он внимательно и сосредоточенно смотрел на ножны, висевшие у него на поясе. И через некоторое время нож начал медленно подниматься из ножен и двигаться по направлению к Самарину через весь стол. Испуганный начальник не мог пошевелиться, даже волосы на голове начали подниматься, но нож остановился возле его сердца. Все были просто шокированы умением и силой Александра Прохоровича, и наказания не последовало.

Иуси — местные люди, их называют “беззапорными”, так как в том месте, где они проживают, река очень широкая, на ней невозможно поставить запоры. У них всегда не хватало рыбы.

Казамкины — приезжие, они пришли с Казыма. Было наводнение Западно-Сибирской низменности, все затопило. Одна семья, муж и жена, сделали плот, сложили пожитки и стали двигаться по направлению к заходу солнца и вышли на слияние двух рек. Первая река шла на север, это Тром-Аган, вторая, под названием Аган, шла на восток. Когда появились “красные”, Казамкины разделились на две группы. Та семья, которая была богаче всех, у которой было много оленей, погнала свои стада на Халесовую. Сейчас они там и живут, но поменяли фамилию на Казымкины. Таким образом, богатые Казамкины пришли в глухие места, подальше от раскулачивания, а бедные — Тёт и Велла — в места получше, с большим населением и электричеством.

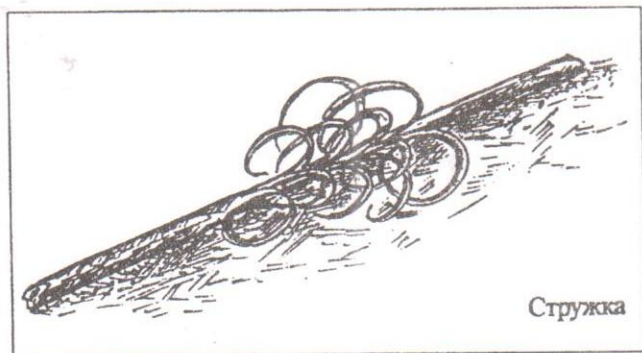
В толевом домике стояло молчание. Павел Янчевич, подумав, сказал такую фразу: “Человек цветет в 18 лет, а дерево — всю жизнь”.

Я почему-то навсегда запомнил это интересное высказывание.

Затем Вера Алексеевна задала вопрос о том, как ханты и ненцы детям дают имена. Павел Янчевич рассказал, что у хантов имена русские, только со специфическим произношением, и пошло это после повсеместного крещения сибирских народов в XVII в. Вот некоторые примеры:

- Юван — Иван;
- Тани — Данил;
- Апонь — Афанасий;
- Кори — Кирилл.

У ненцев с именами немного интересней. Например, двоюродного брата Павла Янчевича зовут Теклю, что означает “Повисший” или “Наклонившийся на остов чума”. Имя ненецкому ребенку давали в честь старых предков, по каким-то особенностям поведения, умелым навыкам, по первому произнесенному слову.

Стружка

Есть обряд избегания имен. Невеста не может называть по имени того, кто старше ее мужа по возрасту. Она говорит: “Твой старший брат, Верин папа и т. д.” Она должна обращаться через их детей. В роду Айваседа мужчины делали женскую работу, потому что они оберегали своих жен. Даже костер разводили мужчины. Стружку и дрова готовили с вечера и складывали под укрытием. Костровище должно быть сухим. Летом используется

три стружки, зимой семь, весной пять, в зависимости от времени года.

Еще мы узнали, что у хантов и у ненцев нет звонких звуков в их языке. Что ханты и нен-

цы могут жить вместе и иметь детей. Этим они не нарушают традиций своего народа, потому традиции хантов и ненцев почти одинаковы. У русских происходит также: они женятся на татарах, башкирах и так далее.

На этом и закончился рассказ Павла Янчевича. После рассказа мы поели. В этот же день уехал хозяин стойбища со своей семьей. Мы стали обустраиваться в толевом домике, убрали всё лишнее. Стол поставили посередине, подмели, постелили коврики, спальники, почистили печку, принесли чайник и дрова. Домик был готов. Поужинав, улеглись спать, чтобы под стук дождя, который шел всю ночь, увидеть сладкие сны.

**Александр Халявин,
ученик 8 класса, СШ № 3**

18 августа 1998 г.

Накануне этого дня ровно сутки шел дождь. Он надоедливо и монотонно моросил, иногда с порывами ветра усиливался, затем резко прекращался и через некоторое время вновь начинал моросить. У всех промокла одежда, и даже дождевики не спасали от дождя. В палатках стояли лужи, спальники намокли и совсем нас не согревали, поэтому мальчишки ночевали в толевом домике, а девочки и работники Экоцентра — в моховом. Только Вера Алексеевна, проявив мужество и стойкость настоящего туриста, закаленного физически и морально, ночевала в своей палатке. Может быть поэтому, она проснулась раньше всех, разбудила дежурных, а затем зашла к нам.

“Кто сегодня костровой?!” — именно такой вопрос прервал наши сновидения. Делать нечего, надо вставать и исправлять создавшееся положение. Азат (командир команды) в считанные минуты назначил меня (Алексея Снигерева) костровым. Я быстро разжег костер. Хорошо, что вчера Павел Янчевич как раз объяснял и показывал, как это сделать в любую погоду при помощи специально подготовленных стружек. По-ненецки их называют *ватлятл*, а по-хантыйски — *вантатл*. Поэтому завтрак (гречневая каша с маслом и чай с пряниками) был приготовлен вовремя. Ели быстро, весело и с отменным аппетитом. Кстати, аппетит нас никогда не подводил, он на свежем воздухе всегда хороший, да еще после утренней пробежки под морозящим дождем с комарами на перегонки. Для нас, туристов, это самое нужное мероприятие, спорт с утра повышает жизненный тонус.

Короче говоря, позавтракали мы сытно, предложенный Верой Алексеевной час для заполнения полевых дневников был просто необходим. Ведь с набитыми животами мы не смогли бы двигаться. Во время заполнения дневников к нам на стойбище пришли Тихон Галактионович и Спиридон с Мухтаром. У Спиридона было с собой ружье, он собирался на охоту. “Кашу хочешь?” - спросил у Спиридона Павел Янчевич, на что тот ответил очень своеобразно: “Нет. Обратно”. То есть после охоты, на обратном пути. У них завязался короткий разговор о том, какой урожай смородины на том берегу Деревянной речки, какой улов рыбы может быть во время дождя. К их разговору присоединился Тихон Галактионович и предложил не гадать, а сходить и проверить на практике. Его предложение было поддержано взрослыми, мы тоже заинтересовались этой идеей. Непогода на улице уже навела на всю нашу группу уныние, поэтому хотелось чего-то нового и необычного.

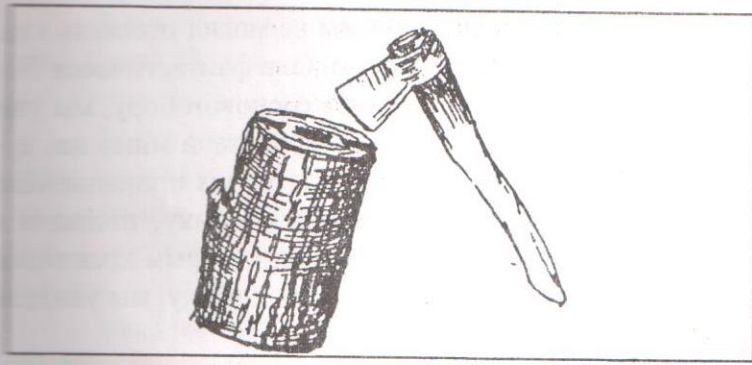
Азат и я вызвались добровольцами, дождь нас не пугал, а скорее поднимал адреналин в крови и звал навстречу приключениям. Тихон Галактионович рассказал, что рыбу будем ловить с помощью бредня, его нужно скинуть в воду с моторной лодки и вытягивать. Он также объяснил, в какую форму одежды нужно экипироваться, чтобы не промочить ноги. Снова пошел дождь и мы расстроились, что отложили выход к реке, решили переждать непогоду, так как в это время рыба лежит на дне.

Мы приступили к выполнению внеплановых заданий.

Дождь продолжал накрапывать, поэтому Павел Янчевич был вынужден быстро ориентироваться и перестраиваться, отклоняясь от намеченного плана.

Большая часть ребят пошла чистить олений дом, девочки занялись расчисткой свалки стеклотары и кострового места, а мы с Азатом пошли колоть дрова под руководством Павла Янчевича. Он очень подробно рассказал и показал, как нужно правильно пользоваться топором при рубке дров.

Топор следует держать под наклоном к бревну. Кроме того, если рубку производить из-за головы, нужно сделать четвертый удар по первому, чтобы не сломать черенок, чурку нужно устанавливать вверх сучками. Мы постараемся показать это на рисунке.

1. Место первого удара по чурке.
2. Место второго удара.
3. Место третьего удара.

После окончания работы, топор нельзя оставлять воткнутым в бревно, это часть земли, боль от топора передается и ей.

Внимательно выслушав урок, мы приступили к практическим занятиям. Наловчились сравнительно быстро, но все же Павел Янчевич еще долго (почти каждый день) подправлял топорщица после наших “мастерских” рубок.

В то время, пока мы рубили дрова, ребята занимались чисткой оленьего дома. Мы подошли к ним, и они объяснили, что делают. Оленник периодически необходимо чистить, так как через сутки непрерывающегося дождя животные перестали в него заходить, и спали на земле под открытым небом, а от постоянной сырости и разбухшего от жижи песка у оленей будут болеть ноги. Чистится оленник сравнительно часто, летом каждый месяц, и работа эта очень тяжелая.

Состоит она из следующего:

- напротив окон и дверей, со стороны улицы, нужно выкопать углубления до 25-30 см.;
- вынести на носилках в виде ящика из оленника верхний слой жижи и сложить в выкопанные углубления;
- снять 20 сантиметров почвы внутри оленьего дома до желтого песка и перекопать как грядку в огороде.

Всеми силами (в 4 лопаты) мы одним махом сделали эту работу, так нам показалось, а время было уже обеденное. Так что на рыбалку мы смогли отправиться только после обеда. Собирались основательно, оделись потеплее. Я взял сапоги побольше и подлиннее у Вовы, а Азату Елизавета Даниловна дала “болотники”. Они оказались очень ценными и дорогими для Елизаветы Даниловны, это была память об ее отце — Даниле Романовиче. Поэтому она предупредила, что обращаться с ними надо осторожно и аккуратно. Надев такие старинные, повидавшие многое сапоги, Азат почувствовал себя настоящим рыбаком, будто всю жизнь только и делал, что рыбу ловил.

Взяли мы носилки, чтобы доставить свой улов на стойбище, и отправились с Тихоном Галактионовичем на промысел. До пристани было совсем недалеко, метров 500-600. Дошагали быстро и бодро.

Пристань могла вместить не больше трех лодок-моторок и представляла собой бережок маленькой протоки Деревянной речки. Мы заметили, что растительность здесь немного другая, чем на яру. Совсем нет белого мха — ягеля, зато много разной зеленой травы. Из металлического гаража Тихона Галактионовича мы взяли деревянное весло и канистру с бензином, которая была заткнута деревянной пробкой. Этой канистре мы уделили повышенное внимание, она испортила нам немного нервишек. Азат поставил ее на нос лодки. Мы помыли сапоги, чтобы не нести грязь в лодку и начали в нее загрузаться. Когда в лодку запрыгнул Тихон Галактионович, мы резко пошатнулись и злополучная канистра начала падать в воду. Конечно, мы туристы, и реакция у нас хорошая, но почему-то я схватил эту канистру за ее деревянную пробку. Получилось, что пробка в руке, а канистра в воде. Здесь уже спасать бензин рванул Азат, и вовремя: вода не успела залиться вовнутрь или почти не успела. Тихон Галактионович сначала даже не понял, что происходит, а потом слегка рассердился, что мы такие растяпы.

Первое наше приключение было позади. Азат оттолкнул лодку от берега, Тихон Галактионович завел мотор, выжал полный газ и мы помчались. Брызги летели в лицо и снизу, и

сверху, так как снова моросил дождь, ветер продувал до костей. Но мы не могли оторвать глаз от берегов, не переставали восхищаться окружающей растительностью. Она фантастически быстро менялась, чередовались белоствольные березы, от которых, живя в сосновом бору, мы уже отвыкли, сосны, ивы, спускающие к воде свои кроны. То там, то здесь пролетали мимо нас сухостойные деревья. Вдруг мы увидели стоящие на берегу две лодки, одна из них принадлежала Спиридону. Здесь мы причалили и сошли на берег. Прошли по трухлявому мостику, подошли к стойбищу Тихона Галактионовича. Сразу обратили внимание на навес, под которым хранились инструменты. Там висели шкурки уток. В этот момент, подходя к толевому домику, мы увидели знакомое нам лицо. Это был Афанасий — сын Тихона Галактионовича.

Мы пошли знакомиться со стойбищем. Постройки были характерные, как и везде: толевый дом, навес и деревянный туалет, чуть вдали виднелся домик Спиридона. Из леса к нам бежала собачка Афанасия по кличке Рэкс. Это тот пес, что одну ночь скулил и лаял на комаров, не давая нам спать. Сейчас он ласкался и дружелюбно махал хвостом.

В это время вышел Тихон Галактионович и сказал: “Ну что, поехали?”. Азат отвязал лодку, и мы поплыли. Через некоторое время подъехали к берегу и взяли бредень. Он представлял собой сетку с маленькими ячейками, чтобы рыба, попавшая в нее, не могла выбраться. Сверху же привязано несколько поплавок, чтобы ориентироваться при вытягивании бредня. По бокам находилось по две веревки. Мы взяли сетку и поехали дальше. По пути нам встретилось лежащее в воде бревно. Тихон Галактионович дал газу и поднял мотор, чтобы проскочить, не зацепив винт. Немного дальше лежала поваленная береза. Тихон Галактионович сбавил ход и мы, пригнувшись, кое-как проехали под ней.

Приехали на место, воткнули палку с одной стороны бредня, и Тихон Галактионович сказал: “Гребите”. Азат и Афанасий потихоньку отгребали веслами на другую сторону. Во время гребли Афанасий сильно глубоко опустил весло в воду и чуть не выпал из лодки. Так мы догребли до другого берега, вылезли из лодки и взяли веревку от бредня в руки. Тихон Галактионович с Афанасием поплыли на другую сторону, потом он крикнул: “Тяните бредень!”. Когда мы вытянули его, он крикнул: “Стойте и держите его крепко в руках!”. Они переплыли протоку, и Тихон Галактионович вылез из лодки, взял в руки веревку и потянул бредень в одиночку. По выражению его лица было видно, что ему тяжело. Он останавливался и отдыхал. Когда дотянул до предела, крикнул нам: “Тяните!”. Мы потянули.

В это время Афанасий плыл нам на помощь. Мы начали вытягивать бредень с рыбой, в основном со щукой и окунем. Мы с Азатом сразу принялись вытаскивать ее, окуни покололи все руки, так как они выставили свои острые колючки для обороны. Мы вытащили весь улов, покидали в носилки, собрали бредень и поехали к Тихону Галактионовичу домой. По пути нас догонял на своей моторной лодке Спиридон. Он вез облас. Мы подъехали к стойбищу, помогли Спиридону затащить деревянную лодку. Затем отправились на стойбище к Еремею Даниловичу.

По дороге у нас было очень много впечатлений, и Алексей спросил: “Много ли мы поймали рыбы, по вашему мнению, Тихон Галактионович?”. Он ответил, что ему она на один раз покушать. “Это у вас я стесняюсь, ем мало, а дома у меня такой котелок, что руками не обхватить. Я его за один присест съедаю”. Мы удивились, но оказывается, что с утра Тихон Галактионович пьет только чай, обеда вообще нет, а вечером уха.

Мы приехали на пристань все мокрые, взяли носилки и пошли на стойбище. По пути уставшие и промокшие делились впечатлениями, обсуждали наши действия. Добрались до стойбища, поставили носилки на кухню и пошли переодеваться в толевый домик. Посмотрев на часы, Азат сказал, что еще всего лишь три часа. Алексей добавил, что мы еще успеем поспать. Вдруг Азат присмотрелся и увидел, что уже без двадцати восемь. Мы подскочили, оделись и побежали растапливать баню, так как вот-вот должна была прийти группа.

Когда мы растапливали баню, Елизавета Даниловна начала чистить рыбу. Вот и подошли наши ребята, к этому времени рыба уже была почищена.

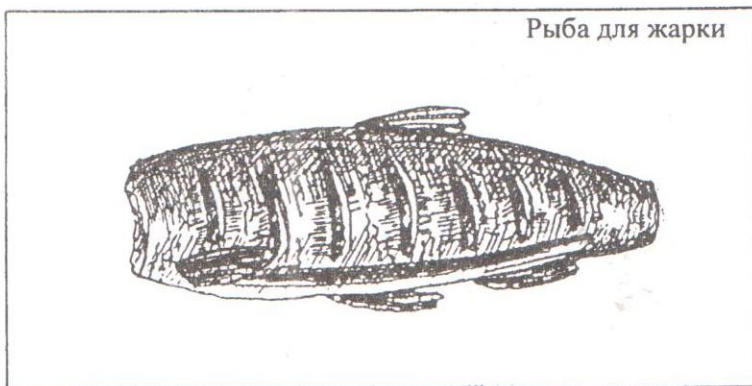
Крупную рыбу очищали от кишок и подготавливали для подовушки. Павел Янчевич учил Азата: "Будет готова рыба тогда, когда станет каштанового цвета, как прическа у модницы". Очень интересное сравнение было принято со смехом.

Более мелкую рыбу подготовили для жарки в масле на сковороде. Для этого ее выпотрошили, но оставили внутри животика икру, отрезали голову и хвост, а по бокам сделали параллельные неглубокие надрезы. Вид у подготовленной рыбы был такой, как на рисунке.

Колючих окуней чистить и потрошить вообще не стали. Просто вымыли их в чистой воде и отправили в уху с рисом. Ужин готовили под руководством Елизаветы Даниловны, в темноте и под морозящим дождем. Мы ходили гордые и довольные, ведь наши труды не были напрасными.

Мы своим уловом накормили всю группу. Так здорово ощущать свою значимость для коллектива!

Помывшись в бане после ужина, мы смыли всю усталость этого дня. Хотя в бане было и темно, как в подвале, мы еще умудрились постирать свои вещи. А затем несколько часов мы не могли заснуть, потому что ребята рассказывали нам про свой поход на зимнее стойбище. Шли они под дождем 1,5 часа, некоторые были в дождевиках, у некоторых на головах мешки из-под мусора. На них было написано "Чистый дом — радость в нем" — Н. Крупинин. Завязывали в полиэтиленовые мешки видеоаппаратуру и фотоаппараты.

Рыба для жарки

По пути Павел Янчевич сделал две засечки. Он объяснил это тем, что дорогу сократили, а на сколько — будет видно зимой. Кору от засечек на сосне можно жевать. Некоторые решили попробовать. Вкус оказался вполне приятный: хвойно-мятный, кисленький. Таким способом можно утолять голод в критических ситуациях. А еще Павел Янчевич дал три практических совета:

1. Устройство небольшого привала для чаепития нужно делать под вырванным с корнем деревом. Во-первых, защищает от ветра; во вторых, там песок, это предохраняет от пожаров.

2. Если в пути застала ночь, для устройства внезапного ночлега нужно выбирать пова-

ленное дерево. Причем его надо проверить на прочность, чтобы не придавило во сне. Под таким деревом посуше, теплее, а самое важное — не достанет медведь или лось.

3. В холодную дождливую погоду ночлег делали между кострами. Необходимо разжечь четыре костра: первый — напротив ветра, два других —

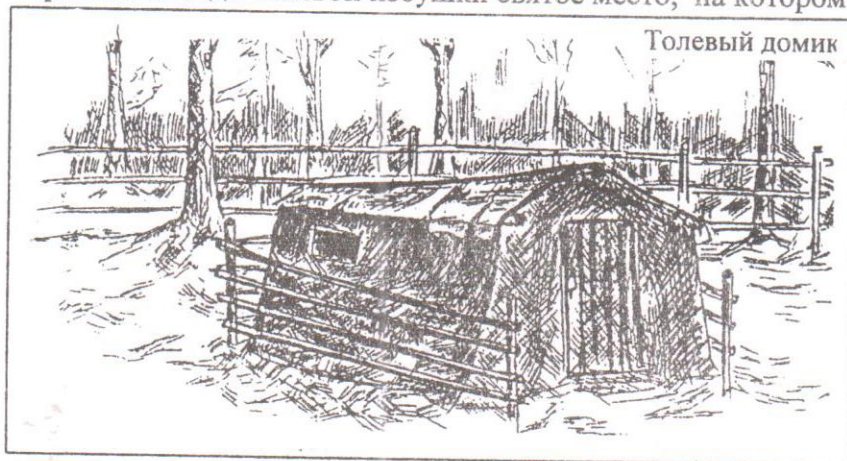
вдоль туловища человека. Головой ложиться в ту сторону, с которой дует ветер. Четвертый костер потушить, на горячие угли положить лапник, и ночлег готов.

Засечки по ходу нашего маршрута показывают направление Варьеган — Покачи. Павел Янчевич определяет расстояние с точностью до километра.

Группа пересекла ручей-живунчик, который является границей между летним и зимним селением. Он берет начало в Песчаном озере. Полшестого вечера подошли к зимнему стойбищу Еремея Даниловича. Существует оно с 1989 года. На стойбище сразу заметили рыбный дом, по-хантыйски *кул кат*, в котором хранится замороженная рыба, моховой бревенчатый дом с тамбуром и двойными стеклами на раме, с открывающимися форточками. Вокруг стойбища традиционная хантыйская ограда — *оч*; маленький домик (туалет) — по-хантыйски *ай кат*, по-ненецки — *нюча мяты ути*; прорубь; собачий дом — *амп кат*.

Моховой дом на стойбище строили Еремей Данилович, Семен Валюмович, Юрий Вэлла, Александр Теклевич и многие другие, поэтому поставили его быстро, “за считанные минуты”.

Толевый дом огорожен жердями, чтобы олени не проткнули его рогами и не тыкались мордами. Позади толевой избушки святое место, на котором растет святое дерево.

Движение мужчины производят только по солнцу. Взять нужную вещь и выйти с другой стороны прежним путем нельзя. А женщина может дойти только до угла здания и сразу вернуться. Ей за святую стену заходить нельзя.

Толевый домик на стойбище в основном используют как складское помещение, но в случае необходимости в нём живут люди. Например, последний раз принимали гостей со святого места Эвыт. Причем, существует негласный закон: в чужом пустующем доме любой путник может ночевать и топить печь, но сожженные дрова необходимо восполнить — заготовить и положить возле печи. А еще Павел Янчевич поведал нам об обряде избегания: если кто-то чужой заходит в дом, он должен подать знак (кашель, стук, шумок, топот), чтобы женщины успели одеть платки, прилично сесть и привести себя в порядок.

На улице шел дождь, и пока Любомир и Володя Саяпин делали топографические отметки, остальные сидели в моховом доме и слушали рассказы Павла Янчевича.

На зимнем стойбище нет оленьего дома. Зимой олени живут под открытым небом. То

место, где они пасутся зимой, ханты называют *кайм*. Оленей пригоняют на стойбище только почистить шкуру, погреть больные ноги, поправить копыта.

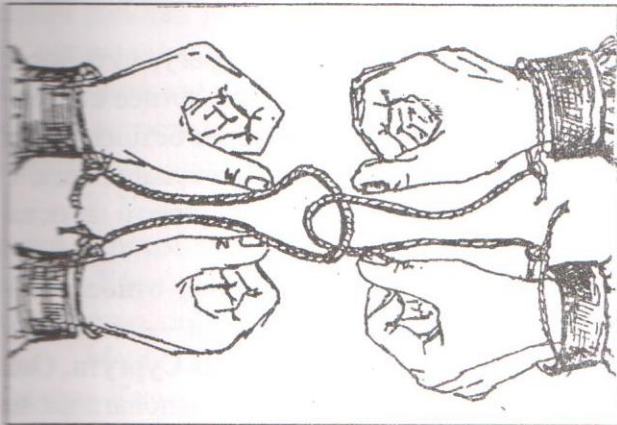
С летнего селения переходят на зимнее из-за ягеля. Все сразу заметили, что ягель здесь пышный, мощный, пушистый, как мягкий ковер. Такой ягель очень легко вырыть из-под снега. А если стоять на одном месте и не кочевать 3-4 года, то останется пустыня. Олени быстро съедят всю растительность до голой земли. В поисках пищи олени копытами выгребают огромные ямы.

Рассказы о медведе были захватывающими. Все слушали очень внимательно, становилось жутко и страшно. Например, когда медведь завалил в лесу на тропе Айваседа Павла Алевича из рода Тёт, то Павел не растерялся, пнул его под зад. Медведь такого оборота событий не ожидал, стал осматриваться, что случилось, и в эти короткие мгновения охотник успел убежать.

Еще раз медведь подошел близко к моховому домику, выбил лапой окно со стороны продуктовой полки, рассыпал муку. Раздавил лапой собаку, как воздушный шарик. Было это в доме деда Начу из рода Иуси. Дед подбадривал себя, обращаясь к медведю: “Ну что ходишь вокруг дома, заходи, я не сплю. Заходи, или у тебя ноша тяжелая за плечами?”. Взял дед ружьё, распахнул дверь, а медведь стоит у порога. Внезапно медведь плюнул деду в лицо. “А, ты так!” — выстрелил 10 раз подряд, и каждый раз осечка. Медведь удалился уже на большое расстояние, и только тогда ружьё выстрелило.

У хантов после смерти охотника, убившего медведя, возле его могилы на дереве делают засечку. Если четыре человека убили одного медведя — каждому охотнику делают по четвертинке засечки. У Данилы Романовича было шесть зарубок — значит он убил шесть медведей, хороший был охотник.

Вот такой интересный рассказ слушали мы вечером перед сном под стук дождя по толевой крыше нашего жилища. А Любомир и Володя Саяпин распутывали связанные руки. Эту игру предложил Павел Янчевич с таким предисловием: “Двух узников заточили в цепи, связали им руки. Одному нужно было идти на запад, а другому на восток. Как же им разъединиться?”

Долго мальчишки возились и копошились, выворачивались в самых разнообразных направлениях, сплетались в таких невероятных позах, что казалось, их нужно будет распиливать пилой, и все равно ничего не получалось. А Павел Янчевич сидит и хихикает, мол решить проще простого. Суставы начали трещать и выворачиваться, так что затею распутаться пришлось оставить.

От Павла Янчевича в этот вечер мы еще узнали, как зимой определить направление течения реки. Это оказалось очень просто: летом крону сваленного дерева уносит по течению. А стороны света в тундре можно определить, откопав из-под снега травяной покров: трава всегда лежит с севера на юг.

Изможденные и счастливые все быстро уснули. Кто знает, когда, в какой момент мы ушли в забытие, одним снились могучие страшные медведи, другим плещущаяся в неводе рыба, а кому-то олени. Говорят, далеко от толевого домика раздавались наши храпы и посапывания. еще один день завершился, и был он замечательным и незабываемым, как и все дни нашей экспедиции.

Алексей Снигерев, ученик 9 класса, СШ № 3
Азат Шафиков, ученик 10 класса, СШ № 1

НА БЕРЕГУ ЗАПОРНОЙ РЕКИ

19 августа 1998 г.

Утро этого дня немного отличалось от всех предыдущих, потому что Вера Алексеевна сообщила сразу после подъема новость о том, что сегодня нас ожидает интересная и необычная ночь, в которую мы не будем ложиться спать. Это будет ночь сказок. Мы все думали, что же мы увидим и услышим, сможем ли не заснуть в течение всей ночи.

В этот день не было запланировано никакой работы и походов на ближайшие стойбища. Мы были предоставлены сами себе, времени свободного было много, нам предложили заняться заполнением своих полевых дневников и готовиться к предстоящей ночи, то есть хорошенько выспаться. Но спать почему-то не хотелось, и мы с ребятами начали обсуждать, чем будем заниматься. Кто-то сказал, что на летней кухне закончились возле кострового места дрова, и мы пошли их заготавливать. Все ходили по стойбищу неторопливо, жизнь будто бы остановилась, так было тихо и спокойно.

Ближе к полудню мы все собрались в моховом домике послушать и записать историю поселка Варьеган. Рассказывать ее стал наш консультант-проводник Павел Янчевич. Такие занятия-лекции у нас уже входят в традицию, потому что на улице третий день идет дождь, мы не можем делать картографирование, собирать гербарий и проводить почвенное описание. Зато записывать различные истории, сидя в натопленном домике, самое подходящее время, по-домашнему уютно, а главное полезно. Итак, вот что мы запомнили из рассказа о том, как образовался и развивался поселок Варьеган.

Несколько сотен лет тому назад появился в этих краях первый житель будущего села, был это Вэлла Ысчетка. Владения его начинались от реки Варьеган до нынешнего железобетонного моста через р.Ампута. Было у него столько оленей, сколько сосен на бору. За два поворота ниже от железобетонного моста есть деревянный мост, на той стороне реки Варьеган. От этого моста вправо метров на 50-60 есть старое городище. Это и был зимний дом Ысчетки, а место называлось Бор Зимнего Дома — по-хантыйски *Ысчетка ягам*.

В устье реки Варьеган, в месте слияния с рекой Аган, на ее правом берегу, чуть ниже устья находится первый песок — коса, на верхнем конце которого расположено летнее стойбище — городище. А напротив нынешнего с. Варьеган, на северной стороне через бетонку, есть карьер, в котором сейчас купаются дети. В этом месте у Ысчетки была первоначальная база. С годами от городища остались одни ямы, всё ушло под карьер, всё унесло время, ничего не осталось.

Первые упоминания о деревне Варьеган, как административной единице, относятся к 1928 году по документам Аганского сельского Совета, а появление самого села — к началу 1930-х годов. Первыми жителями были русские рыбаки государственного лова из Сургута. Они жили в дощатых землянках на берегу реки. Сам будущий поселок Варьеган располагался на берегу р.Аган, на яру, который по-ненецки называется *тупка нат*, а по-хантыйски *тлаймынг ран*, что в переводе означает “Топор-яр”.

В середине 1930-х годов в этих местах появились специальные переселенцы из Тобольска — раскулаченные богачи, кулаки-середняки. Эти люди приехали совсем раздетые и без пожитков, они сразу начали строить — так появились в селе первые дома.

В 1937 году появился колхоз — рыбартель им. Кирова. Артели были фамильные: Айпиных, Сардаковых, Айваседа, Иуси и так далее. Халла Патлачувич был председателем фамильной артели “Айваседа”.

В 1939 году появилась первая национальная школа начального образования. Первым ученикам было уже по 18 - 19 лет, они были взрослыми, выходили замуж, женились.

Перед ними стояла задача выучить русский язык, чтобы стать переводчиками. Этими учениками были: Айпины Татьяна и Анастасия, Сардакова Фекла, Айваседа Теклю, Иуси Унна,

Тет-Айваседа Валюма, Казамкина Анна. Анна была первым и единственным коммунистом из женщин.

В 1941 году началась Великая Отечественная война, из маленького поселка около 40 человек были мобилизованы на фронт в действующую армию. Назад вернулось пять человек, все раненные и покалеченные. Сардаков Кирилл потерялся, даже неизвестно, доехал он до Сургута или нет. Иуси Ойся Пеналович в дороге заболел тифом, его высадили ниже Сургута в с. Сытомино. В тяжелом состоянии его вывезла оттуда больная старая мать, которая раньше работала киндром (перевозчиком) у купцов, ездила до вершины р. Аган гребцом. Она была очень отважной и крепкой женщиной, нашла сына и привезла домой.

Айваседа Мэру Улькович (его именем названа улица в Варьегане) уехал на фронт добровольцем на обласе. По неточным данным он погиб под Сталинградом. Вернулось с войны только несколько братьев Суровцевых, Куйвышев Леонид, Дерябин Николай, Кугаевский Борис.

Вскоре создали настоящий колхоз им. Кирова, первым председателем был Сардаков Сидор. В те годы появилась новая школа, с 4-х классовым образованием (до этого было 3-х классовое). До 1944 года Варьеган относился к Томской области, а с 1944 года его передали в ведомство Тюменской области.

Между 1939 и 1940 годами из г.Тобольска на 3 месяца в командировку приехала Филатова Павлина Акимовна. Она привезла с собой 8 голов живых черно-бурых лисиц для обучения и передачи опыта по их разведению и созданию зверофермы. Ее еще на шесть месяцев попросили остаться, потом — на год, потом вся ее семья приехала. Это была единственная не ссыльная семья. Так, проработав большой отрезок времени, в 1953 году она одна из первых получила 4,5 шенка на штатную лису и была награждена Орденом Трудового Красного знамени.

За хорошие показатели труда той же наградой был награжден Казамкин Андрей Антонович. Но в документах перепутали инициалы и награду получил его старший брат Никита Антонович. Многие другие были награждены медалями. Были выдающиеся охотники, например Казамкин Андрей Антонович. Он за один день добывал по сто и более белок. Иуси Ойся Пеналович работал рационально, он на протяжении промыслового дня никогда не сходил с нарты, не останавливался, не привязывал оленей, он на ходу стрелял белке в глаз, подхватывал ее и бросал в нарты. Он по направлению следов знал, куда ему дальше ехать, знал все гнёзда и где можно встретить белку. Охотникам давали огромные планы, не выполнил — черный человек, высказывали, убивали морально.

К 1950 году в селе появилась партийная и комсомольская организации. Из коренных жителей первым коммунистом был Айваседа Ханя Хешевич, даже совершенно неграмотный Казамкин Ефрем Ильич был коммунистом. Всего в поселке было 18 коммунистов — это большое количество для маленького населенного пункта.

Между 1940 и 1950 годами некоторые ненцы и ханты были откомандированы властью в поселок Казым за покупкой оленей на личные сбережения колхозников. Вскоре 90% поголовья безвозмездно перешло в фонд колхоза. Обдурили народ!

Первые геологические исследования начались в 1949 году. Проводились топографические работы, установка реперов, мелкие бурения в поисках нефти.

В 1961 году, 1 октября, колхозы упростили (ликвидировали), на этой базе создали промохототделения, которые имели профсоюзные организации, где по-настоящему начинали фиксировать трудовой стаж. В колхозе этого не делали, и уволиться было нельзя.

Работать после окончания начальной школы принуждали с 13 лет хоть мальчиков, хоть девочек. До Нового года ученический план, после Нового года — взрослый план.

У мальчиков не было выхода, в любом случае приходилось выполнять непосильный труд. У девочек было три варианта:

- продолжать учиться, повышая свое образование;
- отец может выполнять двойной план, за себя и своих детей;

— выйти замуж и родить ребенка.

Первый депутат Казмкин Петр Наумович говорил: “Работать надо руками, если руки не работают — ногами надо работать”. Ответственность за выполнение работы была высокой, все участвовали в соцсоревновании, и если кто-то отлынивал от работы, говорили: “Я тебя порохом сделаю”. То есть сотру в порошок, очерню.

В колхозе им. Кирова в последствии стало 2,5 тыс. серебристо-черных лисиц, 6 групп зверей было на звероферме. Елизавета Даниловна тоже там работала, ездила на ВДНХ.

Филатова Павлина Акимовна постарела, руководство передала молодому специалисту Айваседа Топе Анетовичу. Он закончил партийную школу в Ханты-Мансийске. Позже Топа Анетович со своими отличного качества шкурами дважды был на ВДНХ. Он ездил с двумя милиционерами для охраны. Один раз участвовал на всесоюзном совещании животноводов в Магадане.

В 1957 году комсомольский вожак, Айваседа Павел Алевич был первым из округа участником на послевоенном всемирном фестивале молодежи и студентов в г. Москве, представителем рыбаков и охотников.

В сентябре — октябре 1964 года сеймики поселились на территории части Варьегана. Позднее появились геологи, нефтяники, строители. В ноябре 1978 года руководство и специалисты разграбили промохототделение, закрыли производство, зверей передали в Охтеурье, оленей перегнали в Сургутский район в с.Русскинские, а поселок Варьеган с его производством и жителями передали в Нижневартовский район в подчинение директору Охтеурского госпромхоза Танину Ивану Дмитриевичу.

В ноябре 1989 года с ведома Президиума ВЦСПС РСФСР, решением областного комитета, в Варьегане был создан оргкомитет по формированию сельского Совета.

В октябре 1990 года Варьеганское промохототделение Охтеурского госпромхоза было ликвидировано в связи с рынком. Создали новое предприятие “Варьеган”, которое подчиняется г. Ханты-Мансийску, директор Салогуб Александр Полиэтович.

В феврале 1990 года Окружной Совет принимает решение о принятии закона “О статусе родовых угодий”. С этого момента появились рода, общины, ассоциации, которые работают по настоящее время.

В 1990 году 18 марта на повторных выборах сформировался штат депутатов, корпус Варьеганского сельского Совета. Бывшего председателя Новоаганского рабочего поселка Дементьеву Галину Ивановну избрали председателем Варьеганского сельского Совета.

Дементьева Галина Ивановна сформировала Варьеганский цех, типовой финский детский сад, кооператив “Рассвет”. Все работники из госпредприятия были переведены на новые производства.

Закончив свое детальное повествование, Павел Янчевич умолк, опустил голову и задумался. Видимо во время рассказа у него в мыслях пронеслась вся его жизнь — детство, юность, работа. Мы тоже молчали, “переваривая” услышанное. Не могли понять, как может в голове у человека уместиться столько информации, столько имен и точных дат.

Ангелина Анатольевна сказала: “Павел Янчевич, у Вас не голова, а дом Советов”. На что он скромно улыбнулся, а Елизавета Даниловна добавила, что действительно, он запоминает всё на лету и уже на всю жизнь. Еще она рассказала, что в 1997 году появилась идея создания улиц в поселке Варьеган и домовых книг, и занимался этим Павел Янчевич.

Вообще он очень интересный человек, 10 лет был секретарем партийной организации, закоренелый коммунист, до сих пор не сдал свой партийный билет. Кроме того, Павел Янчевич обладает огромной положительной энергией, умеет делать профессиональный массаж и снимать различные боли.

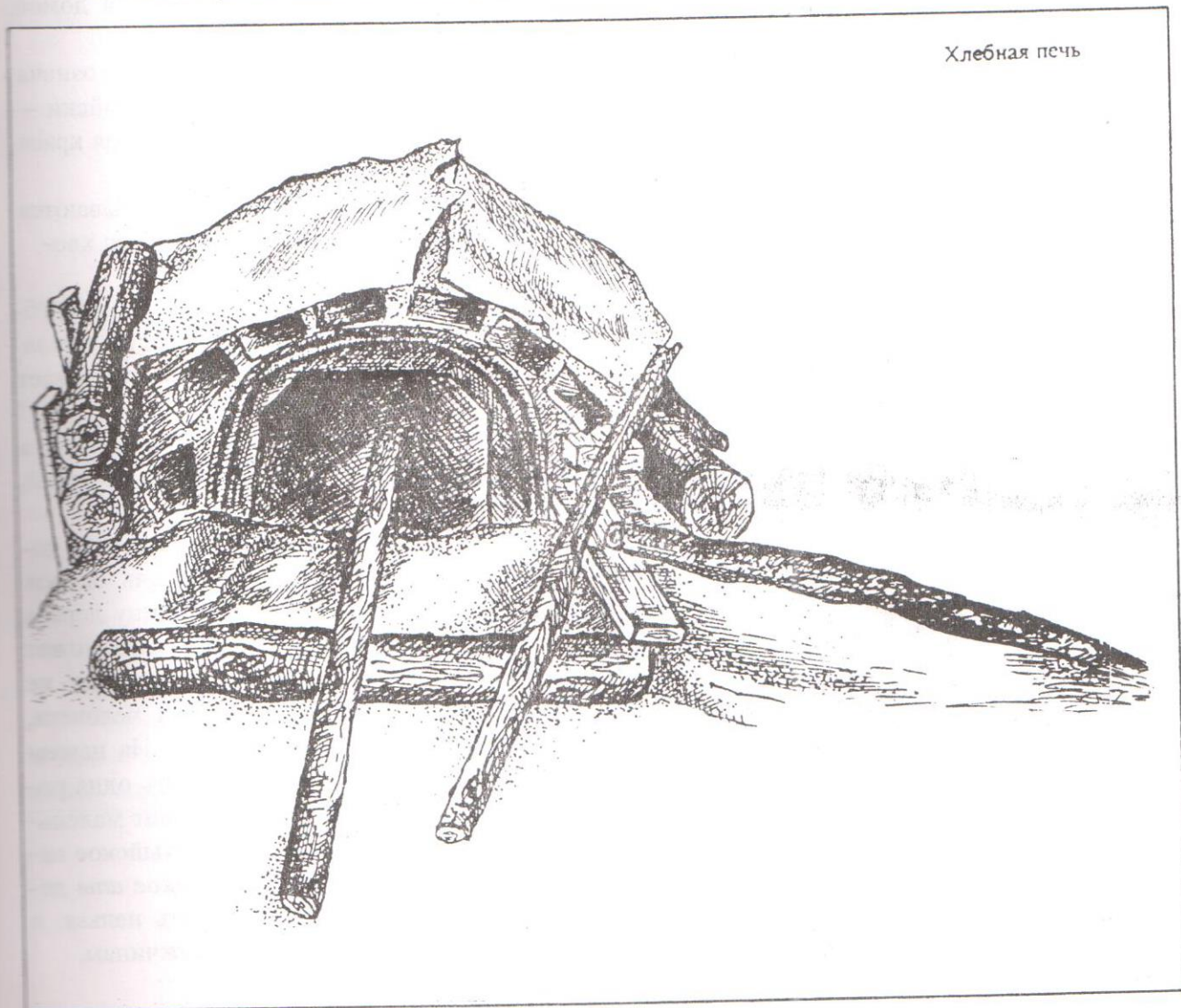
Мы задавали еще разные вопросы и узнали, что по-хантыйски женщина-руководитель — *овнэ*; мужчина-руководитель — *охку*; президент — *вырты кан*; царь — *нэвы кан*. После разговоров с Павлом Янчевичем мы стали понемногу расходиться и заниматься делами, кто пошел

приводить в порядок свою одежду, кто убирать в палатках и домиках.

Тем, кто ничем не был занят, Павел Янчевич начал рассказывать обычаи и привычки, связанные с приготовлением и приемом пищи. Ангелина Анатольевна записала эту информацию в свою тетрадь. Мы слушали и с интересом узнавали о том, что обеденный столик на низких ножках ставится параллельно выходу. На центральное место садится хозяин — глава семейства, рядом с ним по обе стороны мальчики, независимо от возраста, только 1 - 1,5 годовалые дети находятся у матери на руках. Женщины и девочки садятся с боковых сторон стола или спиной к выходу.

Обычно за стол садятся тогда, когда он уже полностью накрыт, и вся пища разложена по тарелкам, причем с учетом того, какие части той или иной еды кому полагается есть. Накрыв на стол, женщина зовет всех к столу такими словами:

кушайте — по-хантыйски *тливьитнэ*, по-ненецки *нгамулята*;
пришло время кушать — по-хантыйски *хтлитамуртаех*;
чай пейте (даже если сели есть уху) — по-хантыйски *чай инча*, по-ненецки *шай н'ата*.

Хлебная печь

Продолжительность приема пищи напрямую зависит от наличия свободного времени: если его много, могут кушать более одного часа с разговорами и беседами, а если торопятся, то сразу выходят и одеваются. Охотники и рыбаки обычно едят два раза в сутки, утром и вечером. Иногда они берут еду с собой на промысел, но часто на перекусы нет времени и удобнее не носить с собой лишний груз. У ненцев существует такой обычай. Где бы ты ни был: в гостях, на

улице, на морозе или солнцепеке, перед едой обязательно нужно снять шапку, а вот руки мыть, если нет возможности, не обязательно и верхнюю одежду можно не снимать:

После того как поел, стол с середины дома сразу убирается и ставится вдоль той стены, где находится шкаф для посуды, то есть напротив чучала или печи.

Очень важно отметить такую деталь рассказа Павла Янчевича, что некоторые органы и части туши животного можно есть только определенным лицам. Например, селезенку, по-ненецки *тлатша*, любого животного могут есть только пожилые мужчины и женщины, молодым, особенно девочкам, ее есть нельзя — не будет детей. Желудок, по-ненецки *тюхкутл*, по-хантыйски *корклян кыры*, тоже могут есть пожилые мужчины и женщины, а вот если его съест ребенок, то он заблудится в лесу.

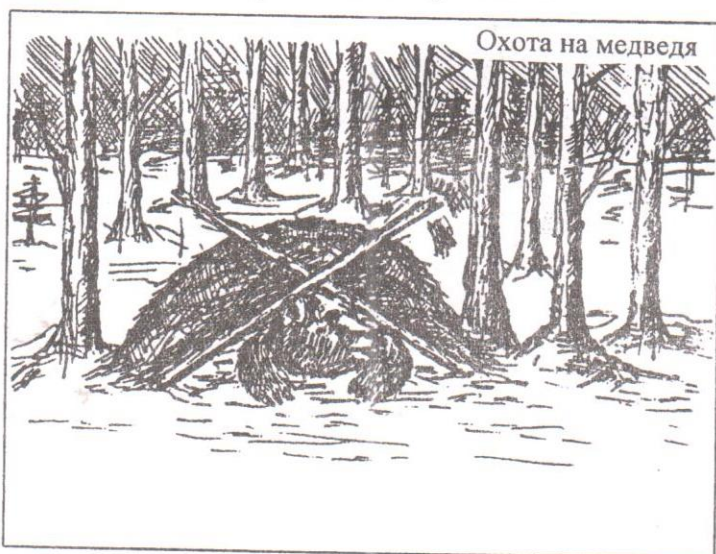
Еще интереснее нам было слушать про зверей, как охотники оставляют тушу крупного зверя в лесу для заморозки. Когда было очень холодно, тушу подвешивали на дерево, а когда не очень холодно, ее закапывали в снег. Но в том и другом случае есть опасность лишиться добычи, пока темно, может придти песец, лиса, норка, горноста́й, росомаха, мышь, колонок, а на рассвете просыпаются птицы, поэтому как только туша заморозилась, ее надо везти домой. Внутренности тоже везут в замороженном виде. Всё это происходит только зимой.

Павел Янчевич рассказал, что у богатых ненцев часто бывает фамилия *Нохо*, что означает песец, а по-хантыйски — *лыпаг*. Но у хантов таких фамилий нет. Лиса по-хантыйски — *воки*, по-ненецки — *чёня*. Часто ненцы, чтобы похвалить, говорят: “Ты моя чёня, ты моя красавица”.

Нас заинтересовало то, что белый горноста́й и красный колонок по-ненецки называются почти одинаково: горноста́й — *пиття* или точнее *тайва мал пытлячена* (черный конец хвоста); колонок — *тям пиття* (обской горноста́й).

Говоря о росомaxe, Павел Янчевич упомянул, что это священный зверь, его имя употребляется только в исключительных случаях. У росомахи несколько имен: по-хантыйски *кымтлан*, *винкни* или по-ненецки *мятлumu нытпета*. Перевод этих слов означает, что зверь разрывает домики-чумики из сосновых ветвей.

Отношение к росомaxe двойное, иногда о ней говорят хорошими словами с уважением, а с другой стороны, например, жадного, противного и злого дедушку Анета звали росомахой, значит у этого зверя и такие черты есть.

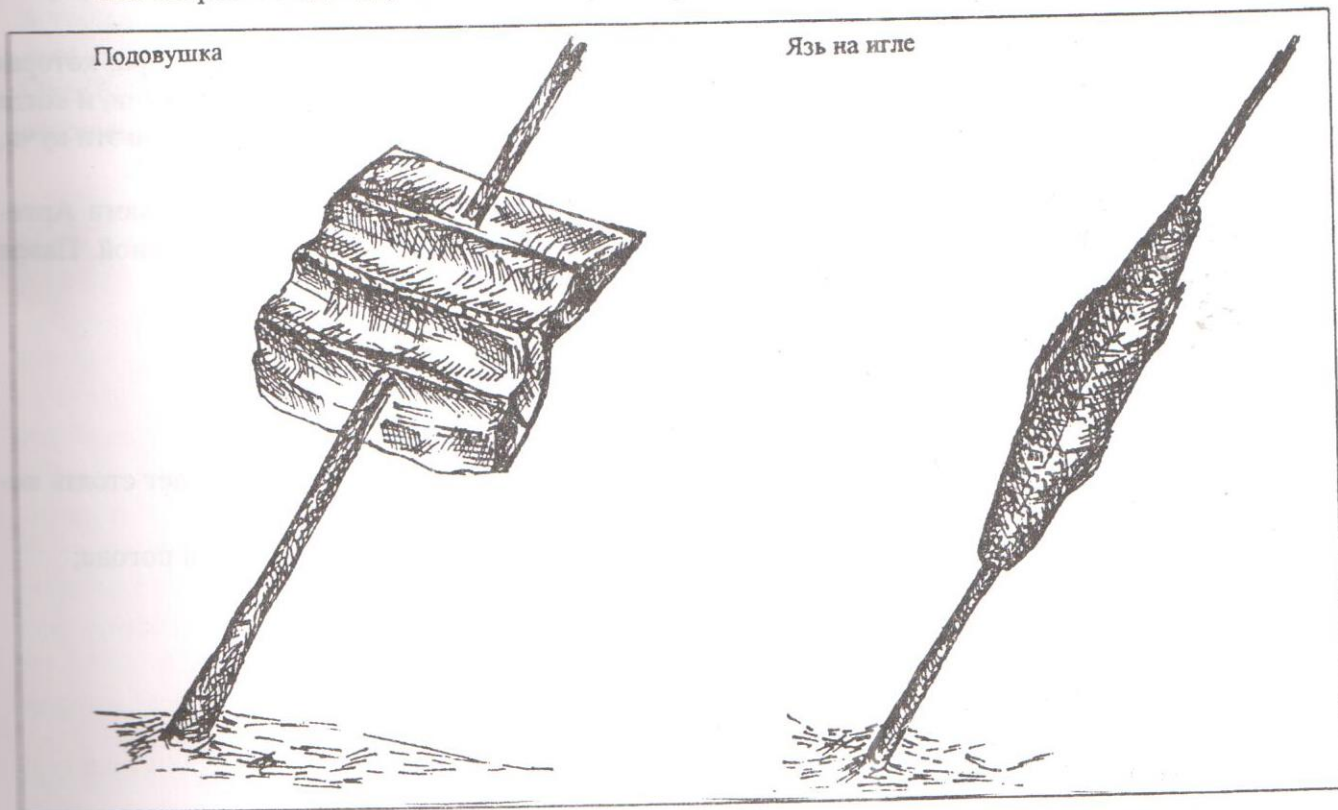

Росомаха может забрать всю добычу охотника, на себе волоочь окорок лося по тайге и еще на вершину дерева затащить. Всю добычу охотника может за одну ночь растащить, и охотник не услышит. Может напасть на человека, преследует добычу до конца. На нашем стойбище на 10 км может быть одна росомаха. Ненцы ее еще называют маленький медведь: *нюч`а апы*. Хантыйское название медведя *пути* и ненецкое *апы* детям и женщинам произносить нельзя, а можно только охотникам-мужчинам.

Способов охоты на медведя существует немало. Один из них (по-ненецки *хыхата*) заключается в следующем: находят берлогу, ставят крест-накрест колья и начинают выманывать медведя. Он выползает из своего укрытия, застревает между кольями и его в этот момент убивают из ружья или рогатиной; медведя можно поймать и на петлю, этот способ у хантов называется *ивуволты*.

Хантыйские дети, упоминая медведя, используют уменьшительно-ласкательное *мейми*, а женщины — *интлг*. Когда разговор идет о медведе, нельзя произносить слово “собака” (по-хантыйски *амп*). Ее называют “хвостатый зверь” — *тлыкын вояв*, а *ненцы* — “привязанный”, *шатлта*.

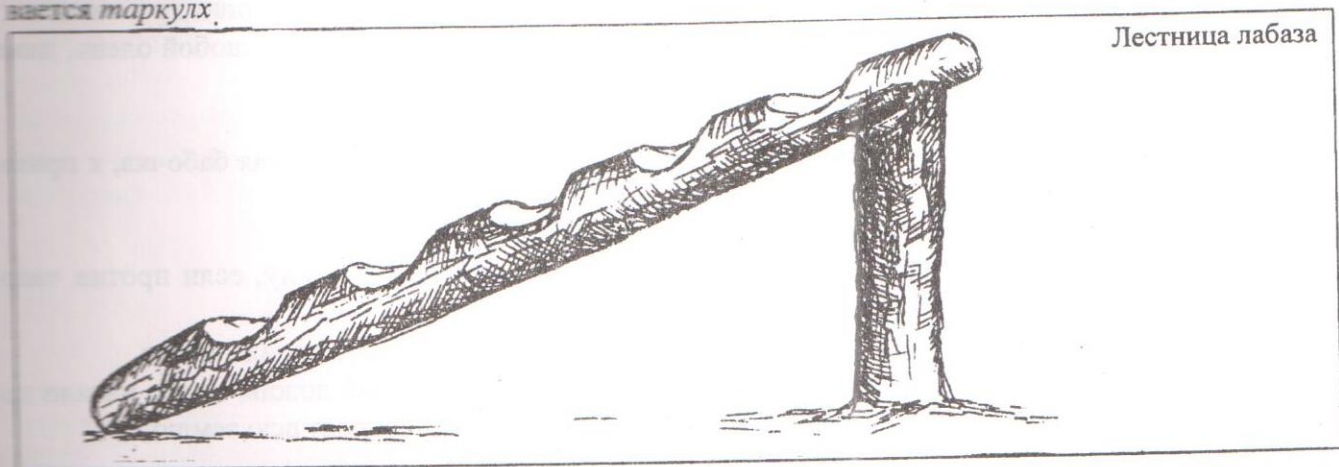
Поговорив о медведе, мы начали слушать рассказ о способах жарки рыбы.

Их существует несколько.

1. *палатамы* (н) — мясо рыбы испеклось до половины, а шкура полностью прожарилась до красна и свободно снимается, сама щука без головы, живот прорезан и кишки вынуты.
2. *нык тартым сорт* (х) — у такой рыбы сердцевина получается прокопченая. Хребет у нее не едят, его или еще раз прожаривают, или отдают собакам.
3. *тартым сорт* (х), *тявсмы* (н) — полностью прожаренная щука, разделанная и разрезанная на части.

Некоторые варианты выше перечисленных блюд можно делать из окуня, язя, подъязка, чебака и сороги. Например язь, прожаренный на деревянной палочке-игле по-хантыйски называется *таркулх*.

После записей Азат Шафиков и Вова Саяпин по просьбе Елизаветы Даниловны пошли делать лестницу для лабаза. Они ее построили минут за сорок по подобию старой прогнившей лестницы, где еле-еле просматривались ступени. Их должно быть пять или семь, то есть нечетное число. По поводу такой лестницы есть загадка: “Что это такое: росомахи короткий шаг?”. По окончанию Тихон Галактионович посмотрел и оценил нашу работу на “хорошо”. Мы убрали мусор, потом долго любовались на свое детище.

После того, как сделали лестницу, Азат и Вова пошли разгрести кучу мусора, которая лежала уже очень давно и успела зарастить разной растительностью. Всего было две кучи, и когда вынесли первую, ребята измотались и позвали Алексея с Любчиком на помощь. Убрал эти кучи, они сели отдохнуть на минут десять.

После обеда приехал Тихон Галактионович со своей семьей: с двумя сыновьями Артемом и Афоней, и двумя дочерьми Верой и Анисией, и со своей женой Зоей Ивановной. Павел Янчевич и Тихон Галактионович рассказывали нам приметы погоды:

- если рыба кровит — к плохой погоде;
- если зимой печка гудит — к морозу;
- если пепел в огне темнеет — к непогоде;
- если вокруг месяца идут светлые круги, то это к метели;
- если звезда находится близко к Луне, то это к морозу, и он, мороз, будет стоять неделю;
- если дым из трубы идет прямо вверх столбом, то это к морозной ясной погоде;
- если уголь синеет, то это к ясной погоде;
- если труба в печке покраснела — к морозу;
- если на небе звёзды мигают, будет ветер;
- когда дым опускается на землю, жди к метель или бурю;
- если на небе во время мороза появились облака, то это к теплу;
- если собака валяется в снегу — к метели;
- если вечером на небе появилось северное сияние, то это к метели и обильному снегу с ветром;
- если у оленя идет пар из носа, то это к морозу;
- если куропатка сидит на березе или тальнике — будет снегопад, метель;
- если птицы парят высоко в небе и кружатся по кругу, то это к ясной погоде;
- если ночью показалось пламя из трубы, то это к морозу;
- если в октябре — ноябре, после того, как установилась зима, поднялся туман над рекой или болотом, то это к большим морозам;
- когда зимой мороз и тепло дерутся, то получается туман, значит будет перемена погоды: то тепло, то резко холодно;
- в метель хорошо охотиться на лису и на лося;
- в мороз хорошо ставить мордушку на рыбу и проверять ее, и хорошо дрова колоть;
- в мороз хорошо протаптывать дорогу на оленях, в мороз пойдет любой олень, даже ленивый;
- в оттепель охота идет на любого зверя;
- если зимой в доме летает муха, то это к морозу, а если маленькая бабочка, к приезде гостей;
- если уголь падает к двери, жди прихода гостя;
- если ветер разворачивается по часовой стрелке, то это к теплу, если против часовой, то это к холоду;
- если осенью ветер поворачивается на юг и идет снег, то это начало зимы;
- если в конце мая ветер повернет на север и пойдет теплый дождь, то это начало лета. Но бывает, что с 10 июня всё равно пойдет снег и накроет всю землю;
- если солнце садится на закате в облако, будет ветер;

- в то время, когда Луна растёт — одна погода, а вырастет — другая ;
- если за едой откусываешь от двух кусков хлеба сразу, значит гость приезжает;
- если уголь падает на стол, счастье будет, то есть стол будет накрыт хорошо: мяса, рыбы будет много.

После такой насыщенной информации мы отдохнули, а потом пошли носить воду в баню и топили ее. Когда баня была готова, все пошли мыться, затем собирались на таинственную ночь сказок. Не пошли на нее только двое. Этими двумя были Олег Ларин и Алексей Снигерев. Олег был болен, повысилась температура до 39°C , а Алексей был медиком, поэтому он остался, пытаясь излечить своего товарища.

**Алексей Снигерев,
ученик 9 класса, СШ № 3**

**Азат Шафиков,
ученик 10 класса СШ № 1**

НОЧЬ СКАЗОК

Живущий там, на краю земли, какою сказкою ты был завлечен в эту священную страну, куда не добежать доброму духу, в эту чудесную страну, куда не по силам добраться и злому духу?

Из героического сказания.

Ночь с 19 на 20 августа 1998 г.

Эту ночь все мы ждали с нетерпением, как встречу с чем-то таинственным и сокровенным. Мы были наслышаны от Веры Алексеевны, что такая ночь сказок была у нас в Мегионе на “Югре” и тоже с участием Павла Янчевича и Елизаветы Даниловны. Вера Алексеевна рассказывала с таким воодушевлением, восторгом, у нее глаза так искрились огоньками, что она нас всех заразила этой “сказочной болезнью”.

Обстановка для сказок была подходящей. Все собрались в моховом домике, в печурке приятно потрескивал огонек и тепло растекалось по всему дому. Оно проникало в наши сердца и души. Мы удобно разместились на оленьих шкурах, надувных матрацах, походных спальниках, некоторые приготовили тетради, ручки и уселись возле керосиновых ламп, а некоторые открыли пошире свои глаза и уши, чтобы суть рассказанных сказок проникла глубже и дошла до сознания. Установилась такая тишина, что было слышно, как вверх под потолок поднялась тайна и мудрость хантыйских и ненецких сказок.

Многие про себя подумали: “Я не буду спать, я смогу перебороть свой сон и выслушаю все сказки до конца”. Как знать, как знать...

Сказка — это талант, это своеобразный обряд, и по ненецкому обычаю бесплатно раздавать его нельзя. А для нас Павел Янчевич расскажет с удовольствием, так как, по его словам, мы своим трудом на стойбищах уже сделали как бы предоплату.

Сказки бывают разные: детские и взрослые, веселые и грустные, иногда даже жестокие, но всегда справедливые. Иногда сказка бывает похожа на быль. Часто они сопровождаются песнями, музыкой. У рассказчика всегда должен быть помощник, который дополняет рассказ, вставляет в нужном месте и в нужное время свое слово или замечание.

Сказки рассказываются на ночь, перед сном, после окончания всех дел, и могут продолжаться очень долго. Например, перед свадьбой сказки длятся семь дней и семь ночей. Причем, по ненецкому обычаю сказки необходимо рассказывать по парам, иначе половина головы может облысеть. Еще у ненцев такое поверье: если красную лису добыл — нужно сказку рассказать; а у хантов: если съел голову зайца — должен спеть семь песен и рассказать семь сказок.

Итак, сказка началась... Певучий приятный голос Павла Янчевича оповестил, что сейчас будет рассказана сказка, которая была участницей двух фестивалей: в Варьегане и на белых Самотлорских ночах. На фестивале в Варьегане эту сказку инсценировала Василькова Елизавета Даниловна, супруги Айпины Любовь Николаевна и Семен Александрович. Казалось, что затихли и насторожились не только присутствующие в домике, но и весь окружающий нас мир. Даже дом приготовился слушать, надоедливый дождь внезапно прекратился, сосны склонили свои кроны по направлению к домику, ночь опустила свой темный полог-покрывало.

ЖАДНЫЕ НЕВЕСТКИ

В некотором царстве, в некотором государстве 100 ли 200 лет назад жила-была одна семья. Было у них два сына и две снохи. У них была и рыба, и зверь, все у них было в доме. Жили

они на стойбище.

Старший сын занимался охотой, младший — рыболовством. Улов рыбы и промысел на шкуры всегда были удачны. Не было такого зверя и рыбы, которых бы они не добывали. Однажды к ним пришел бедный мужчина, у него не было ничего. Невестки повернулись по углам, опустили головы, шьют, шкуры выдeldывают, гостя не замечают. Стало вечереть и темнеть, путник долго сидел вот так и не попил чая, не поел. Так он и ушел. И через некоторое время приходит старший брат и говорит: "Нет зверей, я никого не поймал. Даже следов звериных в лесу не видать". Приходит младший брат и говорит: "Нет рыбы, ничего не поймал. Лед на реке очень толстый стал".

Пошли они во второй раз и опять ничего не принесли, пришли с пустыми руками. Старший брат говорит своему отцу-шаману, мол, если сможешь, то определи в чем дело. Отец взял бубен и начал шаманить. Старший брат говорит: "Ну что, отец?" Молчание. Пришел младший брат и спросил: "Ну что, отец?" Молчание. Пришло утро и отец сказал: "Попытайтесь еще раз". И они пошли на промысел. Стало темнеть, а сыновей все нет. Приходит старший брат сильно уставший и говорит: "Поймал я только одну белку". Приходит младший брат голодный, холодный и поймал только одну рыбку. И опять к ним пришел тот же голодный и холодный нищий, они дали ему всю свою еду, все, что у них было. Он поел, душа его согрелась, и он ушел. А в дорогу ему невестки еще два мешка с продуктами положили.

На следующий день братья опять пошли на промысел. Старший брат вернулся до обеда, его спрашивают, что так рано пришел, а он отвечает, что у него все мешки заняты добычей. Он и еще бы ловил, да мешков уже не было. Приходит младший брат, и его спрашивают, что это он так рано пришел. А он отвечает, что уже все мешки были заняты рыбой, и еще бы ловил да мешков уже не было. Вернулась к братьям удача.

Бог обидел братьев за то, что жёны их так неприветливо встретили нищего путника. Ведь каждого нужно приютить, накормить и обогреть.

СКАЗКА ПРО САМОЛЮБИВОГО МЫШОНКА

(Детская сказка, сопровождаемая песней)

В некотором царстве, в некотором государстве жил мышонok. Он был очень ленивым, только и делал, что ездил по гостям. Был он хитрым и жадным. Он плывал по реке на своем

обласе из коры. Спустился он по реке на стойбище. Дети кричат мышонку, приветствуют его, зовут пить чай.

— Мышонок, мышонок, пошли к нам в гости!

Мышонок поднял голову высоко, как барин, и спрашивает:

— А какая у вас еда? Я плохую еду не кушаю.

— У нас хорошая еда — щучьи головы.

— Нет, я щучьи головы не ем, это не по мне. У меня горло маленькое, я подавлюсь.

На другом стойбище ему предложили жареных язей.

— Нет, язь — костлявая рыба, я подавлюсь, такая еда не для меня.

На следующем стойбище он отказался от свежих окуней и ершей. Поехал дальше. К вечеру прибыл еще на одно стойбище.

— Мышонок, Мышонок пошли к нам в гости, у нас хорошая еда.

— А что у вас? Я плохую еду не кушаю.

— У нас печень налима, специально для тебя отделили и сварили.

— О, это как раз для меня!

Мышонок сел на самое удобное место и принялся за еду. А дети тем временем забегают и говорят: “Мышонок, мышонок, чайки прилетели и клюют твой облас”.

Дети заранее на дороге воткнули две палки с острыми концами, первую замаскировали, а вторую так и оставили.

Мышонок рванулся со всей мочи: упал на одну палку, полетел на другую, и проткнул себе брюхо.

Эта сказка ведется к тому, что нельзя быть жадным, привередливым. Она учит довольствоваться малым, тем, что у тебя есть, или тем, что тебе могут дать от широты души.

В сказке про Самолюбивого Мышонка мне не понравилось, что он умер как бы насильственной смертью. Можно было просто проучить его, но не убивать.

После того, как Павел Янчевич рассказал грустную и даже чуточку жестокую сказку о Мышонке, он сделал небольшое отступление — загадал загадку и рассказал страшную историю про гром с молнией.

Любая хантыйская загадка начинается словами: “Мутл, мутл, кэмо-о-о-о”.

А вот и самая простая загадка: “Мутл, мутл, кэмо-о-о: “тьфу-тьфу”.

Мы долго ломали головы над ответом, даже те, кто внезапно задремал, проснулись. Мальчишки предположили, что так тушат окурок сигареты. Девочки почему-то подумали о каких-то страшных существах, которых надо отгонять от себя. А это оказалось куда прозаичнее. Во время точения ножа периодически нужно просто-напросто поплевать на брусок.

Все рассмеялись, сон как рукой сняло, и мы были готовы слушать новую историю.

Павел Янчевич начал рассказывать о себе, о том, как он попал в грозу, испугался сильно, закричал, подняв голову к небу, и гром с молнией сразу прекратились. Было в этом рассказе что-то сверхъестественное и непонятное, даже не верится, что такое может произойти.

ПТИЧКА С СЕСТРОЙ

Жили были Птичка с сестрой. Жили и часто голодали. Ничего не добывали. Однажды Птичка сестре говорит: “Наверное, я штаны сниму, вместо мордушки поставлю”. Сделал, как сказал.

На следующий день в эту мордушку поймали большую щуку (ненцы и ханты такую щуку всегда старались есть в сыром виде). Птичка (он) принес ее домой и говорит сестре:

— Разделай эту щуку. Я сейчас спать лягу, а ты самое вкусное мне оставь: животик, спинку, печень. А остальное себе.

Лег, а сам в рукав следит. Сестричка разделяет щуку, все самое вкусное положила в корытце и спрятала. А все костлявое — в чашку и на стол.

Проснулся братик-Птичка, встал и говорит:

— Где мои спинка, печень и животик?

— Я их, братец, съела.

— Ну ладно. Раз так — полечу и нажалуюсь великану.

Испугалась сестричка, схватила спрятанную рыбу и кричит:

— Братик мой, братик мой, не улетай. Вот эта рыба, что ты велел оставить.

Но Птичка уже улетел.

Прилетает он к великану, а того нет дома. Зашел он к нему. Видит в чужале, над огнем висит котелок с жиром. Наклевался он, наелся и думает: “Что же это я, ведь сестре надо унести”. Помазал он жиром подмышки, крылья пристыли, и он взлететь не может никак. А в это время слышит такой грохот и шум, что аж земля трясется. Идет великан домой. Он спрятался за чужал. Вошел великан. На правой груди у него висит добытый медведь, на левой — лось. Бросил добычу наземь, стал огонь разжигать, да как закричит:

— Кто это в моем котелке жир клевал? Кто это здесь хозяйничал?

За печкой береста лежит для растопки. Великан сунул руку, а там что-то мягкое задел. Сунул еще раз и поймал Птичку.

— А...! Вот ты проказник, вот ты где? Так это ты, оказываешься, жир своровал. Сейчас я тебя на огне сжарю.

А пленник давай чирикать:

— Не жарь меня, великан! Я тебе сестричку в жёны отдам.

— Ну ладно, раз сестричку даешь — не буду тебя жарить. Только смотри, не обмани. Ты ведь летаешь, а я по земле хожу, как я к тебе домой попаду?

— Не бойся, — отвечает Птичка, — я буду лететь и одним крылом задевать землю, делать пометки. И ты по ним придешь.

На том великан согласился.

Птичка улетел. Летит и пометки делает, а великан по ним идет. Прилетел Птичка домой раньше великана и говорит сестричке:

— Я тебе великана сосватал.

А сестра давай горькими слезами плакать:

— Зачем ты такое натворил? Зачем ты такое наделал? Не надо мне великана.

— Ну ладно, не плачь, что-нибудь придумаем. Давай у порога яму вырою.

Вырыли они яму. На порог положили доску слизистую для разделки рыбы. Слышат — земля дрожит, грохочет. Подходит великан к двери. А домик-то у Птички маленький, он-то в домик войти не может.

— Как же я к вам войду?

А Птичка говорит:

— Ты спинкой заходи, спинкой.

Пока они яму-то рыли, пешню, которой лед долбят в огонь поставили. Она там стоит, нагревается. Когда великан спиной входил в дом, поскользнулся и угодил в яму. В это время они сватали горячую пешню и всадили в живот этому великану. Так его и убили.

Вытащили они его на улицу, разожгли костер, а когда этот великан горел в костре, он проклял людей:

— Пусть мой пепел по всей земле разлетается и превращается в комаров, чтобы всех людей они кусали.

С этой сказки-легенды комары и остались.

Когда рассказчик замолчал, никто не шелохнулся. Все обдумывали сказанное, пытались понять, почему у великана столько злости к людям, ведь столько от него комаров и мошек, что

разговаривать нельзя и глаза широко раскрывать. Залетают они и в ноздри, и в уши, нет от них покоя ни днем, ни ночью.

Саша Халявин, снимающий рассказчиков на видеокамеру, во время этой сказки незаметно для окружающих уснул. Только сейчас мы заметили, как он вместо мягкой подушки положил камеру под ухо и спокойно посапывает. Будить его не стали. Павел Янчевич сказал, что счастливый тот человек, который заснул под сказку, увидит он хорошие счастливые сны и принесут они ему удачу.

В это время оживилась, дремавшая после трудного дня, проведенного возле хлебной печи, Елизавета Даниловна. Она тоже решила рассказать сказку. Задумалась ненадолго и спросила, знаем ли мы историю про клюковку. Мы промолчали и началась новая сказка.

КЛЮКОВКА И ТРАВИНКА

Жили были Клюковка и Травинка. Каждая из них занималась своим делом. Клюковка всегда разводила огонь, а потом ей это надоело и она говорит Травинке:

— Мне уже надоело всегда костер разжигать, теперь повозись-ка и ты.

Травинка ей отвечает:

— У меня же коса загорится, мне нельзя к огню подходить.

— Меня это абсолютно не интересует, разводи сама. Не будет огня, будем сидеть холодные и голодные.

Делать нечего, пошла расстроенная Травинка костер разжигать. Только искры появились, как вспыхнула у нее коса, загорелось сухое платье и сгорела бедная.

А клюковка начала смеяться, так зашлась в своем подлом хохоте, что и лопнула, только красные брызги разлетелись в разные стороны.

Совсем небольшая история, но нам она очень понравилась. Это поучительная история. Я (Ольга Время) сделала для себя такой вывод — делай то, что можешь, и постарайся сделать больше, но не пытайся свалить свою работу на плечи другого.

Мы немного передохнули, огляделись по сторонам, половина слушателей мирно посапывала: кто-то свернулся калачиком в ногах у растянувшегося во весь рост на белой мягкой оленьей шкуре друга, кто-то склонил голову на стол, кто-то облокотился о бревно стены дома. Главное, ребята заснули во время сказки, а это хорошая примета.

Решили растормошить заснувших, но Павел Янчевич сказал, что будить уснувших под сказку нельзя ни в коем случае, иначе прервется удачное и счастливое сновидение.

В ответ на сказку Елизаветы Даниловны, придерживаясь обычая, начал свое повествование Павел Янчевич.

МЕДВЕДЬ И БУРУНДУК

Давным-давно жили в одном доме два брата Медведь да Бурундук. Жили они дружно, всё у них ладилось и спорилось, работу выполняли вместе. Все горести и радости делили пополам. И вдруг в один день Медведь обиделся и говорит:

— Что-то в нашей жизни не так. Делаем мы всё вместе, делим всё пополам, а от тебя же, Бурундук, никакого толку. Давай будем жить отдельно, каждый сам по себе.

Разделились они и стали жить каждый по своему. Прошло некоторое время, Медведь обращается к Бурундуку с просьбой:

— Слазь-ка, брат, за шишкой на дерево.

— Нет, — отвечает Бурундук, — каждый сам по себе, вот и лезь ты.

Разозлился Медведь:

— Сейчас я тебя раздавлю, негодника!

— А ну, только, попробуй! — кричит в ответ храбрый Бурундук.

Завязалась перебранка и драка, ударил Медведь по спине Бурундука и оставил на всю жизнь след от пяти когтей. Не дружат они с тех пор и не встречаются.

ЖЕНЩИНА С СОБАЧЬИМИ ЖИЛКАМИ

Люди живут где-то на стойбище, в избушке. Каждый вечер народу много там собирается, как потемнеет — спать ложатся. А одна женщина не спит, вечерами сухожильные нити делает. Вдруг открывается дверь, и какая-то пожилая женщина заходит с чашечкой, в которой лежат свежие сырые сухожилия. Подходит к этой женщине и говорит:

— Давай вместе сухожильные нити делать!

Берет у нее жилки, да так быстро-быстро стала нити делать. Хозяйка испугалась, вроде бы эта женщина как нечистая сила. Что бы сделать, думает.

— Ладно, я сейчас на улицу схожу, — говорит хозяйка.

Вышла, походила, вернулась в дом и говорит:

— Там искры летят в разные стороны, горит что-то.

Та женщина испугалась:

— Может это мой дом горит, у меня же дети одни остались. — И побежала.

А хозяйка жиром подмышки намазала и спать среди своих легла.

Когда вышла ведьма на улицу — нигде ничего не горит. Опять она зашла в дом и ругается:

— Ну, погоди. Ты меня обманула, сейчас я тебя найду. Но не нашла. Всех проверила, у всех подмышки мокрые, значит, давно спят.

Ушла ведьма, но пообещала наказать. Через какое-то время у женщины ребенок из люльки выпал прямо в костер и сгорел. Такое страшное наказание придумала ведьма, чтобы все помнили: нельзя вечером долго сидеть одной, тем более делать сухожильные нити.

Закончила свою сказку Елизавета Даниловна уже поздней ночью, около двух часов. Проснулся и наш “кинорежиссер”. Почти все спали, и только мы, девочки, смогли выслушать все сказки до конца. Мы вышли на свежий воздух размять затекшие ноги и спины и ... ахнули! Небо опустилось низко-низко, и звёзды были размером с Луну. Такое ощущение, что их можно достать рукой. Очень отчетливо вырисовывалась планета Венера — Звезда Утренней Зари. Мы удивились, раньше такого звездного неба нам не доводилось видеть. В Мегроне вообще такого

чуда не бывает, да и здесь на стойбище это произошло именно в ночь сказок.

Мы с восторгом наблюдали, как передвигаются и падают звёзды. С криками и визгами прыгали от переизбытка эмоций и даже не успели загадать ни одного желания.

Из домика стали выходить проснувшиеся; изумленные ребята и взрослые, все протирали глаза и, подняв головы, уже не могли оторвать своего взгляда от завораживающего неба. Весь небесный купол был усыпан звездами, множество созвездий самых разных, больших и маленьких, собранных в сообщества, как бы семейные кучки, и разбросанных в гордом и величавом одиночестве, пленили своей космической энергией и манили бликами своих огней. Как будто эти звезды были раньше нашей планетой.

Может быть, это звездное небо над родным стойбищем Еремея Даниловича Айпина описано в его книге “Ханты”. Главный герой, Демьян, вспомнил предание о том, что люди возвращаются из потустороннего мира на землю в образе таежных птичек.

“А почему бы им, не превратиться в звёзды?! Ведь звёзды, наверное, нужнее человеку, нежели таежные птички?! Тогда бы весь род Демьяна и он сам с небосклона светили бы на землю, смотрели бы на тайгу, на знакомые реки и озёра... Он так долго думал об этом под таинственными ночными звездами, что и сам наконец почувствовал себя Звездой Утренней Зари... И он понял, как непросто быть человеком и как непросто быть звездой. Теперь и Небо, и Земля смотрят на него так, словно он стал их центром, и от него зависит в будущем жизнь и небесная, и земная...”

Он чувствовал себя звеном той связи, которая соединяет воедино всё то, что называется Жизнью — и Солнце, и Звёзды, и Землю, и людей — близких и дальних родственников. Без нас немислима Вселенная... Но закатилась Звезда Вечной Зари, пришла ночь, и настало время его ухода. И он замер, а в это самое последнее мгновение перед его мысленным взором промелькнули все дни жизни на земле с их радостями и печалью, с блаженством и муками, с вечной первой любовью... И ощутив упругое тело аркана, он шагнул в черноту ночи, уверенный в том, что когда придет время, он взойдет на востоке Звездой Утренней Зари и принесет людям новый день...”

Сердца выпрыгивали у нас из груди, эмоции выплескивались наружу, и уснуть было невозможно. Долго мы переворачивались с боку на бок, пытаясь осознать услышанное и увиденное...

**Ольга Игнатенко,
ученица 9 класса, СШ № 5**

**Ольга Время,
ученица 9 класса, СШ № 3**

У КАКОГО КАРАСЯ СЕМЬ РЕБЕР?

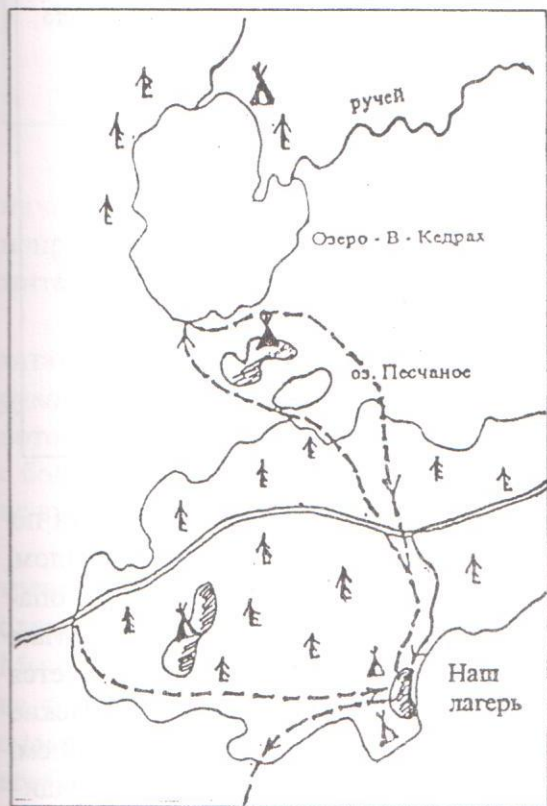
20 августа 1998 г.

Мы проснулись в 8 часов утра. Встали, умылись и пошли на зарядку. После зарядки сели завтракать, ели рис с яблоками, пили чай. Затем мы собрали два рюкзака: наш общий и Павла Янчевича. Несмотря на то, что мы собирали общий большой рюкзак со всеми необходимыми на наш взгляд вещами. Рюкзак Павла Янчевича и Елизаветы Даниловны был тоже внушительных размеров.

Еще перед завтраком, присев возле костра, Павел Янчевич заметил, как в разные стороны “выпрыгивают” раскаленные угольки. “К нам навстречу вышли лоси, сегодня будет удачная охота”, — заметил он. Может поэтому наш проводник собрал охотничье снаряжение: ружьё, нож, полный патронташ. Кроме того, не забыл про спички и топор. Было бы интересно заглянуть в его рюкзак и узнать, что же такое там таится, так необходимое лесному человеку.

Елизавета Даниловна несколько раз осведомлялась у девочек, всё ли они собрали: чай, соль, ложки, котелки. В итоге, прибыв на озеро, вскипятив на огне воду, оказалось, что забыли чай, а когда разделали щуку и достали мешок с солью, Елизавета Даниловна так удивилась (мешок весил около трех килограммов), что не могла вымолвить ни слова. “Зачем же так много? Это же лишний груз в дороге!”.

Так что даже в таком деле, как сборы в дорогу, мы сделали столько упущений, что было смешно и неудобно за свою рассеянность, а может быть даже неопытность.

У всех было приподнятое настроение и волнение, чувствовалась какая-то спешка и суета. Девчата собрали в общий рюкзак запасные вещи на случай падения с обласа в воду. А мальчишки решили, что будет проще раздеться, чтобы не мочить одежду. Взяли облас, котелки и пошли на Озеро - В - Кедрах.

Погода была прекрасная. Облас несли по двое — всего четыре человека. Сначала Азат и Любомир. Когда ребята устали, их заменили Вова и я. Несли облас дном вверх, бортами на плечах. Хотя мы несли его по очереди, и он был не очень тяжелый, все немного устали, ведь нам приходилось через некоторое время вместе с обласом на плечах наклоняться за ягодами. Их на нашем пути встречалось видимо-невидимо, и невозможно было пройти мимо. Зрелище было комичное: облас то и дело “нырял” в красные кустики брусники, а затем “вырастал” и “шагал дальше”.

До озера мы дошли быстро. Сразу начали готовить дрова, а Павел Янчевич сделал профилактический ремонт обласу. Потом мы развели костер и стали слушать о средствах передвижения хантов по рекам, озерам и болотам. Одним из них является лодка-долбленка — облас.

Жизнь хантов была так тесно связана с водой, что ее трудно представить без легкой лодки, то есть обласа. Его делали из толстого ствола осины, кедра. Равная толщина бортов и дна достигалась путем стесывания до шпенок одинаковой высоты, вбитых заранее, либо по звуку при простукивании. Форма обласа, узкая и длинная, сохранялась благодаря распоркам между бортами. Корма немного ниже, чем нос, слегка выступает над бортом, днище выпуклое, либо слегка уплощенное, напоминает байдарку. В вершине но-

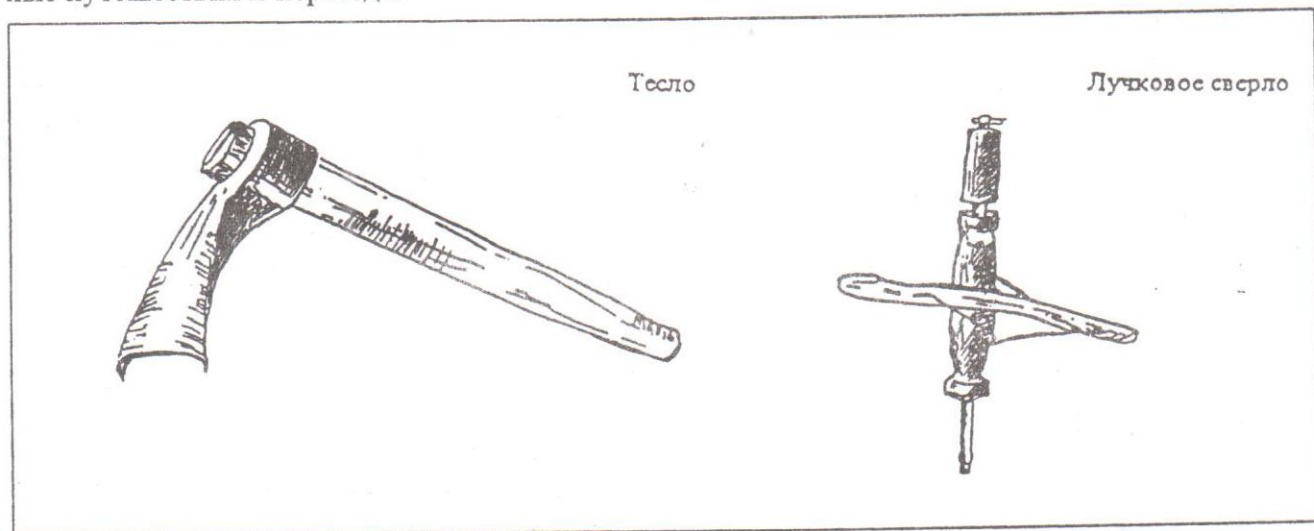
совой части отверстие для веревки, чтобы привязывать облас к деревьям. Конструкция обласов сохраняется на протяжении веков. Эти лодки отличаются особой узостью и верткостью.

По сравнению с обычными лодками облас на реке более маневренный, быстрее набирает оптимальную скорость, он гораздо легче, его не трудно нести вдвоем и легко можно перетаскивать волоком.

Размеры обласа зависели от его назначения. В соответствии с размером обласа к его названию добавляли прилагательное: большой, средний, маленький. Перетаскивали облас по суше волоком, поэтому лучше подходил для этой цели кедр, так как он легче и не промокает. На обласе охотились на водоплавающую птицу. При охоте на уток и заготовке камыша несколько обласов соединяли двумя жердями, прикрученными к распоркам на носу и корме. Сидения делали из веток ели или березы.

Мы узнали, что основными способами продвижения лодки у хантов были гребля с веслом, толкание шестом и тяга бечевой. Многие ученые полагают, что древней проформой хантских долбленок — обласов были колодообразные лодки, созданные, очевидно, в Южной Сибири и попавшие в более северные районы. За многие века ханты, вода и лодка так “сжились”, что русские новопришельцы восприняли ханта и облас как нечто нераздельное.

Дети хантов в возрасте четырех-пяти лет бесстрашно разъезжали на этом вертком судне. Несчастные случаи, связанные с ездой на обласе, происходили крайне редко и воспринимались как результат вмешательства сверхъестественных сил. На обласах можно совершать длительные путешествия и переезды.

Продвигались на обласах с помощью весла, поворачивая его так, чтобы ход обласка по прямой не нарушался. Ханты умели грести одной рукой, если другая была занята. В прошлом, большие обласа нередко буксировали люди и собаки. Весло для обласа используют однолопастное. Оно имеет сравнительно короткий черенок и изогнутую удлиненную лопасть. На Агане нижний конец лопасти в основном имеет прямо обрезанную форму. В фольклоре упоминается вёсла богатырей “с глухариную шею толщиной”, “с лебединую шею толщиной”. Хантские вёсла украшались очень бедно. Средние размеры мужского весла следующие: длина — 150 см, ширина лопасти — 17 см, длина лопасти — 65 см, толщина черенка — 5 см, длина перекладки черенка — 17 см. При гребле перекладину охватывали рукой. Женские вёсла немного меньше и еще меньше детские экземпляры вёсел. Перекладина женских вёсел изогнута больше, чем мужских. Обычно мужчина управлял лодкой на корме, а женщина и дети гребли.

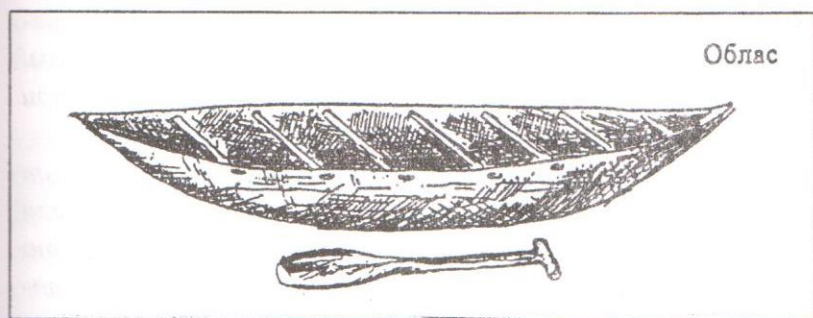
На обласе существует еще один способ передвижения — по осеннему неокрепшему льду. Для этого человек садится в обласок и отталкивается ото льда двумя острыми предметами (баграми, лопатами, топорами). Для этого требуется большое искусство и мастерство.

В случае, когда под рукой не было необходимого материала, лодка-облас играла важную

роль, как элемент погребального обряда. Ее использовали в качестве гроба. Когда появились глубокие захоронения, облас стали класть над могилой.

Затем Павел Янчевич рассказал нам, как надо вести себя в лодке, как пользоваться веслом, как готовить облас к плаванию, как застилать дно ветками. Какие меры безопасности необходимо знать, плавая на обласе по северным рекам.

У северных народов существует немало историй, связанных с обласом. Например, считается позором, если поплывешь на обласе и перевернешься. Научиться управлять обласом кажется не трудно, но это до тех пор, пока не сядешь в него. Павел Янчевич объяснил нам, что нельзя подчиняться обстоятельствам: нельзя чтобы облас “брал над тобой верх”. Нельзя подчиняться обласу, он должен подчиняться тебе. Облас нужно чувствовать, с ним нужно сливаться. Это как стул со сломанной ножкой, нужно вовремя и правильно выбрать центр тяжести и держать равновесие. Затем мы услышали, как правильно садиться в облас. Для этого необходимо прижать облас веслом к земле, сесть, как тебе удобно и оттолкнуться от берега веслом. Если ездить на обласе вдвоем, то пассажир, который сидит позади, является рулевым, а тот, кто сидит впереди, просто пассажир. Если хочет, может грести или не грести веслом, главное он не должен мешать рулевому. Все свои пояснения и объяснения Павел Янчевич показывал на практике, сам садился, держал весло, поворачивал облас по солнцу.

После этого наступил наш черед садиться в маленькое и вертлявое суденышко. Все, кто первый раз садился на облас, чувствовал себя неуверенно, на их лицах были видны страх и опасения, чтобы не перевернуться и не намочить ту часть вещей, в которой были одеты.

Когда закончились все приготовления к плаванию, первым в лодку сел Любомир Закричный, и только поплыв, сразу же чуть не упал в воду. Все смеялись до слёз, но когда каждый попробовал, мы поняли, как трудно научиться управлять такой лодкой, как облас. Ведь местные жители обучаются этому с раннего возраста.

Облас, на котором мы катались, принадлежал Павлу Янчевичу. Нам очень понравилось кататься на обласе. Первый раз все побаивались, а когда сели в облас во второй раз, страх как рукой сняло, и все были довольны. У мальчиков сразу получалось лучше, чем у девочек, видимо потому что мальчики физически сильнее, чем девочки, и у них меньше страха перед водой. Все с большим интересом и азартом учились плавать на обласе, грести веслом и стараться при этом не вылететь в воду.

Особо хочется сказать и о наших взрослых товарищах. На их лицах читалось волнение и тревога. Первой решила сесть в облас Вера Алексеевна, причем она не сняла с себя не только одежду, но даже обувь, это был, действительно, риск. Испытание было выполнено с честью. Мы смотрели на своего руководителя с восторгом. Гайша Валиулловна и Ангелина Анатольевна тоже волновались. Сотрудникам Экоцентра было бы неудобно упасть в воду перед глазами смеющихся ребят. Было много смеха и веселья, но руки наши устали, и появились мозоли от вёсел. К сожалению, в этот день научиться плавать на обласе смогли не все.

Некоторые ребята пошли на рыбалку, чтобы накормить всех свежей рыбой. Двое из ребят приболели, и наш врач Алексей Снигеров целый день находился рядом с ними, и делал всё, что мог, чтобы облегчить их состояние и улучшить настроение.

Обедали мы у озера. Елизавета Даниловна почистила щуку и сделала нам подовушку — нанизала рыбу на палочки и поджарила на костре. На первое мы поели суп, потом с большим аппетитом съели рыбу и запили всё компотом. Еще на обед мы готовили двойную уху, она очень вкусная и питательная — если проголодался, то выпил ее и наелся.

После обеда мы снова пошли к озеру. Возможно, мы не очень хорошо научились плавать на обласе, но под конец дня ребята начали соревноваться, кто быстрее проплывет расстояние в двести метров. Грести приходилось быстро, мы уставали, но настроение было отличное, и всем было очень весело. Первым взял старт Саяпин Владимир. Дистанцию он проплыл за 2 минуты 50 секунд, а затем стартовали другие: Сергей Горнасталев, Любомир Закриничный, Азат Шафигов. Они каждый раз улучшали предыдущий результат. В итоге лучшее время показал Азат — 2 минуты 20 секунд. Было очень здорово. Конечно, чувствовалась усталость, но все были счастливы.

Павел Янчевич рассказал нам очень много разных историй и легенд. Одна из них о его родственнике-ханте, который во время Великой Отечественной войны решил идти на фронт. Он один поплыл на обласе по реке Аган и погиб неизвестно где. Сидя у озера, наблюдая за мальчишками, которые, по словам Павла Янчевича, уже научились мастерски кататься на обласе, может быть, видя жизнерадостные лица молодого поколения, на Павла Янчевича и Елизавету Даниловну нахлынули воспоминания о прошедшем детстве, молодости. Они начали по очереди рассказывать о себе.

“Маленький я был, лет пять было. Помню, у меня был маленький лук, и я играл, бегал по берегу. И вот одна стрела попала на воду, я, взявшись одной рукой за дерево, потянулся за стрелой, как вдруг моя нога провалилась в воду и запуталась в траве. В это время, уже заметив меня, к берегу бежал отец, а попутно всем досталось: и матери, и братьям, и сестрам. Когда же меня достали, отец пять раз окунул меня вниз головой в реку, приговаривая при этом: “Будешь еще возле речки играть?” Вот так запомнился мне почему-то этот случай”.

Затем Елизавета Даниловна вспомнила свое детство: *“Осенью, когда все ездили на тот берег Агана солому собирать для подкладок на кисы, мы с братом, без ведома отца, поплыли на обласе на ту сторону реки. Когда срезала солому, я вдруг порезала палец, да так сильно, что кровь хлынула. Вот шрам остался на всю жизнь. Поднялся ветер, на реке большие волны, поплыли обратно к дому, а грести было трудно, из-за раны, да и страшно было от волн. Уже на середине реки отец приплыл к нам навстречу на обласе. Конечно, досталось. Не знаю почему, но именно этот случай мне запал в душу”.*

Она вспоминала свое детство, удивлялась мастерству ребят, даже призналась, что не умеет плавать, но всю жизнь ездит на обласе. Страшно только, когда волны большие. Елизавета Даниловна очень ловко уселась в облас и заметила: “Если буду тонуть, то спасайте”.

Рис. П. Бахлыкова

Мы всё время за ней наблюдали. Елизавета Даниловна показала высокий уровень своего мастерства. Очень ловко, быстро она сделала большой круг и вернулась со словами: “Из дальних рек и озер, вам большой привет”. Нам сказали, что у хантов и ненцев есть такая примета, когда первый раз садишься на облас, надо обязательно помочить волосы.

Павел Янчевич загадывал нам загадки об обласе: “Один едет, а следов нет”, “У какого карася семь ребер?” Эти загадки я очень хорошо запомнил.

Павел Янчевич научил меня игре, которая развивает ловкость и вырабатывает реакцию. Необходимо взять недлинные палочки в количестве десяти штук, положить между большим и

указательным пальцем. Бросаешь вверх и ловишь палочки на тыльную сторону кисти. Поймал, бросил опять вверх и из всей кучки ловишь одну. Тот, у кого больше палочек, берет недостающую сумму палочек у своего противника до своего счета или бьет тому по руке один раз. Когда сидишь и отдыхаешь, как раз интересно играть в такую игру.

На другом берегу озера Павел Янчевич показал орлиное гнездо. Это было такое чудо! На одиноком дереве “лежал”, не побоюсь этого слова, огромный орлиный дом. На самой верхушке дерева без единой ветки оно смотрелось величественно и торжественно. Орел, как гордый царь птиц, пролетел вокруг гнезда, демонстрируя свою красоту. Кстати, часто наблюдая за поведением этой гордой птицы, подмечают, с каким усердием и любовью он сооружает свое гнездо. Лесные ненцы хантыйское слово гнездо (*нэча*) выбрали для приветствия друг другу — “*нэча вотла*” (здравствуйте будете). Ведь гнездо — это олицетворение теплого уютного семейного очага, важнее которого в жизни человека нет. И только вид буровой вышки портил мое настроение. Больно смотреть на то, как человек запускает свои иглы в землю, уничтожая и загрязняя ее.

На стойбище мы шли хоть и уставшие, но не потерявшие чувства юмора. Вспоминали, кто как плавал, у кого получалось или нет, кто чему научился, и что мы услышали и запомнили. Шуткам и смеху не было конца. По дороге домой мы остановились на небольшой поляне, где оказалось много ягод, и все, несмотря на усталость, разбежались. Ягод мы наелись столько, что больше не хотелось.

Когда мы пришли на стойбище, то встретились с рыбаками. Они нам показали свой удачный улов — целых три полных таза рыбы. Пока они нас ждали, почистили рыбу и уже собирались варить уху на ужин. У всех было, что поведать друг другу. Саня рассказал, как они с Вовой Романовым чуть не упустили всю рыбу, когда вытаскивали невод из реки. “Я сильно опустил невод, — говорил Саня, — и рыба чуть не ушла. А когда в неводе появилась рыба, мы стали доставать ее, в то время как надо было тянуть невод, но всё обошлось благополучно”. Тихон Галактионович сказал: “Быстрее подымайте невод и тяните, а не кидайтесь на рыбу, доставем ее, когда вытянем невод”.

Мы в свою очередь рассказали, как учились плавать на обласке и все ждали, когда же кто-нибудь упадет в воду, но этого так и не случилось, чему мы были бесконечно рады. В этот день мы очень много фотографировали, засняли целую кассету. Много интересных кадров останется нам на память.

Погода в этот день нас решила порадовать — сквозь кроны деревьев пробивалось солнышко. Оно согревало наши спины, травы, ягель, землю, было тепло и почти не было ветра. Даже комары нам не мешали, так как их мы просто не замечали.

Вечером, рассказав друг другу обо всех делах и происшествиях этого дня, мы занялись текущими делами. Ребята затопили баню, натаскали воды, все дружно навели порядок в доме, где жили. Вот и время ужина подошло. Ужинали ухой из рыбы, которую наловили наши рыбаки, пили чай и ели пряники. После ужина все разошлись: кто пошел в палатки, кто в моховой домик, а мы пошли в свой толевый. Затопили там печку, играли на гитаре, пели песни, пили чай и, самое главное, обсуждали весь прошедший день, все его события. Одним словом, у всей группы об этом дне останутся неизгладимые впечатления. Всем было очень жалко, что этот день так быстро закончился. В нашей памяти он останется на всю жизнь.

День для нас с Сашей закончился дежурством у печки. Мы поддерживали тепло, но как ни старались, утром все равно было прохладно, и мы слегка замерзли. В этот день мы почувствовали себя самостоятельными и почти взрослыми.

Сергей Горнасталев,
учащийся ПТУ № 54, г.Омск

КРЫША НОЧНОГО МИРА

21 августа 1989 г.

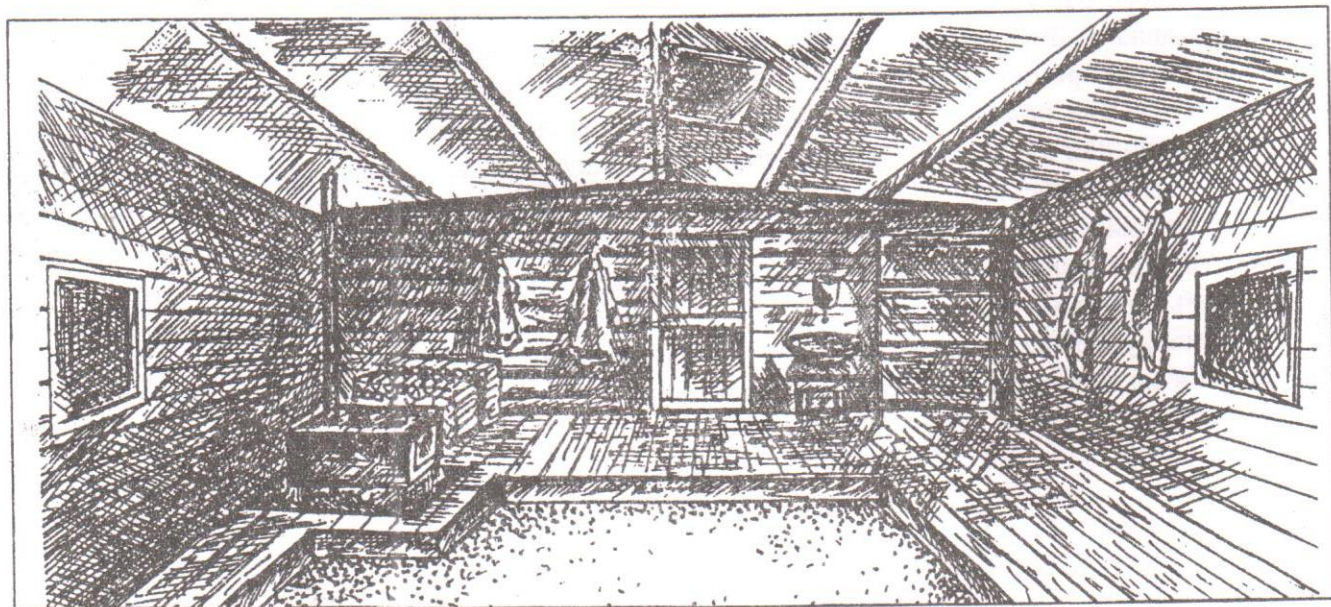
Проснулись мы сегодня с хорошим настроением, наверное оттого, что спали не в промерзшей палатке с полотенцами на голове, свернувшись калачиками, а в теплом моховом домике. Нам было мучительно больно за нашу слабость, за то, что соблазнились на приглашение Елизаветы Даниловны и предали свое походное жилище, поменяли его на уютную постель из пушистых оленьих шкур. Да, мы не туристы... Мы никогда не ходили в походы, не жили в пещерах, не покоряли горные вершины. Дети шутили на наш счет, называя “диванными”. Эта экспедиция была не только необычной и серьезной работой, а поистине трудным испытанием.

Собирались в дальнюю поездку, как говорится, всем миром. Знакомые несли повидавшие виды рюкзаки своих детей, подруги — куртки, свитера, соседи — резиновые сапоги. Одной из нас пришлось даже конфисковать совершенно новые “кроссовки” у мужа сестры. Переживали и волновались на счет выполнения намеченных заранее работ в ходе экспедиции. Студенческие выезды на “практики” — это одно, а научная работа в полевых условиях — это совершенно другое. Что с собой брать? Ручки, карандаши, линейки, ножницы... Что говорить, набрали, конечно, всего (нужного и ненужного). Вещей получилось у троих столько, сколько у всей остальной группы. Увидев у места сбора, называемого детьми “Муравейником”, сестер Хазыровых, я подумала: “С ними не пропадешь”. И была права.

Приехав на стойбище, они быстренько выбрали самое ровное и высокое место. Установили новенькую палатку, надули матрацы, достали одеяла (подмечу, в пододеяльниках), повесили зеркало, бельевую веревку, достали радио. Я только молча удивлялась и помогала обустраиваться. Темно нам тоже не было, свечами запаслись на месяц. Не забуду и той детали, что колышки для установки палатки были новенькие, и даже свежескрашенные в яркий красный цвет для их лучшего обнаружения.

Немного отвлеклись. Вернемся к нашему повествованию. Собрались мы, конечно, капитально, но физическая подготовка в тайге важнее всяких матрацев и пуховых одеял. После непрекращающегося дождя мы посинели, позеленели и зашмыгали носами.

Итак, проснулись мы в моховом домике бодрые и свежие. Многое связано с этим домом, поэтому хочется поговорить о нем побольше, о его внутреннем убранстве. Что меня заинтересовало в нем, так это минимум мебели, проще сказать, ее отсутствие. Скамейки и кровати заменяют деревянные возвышения по периметру дома. Вся мебель — обеденный столик на низких ножках и шкафчик для посуды, вернее, самодельные полочки.

Окно в потолке создает впечатление, что ярко светит солнце. Прямо внутри жилого помещения находится поленница. Рассказывают, что бывали случаи, когда несколько дней вокруг дома бродил медведь, и не было возможности выйти во двор за дровами, сжигали даже деревянную посуду.

Вот, в принципе, и все, что есть в доме. Вся необходимая одежда находится в мешках у изголовья. Эти мешки заменяют подушки. Интересными оказались приспособления для сна. По незнанию я подумала, что это укрытие от комаров, но полог — “крыша ночного мира” семьи, оказался более значимым объектом.

В течение длительного времени Виктория Ивановна занималась изучением пространства человека и его души. Она поделилась с нами очень важной информацией на эту тему. Полог — это, по-своему, тоже “мир”. Он должен быть сшит из разноцветных полос ткани. Пестрота в данном случае символизирует жизненность в сочетании различных ее оттенков и создает замкнутую среду для ночных путешествий душ. Только у мертвого человека одежда однотонная, без бисера и других украшений.

Если днем преобладает “разделение” (женщине нельзя перешагивать через постель мужа), то под ночным пологом запреты снимаются. Спальный полог, по-ненецки *тенишатл*, по-хантыйски *утлун*, один для мужа и жены. У хантов существует свадебный полог, *сай*, который представляет собой занавешенный угол жилого дома. *Сай* устанавливают для молодых на трое суток. Ненцы с большой неохотой, только в крайних случаях, предоставляют свой полог гостям, как бы уступают на время. Если мужчина пускает под свой полог девушку — жди молвы и пересудов.

Тема пространства человека очень сложна по своей сути. Мы смогли понять и осознать только некоторые положения этой теории. Например, пространство человека в основном передается на предметы, которые с ним связаны. Для женщины — это игольник, для мужчины — пояс, к которому крепится нож, точильный брусок, а также обереги — клык медведя. Человек толкует окружающий мир как свое подобие, и прежде всего подобие в том, что этот мир также живой.

Вот и мы, проснувшись, лежали и размышляли о жизни, о том, кто и что нас окружает. Думали, каких хороших ребят набрали для участия в экспедиции. Я вспомнила, как во время сборов, еще в музее, кажется, Вова Саяпин попросил полевой дневник со словами: “Можно мне взять тетрадь. Я уже сегодня хочу записать кое-какие размышления”. И сейчас мы еле-еле раскачиваемся, протираем глаза, а мальчишки и девчонки без всякого принуждения убежали на утреннюю разминку. Девочки медитируют, заряжаясь древесной энергией, а мальчишки выдумывают на бегу невероятные упражнения. По окончании зарядки, уже по привычке, все несут из леса охапки сухих веток для костра. Эту истину — не возвращайся из леса с пустыми руками — усвоили все.

Наше приподнятое настроение не омрачало даже то, что вся группа осталась без хлеба. Походный пекарь-кондитер-тестовод с вечера замесил тесто и... проспал. Елизавета Даниловна очень переживала, ставила себе в вину отсутствие такого важного продукта к завтраку. Из положения вышли с честью — облопались пшенной кашей, а чай пили с сухариками, которые я обнаружила в глубине моей необъятной сумки.

Погода, видимо, решила подарить нам прекрасный погожий день. Ярко светило солнце, и мы впервые за несколько дней завтракали на свежем воздухе, хоть лавки и стол были сырými.

На привычной уже планерке разработали план мероприятий на текущий день. Погода радует, поэтому единогласным решением всего коллектива наметили “стахановскую” вырубку жердей для кораля. Мечтали закончить эту работу к обеду и бодро с энтузиазмом зашагали на Гору Осеннего Селения.

Кажется, этот объект раннего поселения Айпиных мы изучили наиболее подробно. Не только взрослые, но и дети могли безошибочно рассказать о том, где какое находится строение.

Я между делом записала свои наблюдения о растительном покрове, который представляет собой сосновый молодняк 25-30-летнего возраста на месте старой вырубki. Там, где топор лесоруба не тронул могучие величавые деревья, они стоят молча и угрюмо, будто вспоминая то ужасное время. Гайша и Фатима делали фотосъемки разрушенных построек, вели съемку видеокамерой, делали наброски карандашом, чтобы каждый момент истории остался в памяти.

Помню, как после первого посещения Горы Осеннего Селения, мы собрались, и Виктория Ивановна прочла отрывок из книги Еремея Даниловича Айпина "Ханты", в котором описывается работа геодезистов. Чувствуется опасение и страх местных жителей перед мощью и силой техники, пришедшей на их землю.

"К примеру, зимой в глубокий снег, сохатого можно голыми руками брать. А с небесными и наземными машинами тут и делать нечего. Не на десятки, а на сотни километров все можно подсчитать. Сказывают, такая участь уже давно постигла охотников низовья Реки. Но Демьян жил пока спокойно — угожья его в глуши, на отшибе. Правда, пойму Реки задела труба на востоке, нефть на юге, железная дорога на западе. Сжмается кольцо вокруг него, но самого пока не тревожили.

Кольцо сжмается. Лишь на Севере, между трубой и новой дорогой, совсем тихо. Но там ненецкая тундра начинается, недалеко водораздел. Реки уже текут прямо на полночь и впадают в студеное море, дыхание которого он иногда чувствует осенью и весной".

После осознания той истины, которую вложил автор в свое произведение, в душе остается свинцовый осадок. Ком покатывает к горлу и не хочется верить, что человек человеку может принести столько горя. На примере только одной семьи мы увидели огромное количество переселений с одного места на другое. Нет возможности спокойно жить, растить своих детей. А сколько их, таких семей, вынужденных убегать от рева железных машин, искать защиту у ма-тушки тайги. Тяжело и больно...

С такими мыслями я шла в толпе смеющихся ребят и спрашивала себя: "Какой след в душе каждого ребенка оставит эта экспедиция на израненные хантыйские земли?" Надеюсь, когда они вырастут, даже будучи геологами или нефтяниками, не смогут молча смотреть на уничтожение древней культуры.

Прерву свои рассуждения и вернусь к происходящему. Работа по заготовке жердей просто кипела и продвигалась бы еще быстрее, но не хватало топоров. Мальчишки почти мастерски с пяти-шести взмахов, под своеобразный оклик "бойся!", валили молодые стройные сосенки. Любомир Закриничный по поводу нашей работы сделал заключение: "Мне кажется, мы делаем с одной стороны положительную, а с другой — отрицательную работу. Хорошо, что про-реживая густой молодняк, оставшиеся деревья быстро пойдут в рост. Это полезно для будущего бора. Но ведь мы вырубам хорошие, полные сил деревья. Жалко".

По мере уставания энтузиазм у ребят убавлялся. Начали появляться "травмированные". Вова Романов подпортил свой резиновый сапог, а Вова Саяпин занозил палец. Потеряв в лице Вовы Саяпина главного "рубщика", остальная группа приуныла. К этому времени было срублено сто жердей, решили передохнуть.

Любомир пошел на знакомый родник, по-хантыйски *киври*, за питьевой водой. Пили мы такую воду с удовольствием и не боялись заразить свой организм какой-нибудь инфекцией. Павел Янчевич уже несколько раз объяснял нам, как нужно ухаживать за природным источником воды, как определять ее качество. Истатки, источники, используемые для водозабора, ненцы различают следующего вида:

1. Речная вода — *тяхан в ент вит* — речного течения вода;
2. Прорубная и между кючек вода — *ванктлат вит*;
3. Вода живуна — *нёк е,ит*.

У ненцев есть птичка грачка — *татлнев*. Если в воде заведутся жучки наподобие этой грачки, то такую воду пить нельзя. Нужно либо сделать новый киври, либо вычерпать всю воду. Жучки напоминают птицу, поскольку так же шныряют, как порхает грачка. По ненецким по-

верьям этой птичке налили одну рюмку, поэтому у нее и полет, как у пьяной.

Чтобы вода в киври долго оставалась чистой, соблюдают некоторые правила. Его закрывают досками или сосновыми ветками, чтобы не падал мусор и жучки. Ветки используют и для фильтрации воды. Возле киври нужно как можно меньше ходить. Со временем производить замену колодца. С особой тщательностью следует производить уход во время таяния снега. Киври обкладывают чистым мохом — фильтром для очистки талых вод.

Как и многие другие объекты и вещи, родник считается живым существом. Он может наказать того, кто плохо с ним обращается, бросает мусор, плюет, оскверняет бранными словами. Может вознаградить хорошего доброго человека, того, кто приносит в дар Богу воды серебряные монеты (медные нельзя).

Утолив жажду прохладной родниковой водой, мы лежали на мягком ягельном покрывале и смотрели на голубую бесконечность с белыми ватными облаками. В этот момент даже комары и мошки не мешали, мы их просто игнорировали. Все наслаждались этой великолепной красотой, в душе осознавая, что каждый из нас — лишь песчинка в огромном мире. Солнце светило ярко и горячо, ветерок ласкал наши огрубевшие лица. Было такое чувство, будто ты взлетаешь и устремляешься ввысь, к облакам, небо притягивает и завораживает.

На ум вновь приходят размышления и рассказы Виктории Ивановны о пространстве души. Может, это душа пытается вырваться из материальной телесной оболочки и устремиться в бесконечность, улететь журавлем, как в легенде, испытать другую жизнь, другие ощущения. А может, это совершенно противоположная по своим характеристикам душа. Ведь в наиболее общей форме представление о сущности человека у хантов сводится к следующему — человек состоит из тела и души. У женщин этих душ четыре, у мужчин — пять. Причины разницы в их количестве у полов пока не вполне ясны, это очень сложный вопрос, далекий от своего разрешения. И людям, занимающимся такими сложными изысканиями, еще предстоит серьезные исследования.

После небольшого перекура вновь приступили к работе. Обессиленным ребятам на помощь пришел Павел Янчевич. Он вообще поражал меня, да и всех своей ловкостью, невероятной выносливостью. В свои шестьдесят лет он с легкостью совершал вместе с нами длительные переходы. Причем, шагал размеренно и быстро, наравне с молодыми натренированными туристами. По дороге он убирал с пути поваленные деревья, большие черные коряги, вешал их на сучья, мол, заберем на обратном пути. На старых стойбищах собирал в карман ржавые изогнутые гвозди — в хозяйстве все сгодится. Как-то даже ломик отыскал среди кустов. Он все очень хорошо подмечал своими зорким и внимательным взглядом. Однажды Павел Янчевич рассказал нам о том, как после геологов они еще долго собирали полные бутылки “Дэты”, канистрами машинное масло и бензин и еще многие другие предметы и средства, нужные для хозяйства.

Около пяти часов вечера нас удивила своим появлением Елизавета Даниловна. Она волновалась, что мы задержались и работаем без обеда. Принесла крепкого сладкого чая. Но мы уже собирались возвращаться. План по заготовке жердей был выполнен и даже перевыполнен на пять штук. В руках у мальчишек чувствовалась приятная усталость. У Алексея Снигерева давали знать трудовые мозоли. Но все же лица у всех были довольные и счастливые. И, наевшись жареной рыбы со свежеспеченным Елизаветой Даниловной хлебом, многие отправились за ягодами.

Вечером было решено заняться уборкой в своих жилищах и на территории. Мальчишки пополняли запасы дров, а девочки носили сушняк из леса. С тонкими сухими ветками проблем не было. Потрудиться пришлось над распиливанием больших толстых бревен. Понаблюдав за мучениями нашего молодого мужского коллектива, я решила вспомнить свою деревенскую молодость и помочь. Сотрудники музея тоже присоединились. Навыки всплыли из забытых уголков сознания, и чурки только успевали отваливаться из-под пилы-двухручки. Мы не знали, что за этим процессом наблюдает Павел Янчевич. Он незаметно подошел, посмотрел и произнес: “Вроде из города приехали, а пилить умеют”. Было приятно услышать похвалу из уст столь

уважаемого нами человека.

И это не просто высокопарные слова, это слова из глубины души, от всего сердца. Семья Павла Янчевича оставила хорошую теплую память на всю жизнь. Удивляло все в их отношениях друг с другом, в укладе жизни, в их характерах. Рассудительный, степенный глава семьи легко ладил с темпераментной быстрой хозяйкой. Доброта, внимание и невероятное терпение — вот только некоторые черты характера людей, радушно принявших нас. Людей, которые оставили своих детей и внуков, дом и хозяйство, согласились показать нам свои земли, поделиться своими наболевшими проблемами. Когда закончили работу, солнце уже закатилось, стало темно, и комары с мошками вышли на свой кровавый промысел. Под тусклым светом керосиновой лампы мы обсуждали записи дневников. Средства от комаров мы тщательно охраняли и экономии, поэтому спасались дымокурами.

Разводили мы их мастерски, дым валил со всех сторон. Слезились глаза и забивался нос, но зато не было ни одного кровососа. Последствия от укусов были, как говорят девочки, ужащающими. Подпухшие глаза, губы, уши — это еще полбеды. А вот расчесанные ноги и руки, покрытые толстым ярким слоем зеленки — зрелище впечатляющее. Кстати говоря, это было только в первые дни нашего пребывания на стойбище. Видимо, первая защитная реакция организма. Мы даже делали под руководством Виктории Ивановны какую-то гремячую зеленую смесь из багульника. Местные жители говорят, что там, где растет багульник, комаров намного меньше. Вот мы и обмазывались соком багульника, от которого выглядели как индейцы с воинственной окраской. Сейчас же, прожив в таежных условиях десять дней, мы покрылись толстым слоем презрения к этим гнусным и мерзким насекомым.

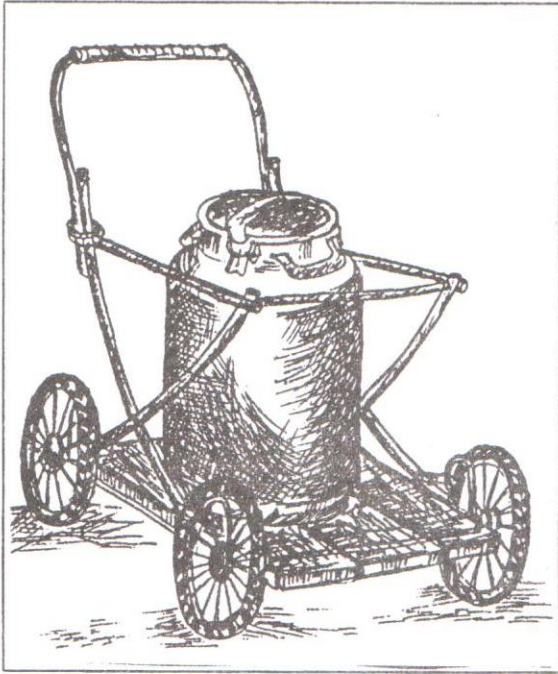
Ночевать мы перебрались из уютного мохового домика в свое холодное, но родное жилище. Поразмыслив о пережитом за день, мы заснули. Пришла тишина вместе с красивыми сказочными снами и хорошими впечатлениями.

Сотрудники Экоцентра:
Ангелина Мирзоева, эколог
Фатима Хазырова, художник
Гайша Хазырова, художник

ОТРЕЗАННЫЕ ОТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

22 августа 1998 г.

Утро начиналось как обычно. Мы мирно спали в сильно нагретом толевом домике, даже укрываться не было необходимости. Разбудил нас привычный уже голос Веры Алексеевны: "Группа, подъем!" Пока дежурные полусонные возились на кухне, все ушли на зарядку, мы с Лехой взяли коляску, поставили на нее флягу и пошли за водой.

Про коляску следует поговорить особо, с ней связано, можно сказать, самое важное мероприятие во время нашего проживания на стойбище. После того, как уехала Виктория Ивановна и Еремей Данилович со своей семьей, мы оказались как-бы "отрезанными от цивилизации". Не стало слышно музыки по волне радио "Европа плюс", раздававшейся из кабины "Хайлакса". Прекратили по вечерам включать генератор, и, самое главное, не на чем стало ездить за питьевой водой к природному источнику. И здесь нам на помощь пришла старенькая детская коляска, вернее то, что от нее осталось: четыре колеса на раме и ручка для управления. Эта конструкция заменила нам тачку.

Весь процесс доставки воды на кухню занимал теперь минут 20-25 (вместо 4-5 на "Хайлаксе"). Мы загружали емкость из-под воды, шли на источник, который находился в метрах трехстах от стойбища.

Брали емкость (флягу) за ручки, спускались вниз к болоту, под яр, ставили ее, открывали и ведром набирали воду, осторожно, чтобы не взболтать ее. Кстати сказать, сколько бы мы не старались набрать воду чистой, каждый раз дежурные по кухне возмущались, что в воде плавают то палки, то водоросли, то еще что-нибудь постороннее. Набрав флягу, плотно закрыв крышку, поднимали ее, ставили в коляску и катили назад. Катить ее тоже было дело не из легких, надо иметь некоторый опыт и сноровку, чтобы коляска не буксовала и не переворачивалась. Короче говоря, когда мы пришли с водой, ребята уже вернулись с зарядки, каша стояла на столе. Про зарядку девочек стоит рассказать подробнее. Это удивительное зрелище. Как-то раз я был свидетелем одной зарядки. Я подумал: "Чем это они там занимаются?" То, что девочки делали, не походило на обыкновенную утреннюю разминку, да вообще ни на что не походило. Они заряжались от дерева энергией! Это происходило так: Вера Алексеевна становилась лицом к дереву (обычно к сосне, потому что других деревьев поблизости не было), прислонялась к стволу лбом и руками, то же самое проделывали девочки. От их соприкосновения образовывался как-бы магический треугольник и будто бы дерево отдавало свою энергию. Я не знаю, много ли энергии они забрали, но ладони и лбы у всех, включая Веру Алексеевну, были в смоле. Да, медитация требует жертв!

После завтрака была планерка, на которой Павел Янчевич сказал, что погода хорошая, солнечная, и чтобы мы собирались, потому что идем на Озеро - В - Кедрях кататься на обласе. Идти очень не хотелось, но надо было, так как некоторые ни разу не пробовали кататься. Саша Халявин и Вова Романов были на рыбалке. Алексей Снигерев тоже не ездил, потому что он наш врач и следил за состоянием больных. А больных было у нас двое: Оля Игнатенко и Олег Ларин. У Павла Янчевича было предположение, что Оля поранила ногу после того, как в одну из дождливых ночей ей пришлось спать в моховом доме на святом месте, на котором женщи-

нам и девушкам даже сидеть нельзя. Она неудачно запнулась и вывихнула большой палец на ноге. Палец осматривали все, даже Елизавета Даниловна. Решили наложить мазь и тугую повязку. Только через 3-4 дня Оля смогла выходить из дома.

У Олега Ларина внезапно поднялась температура до 39°C. Он вообще у нас в группе самый маленький и хрупкий физически, зато у него сильный характер и большая сила воли. Он не хныкал и даже вида не подавал, что больно, и голова “разваливается на части”.

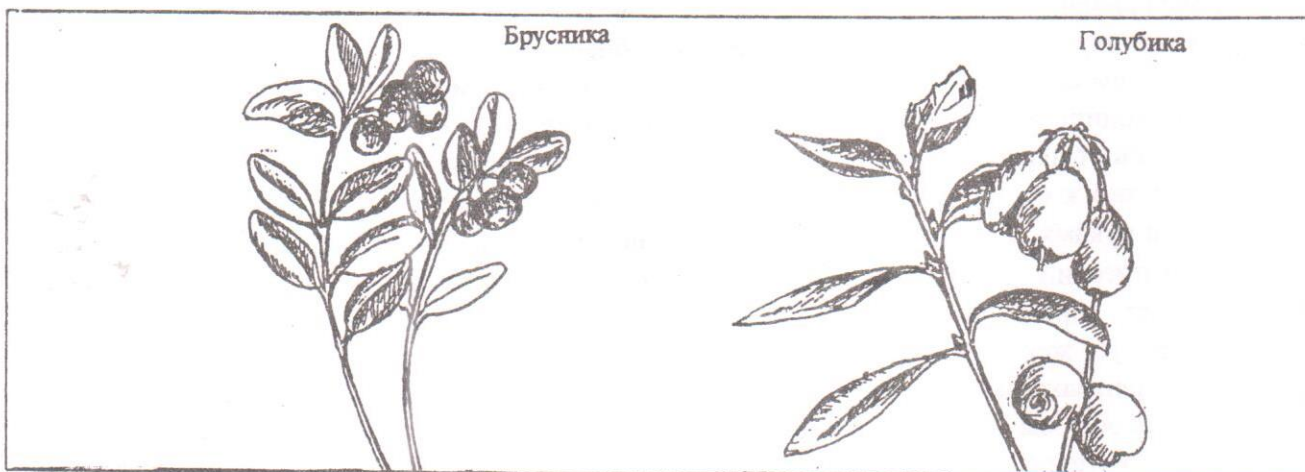
Итак, мы в очередной раз пошли на Озеро - В - Кедрах и были уверены, что прекрасно знаем дорогу и даже можем ориентироваться не хуже Павла Янчевича. Решили срезать путь, но пришли немного не на то место. В это время сотрудники Экоцентра тоже сбились с пути, а с ними и Вера Алексеевна. Сразу вспомнили, что в этих местах водятся медведи и лоси, перепугались и начали искать “болотные” сапоги на кольшках. Это были сапоги Тихона Галактионовича, он оставлял их, чтобы не носить лишнюю тяжесть. Когда их увидели — безумно обрадовались.

Мы шли одними из последних, так как по пути успевали есть ягоды. Казалось, что мы наелись их уже на год вперед, но все равно наклонялись и ели, ели, ели... Ягод было так много, все усыпано, просто невозможно было не нагнуться. С собой мы брали ружье, мало ли, вдруг встретится медведь. Те, кто пришли первыми, развели костер и поставили котелок с водой для ухи. Вскоре и мы дошли.

Чувствовали мы себя хозяевами, уже знали, как сесть в облас, как грести и держаться на воде. Первым катался Любчик, потом он научил Леху, как правильно садиться в облас, как правильно вылезать из него. Но все-таки, сначала мы решили поплавать вдвоем. Леха сел на пассажирское место, а я управлял, то есть греб и удерживал облас. Некоторые в это время храбро залазили в холодную воду купаться, потом бежали сушиться и греться у костра. Другие катались на моторной лодке, правда, на веслах.

Ребята вдруг решили смастерить для себя облас и спросили у Павла Янчевича, смогут ли они выполнить эту работу. Но он ответил, что для лодки-долбленки нужно сначала отыскать подходящее дерево, осину, которой поблизости не оказалось. Вова Саяпин сразу переключился на изготовление весла для обласа, но по какой-то причине и эта попытка не увенчалась успехом.

Основная масса ребят побежала за ягодами. Я тоже решил собирать ягоды, поэтому оставил за командира Володю Саяпина и вместе с работниками Экоцентра отправился на горельник за брусникой. Этой ягоды там было видимо-невидимо. Мы очень быстро заполняли все емкости крупной темно-красной ягодой. Будет чем порадовать родных.

На озере тем временем тоже собирали ягоды — чернику и голубику, а когда набрали, отправились на стойбище. По два человека переносили облас до дороги, чтобы машина его могла забрать. Сначала несли Вова Саяпин и Леха, потом Вова Романов и Саша Халявин. Что-

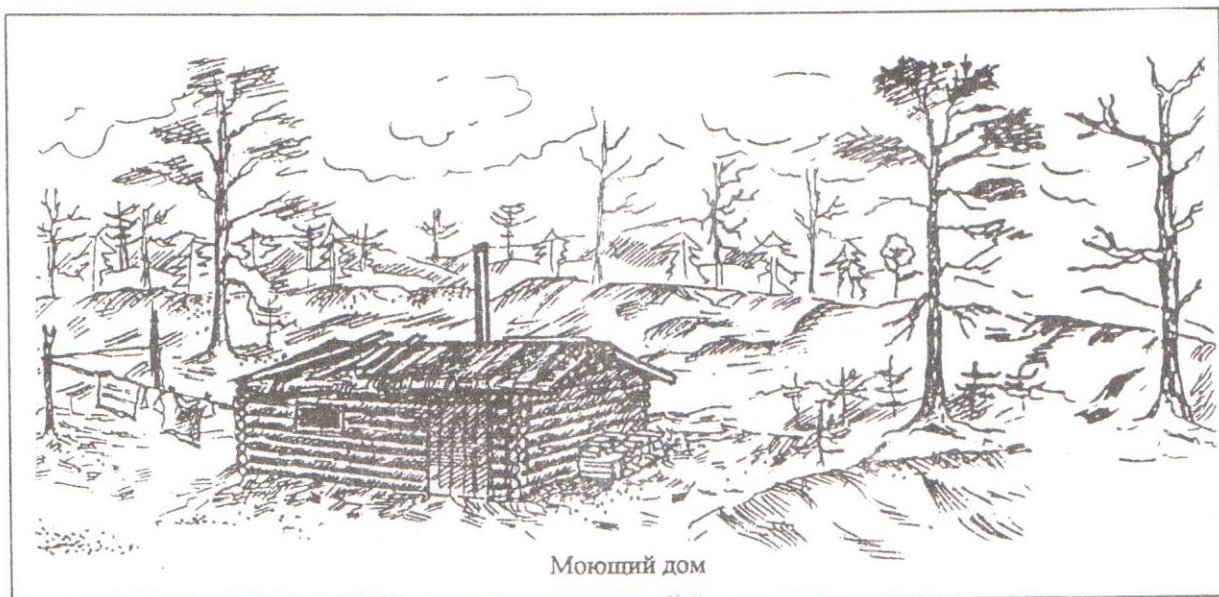
бы не терло плечи, подкладывали куртки и всякие вещи. Когда группа дошла до брусничного поля, все не удержались и опять накинулись на ягоды. Поляна была усыпана брусникой. Она росла горстями. Цвет был самый разнообразный: ярко-красный, бордовый, розовый, бело-красный, оранжевый.

Домой группа пришла на час позже нас. Все набрали много ягод. На стойбище оставалась за дежурную Катя Гаевская и больной Олег Ларин. Когда мы пришли, Катя уже сделала уборку в бане и вокруг стойбища. А кухню мы просто не узнали, такой был там порядок. Катя сварила нам на ужин суп, первый за весь поход. Он был таким вкусным, ели по несколько порций. Все хвалили Катюху за отменный супчик. Собранные ягоды мы рассыпали для просушки на газеты. Больше всех собрал Любчик, но по дороге на стойбище рассыпал. Получилось это из-за того, что развязался рукав “энцефалитки”, ведь ягоду он собирал в куртку, потому что другой тары не было.

Баню нам натопила Елизавета Даниловна. Она за время экспедиции стала нам как вторая мама: заботливая и чуткая, ласковая и строгая, всегда выслушает и посоветует, поможет и подскажет. После того, как помылись хозяева и Вера Алексеевна, пошли Фатима с Гайшой и Анжелиной Анатольевной. Было уже темно и ничего не видно, и мы слышали только их смех. Оказывается, они решили незаметно для всех, опередив нас очутиться в бане. Собрав необходимые вещи они быстренько начали выбегать из своей палатки. Первой вышла Ангелина Анатольевна, затем Гайша, но в это время Фатима затушила свечу. Гайше пришлось надевать на ощупь сапоги. И только когда они добежали до бани, обнаружилось, что у нее сапоги надеты на разные ноги, да еще один красный, а другой синий.

Кстати, на счет обуви, у нас был еще один смешной случай и тоже после бани. Мы как-то помылись, поменяли свои уже почти “стоячие” носки, и Леха решил обуться в чистенькие кроссовки. Ну и обулся, только пара была на одну правую ногу. Так он в них и ходил, слегка перекошенный на одну сторону.

А вот еще один обувной прикол. Мы все в экспедицию собирались по-походному, наши ботинки пропитывались специальным водонепроницаемым раствором, а у кого не было ботинок, ходили в резиновых сапогах. Вот только у Сергея Горнасталева была одна пара обуви, он ведь первый раз в походе. Так вот. В один дождливый день он промочил ноги, и его носки отпечатались на коже. Сергей это спокойно пережил, даже с иронией. И в следующий раз, когда у него промокли ноги, он сказал: “Я это специально, чтобы рисунок стерся, а то я носки снимаю, а кажется что не снял”. Мы часто, вспоминая это, смеялись, и дождь не так угнетающее действовал нам на нервы.

Моющий дом

Вернемся к посещению бани. Это сооружение на стойбище может и не на столько исторически ценное, но для нас было как пятизвездочный отель с сауной и джакузи. После дневных походов и работы так приятно погреться и искупаться. Однажды мы даже решили попариться, но веников не было. Делать нечего, пришлось самим заготавливать: взяли наточенные ножи, спустились в болото. Там росло много молодых берез. Мы срезали по одной ветке с дерева, чтобы в дальнейшем оно не засохло и смогло восстановиться, собрали их в кучу и связали. В итоге получилось два веника.

Девочки в баню пошли позже всех. С фонариками, держась за руки, они отправились все вместе за водой, хотя им было страшно и жутко в кромешной темноте. Когда темно, нужно обязательно идти с фонариком, так как можно упасть в прорубь. Подниматься в гору с ведром воды было не очень легко.

Помывшись в бане, все чистенькие, с лоснящимися розовыми щечками, собрались в моховом домике просто поговорить. Решили, наконец-то, устроить вечер знакомств. Каждый рассказывал что-то о себе. В нашем отряде мы давно знаем друг друга, поэтому нам интереснее было узнать о работниках Экоцентра и о хозяевах. А Елизавета Даниловна и Павел Янчевич, в свою очередь, хотели узнать о наших родителях, братьях, сестрах. Чем мы увлекаемся и занимаемся помимо школьных занятий, кем хотели бы стать и где работать в будущем. Разговор получился душевный, мы сначала были скованы, но затем разошлись и говорили очень долго. После рассказа Веры Алексеевны о себе, о своем детстве рассказала Елизавета Даниловна.

Мы узнали, что у нее умерла мать, когда она была еще совсем маленькой, около пяти-шести лет. И была она в это время самой старшей в семье. Забота о детях легла на плечи отца и маленькой Лизы. Детей было четверо: три дочери и сынишка. Весь быт лежал на хрупких плечиках шестилетней девочки. Отец оставлял детей на стойбище, у знакомых, а сам уходил на несколько дней на промысел. В свои шесть лет Лиза научилась всему. Иногда она не успевала к приходу отца сварить обед или ужин, потому что сначала хозяйка дома варила для своей семьи, а лишь потом начинала варить маленькая хозяйка. Воду приходилось носить самой. Она научилась пилить дрова, варить, стирать, шить, разводить костер. Свое детство Елизавета Даниловна вспоминает как страшный сон. Даже не верится, что это происходило с ней. В шестнадцать лет по направлению Правительства уехала работать в поселок. Работала дояркой, труд был невероятно тяжелый. В это время познакомилась с русским сельским парнем и сразу, не раздумывая долго, вышла замуж. Только через несколько лет судьба свела ее с Павлом Янчевичем Айваседа.

Разговорившись, мы уже не могли остановиться, стали просить Тихона Галактионовича рассказать о своей жизни. После некоторых колебаний он согласился и рассказал о себе, о своей работе. Работать он тоже начал рано, еще до армии. Работал лесником, лес притягивал к себе, не мог долго жить вдали от родной природы. Судьба была тяжелой, жестокой, работу пришлось оставить. В 1977 году умерла у него жена и оставила ему двух сыновей и дочь. Так и живет Тихон Галактионович на стойбищах (их у него семь) круглый год. Занимается рыбалкой, ходит на охоту, этим и кормит семью. Когда проезжающие геологи, буровики спрашивают, не хочет ли он поближе к цивилизации, на диване полежать, телевизор посмотреть..., он даже не понял, чего они от него хотят: "Как привык, так и живу. Нравится мне здесь. Мое, родное."

Мы тоже задумались, что может дать человеку город и что тайга. Каждый из нас согласился бы пожить месяц, а может и больше в таких условиях, но вот чтобы всю жизнь... трудно ответить, скорее всего нет.

Побеседовав таким образом мы стали расходиться. Пацаны пошли в толевый домик, девчонки в свою палатку, Вера Алексеевна — в свою. Остальные остались в моховом домике. И тут за деревянным чумиком мы увидели три силуэта. Подумали, что это девчонки наши и напугали их, а это оказались взрослые. Они, уставшие после "бесконечного" дежурства, взяли радио, настроили на волну, где звучали мелодии их детства, и пошли по направлению, где стоял туалет. Но после нашего "нашествия" по ошибке свернули на другую тропинку и ушли на

“вертолетку”. Когда осознали, было уже поздно, пришлось ориентироваться по ярким звездам и высматривать в кромешной тьме ночной силуэт нужного строения. Увидев его, они так обрадовались, что мы слышали радостные крики в нашем толевом домике.

Мы допоздна бренчали на гитаре, пели песни, девчонки тоже не спали. Мы у себя в домике растопили печку, пили чай без сахара, играли в карты. Потом началось ночное дежурство по два часа. Дежурили мы, чтобы не замерзнуть. В обязанности дежурного входило поддержание огня. Последние дежурные должны закинуть побольше дров, чтобы горел огонь, и тепло держалось до подъема. Все, кроме дежурных, после 12-ти часов ночи должны были соблюдать тишину, то есть спать. Такой распорядок всех устраивал, по крайней мере нас. На счет взрослых, мы даже и не спрашивали, наверное, они не были бы довольны. Утром мы вставали рано, хотя и ложились поздно.

Вот так прошел один день на стойбище. Он, может, не столь значительный для экспедиции, но показывает нашу жизнь, полную самых разнообразных приключений, веселую и насыщенную. А главное, в тот день мы разговаривали со взрослыми, как с друзьями. Они говорили с нами на равных, было интересно слушать их и доверять им свои маленькие секреты. После нашего знакомства Елизавета Даниловна завела специальную тетрадь, в которую мы записали свои адреса, оставили пожелания и приглашали наших хозяев, ставших за это время такими родными, в гости.

**Азат Шафиков,
ученик 10 класса, СШ № 1**

**Владимир Саяпин,
ученик 11 класса, СШ № 1**

ВСЁ ЭТО В ПАМЯТИ ОСТАНЕТСЯ...

23 августа 1998 г.

Вчера Елизавета Даниловна говорила, что будет дождь. И действительно, мы проснулись оттого, что его тяжелые капли барабанили по тенту. Палатка первый раз за все наше пребывание на стойбище была сухая, потому что я вчера хорошо натянула тент и основательно закрепила кольшки.

В общем, вылезли мы из палатки и потопали в баню умываться. Прийдя на кухню, увидели, что завтрак уже готов, и дежурные раскладывают кашу по тарелкам. Моросил мелкий кошой дождь. Завтракали в моховом домике. После трапезы, на планерке решили сходить на стойбище Тихона Галактионовича и на старинное стойбище Айпиных. Начали собираться. Пока одевались, пришел сам Тихон Галактионович и спросил, кто сегодня поедет с ним на рыбалку. Мы втроем: я, Галя Харина и Оля Время попросили, чтобы он взял нас. Он вопросительно посмотрел и сказал: “Что ж, в принципе можно, вот только хватит ли у вас сил тащить бредень?” Мы уверили, что хватит, и он согласился. Елизавета Даниловна очень разволновалась: “Да как можно-то! Девочек! В такой дождь!” — не хотела пускать нас. Мы убедили ее, что все будет хорошо, что мы не простынем, и она пошла искать нам резиновые сапоги. Гале достались самые высокие, которые заходили ей до бедра. Мне — пониже, до колен. А Ольге — совсем коротенькие, которые едва закрывали икры.

Мы договорились работать изо всех сил, чтобы не быть обузой, чтобы за нас не работал Тихон Галактионович, и обещали, что он не пожалеет, что взял нас, а не мальчишек.

Потом вся группа пошла до причала. Мы шли последними и несли деревянные носилки для рыбы. Было довольно холодно, а Ольга Игнатенко была без головного убора. Она не хотела возвращаться, говорила, что не замерзнет, но Вера Алексеевна убедила ее вернуться за шапочкой. Когда она ушла, я рассуждала, что было бы поучительнее, если бы она пошла дальше без шапки. Я знаю, она могла простыть, может даже заболеть, зато поняла бы на всю жизнь, что без шапки в холодную погоду никуда выходить нельзя.

Дойдя до причала, мы начали загружать носилки и тару для рыбы (большой кожаный мешок с ручками) в лодку, а группа отправилась дальше. Садясь в лодку на первое сиденье, я облокотилась на ветровое стекло. И тут, очень неожиданно, оно треснуло и отломилось. Я встала его так, как оно было раньше, но дефект все равно был виден. Я извинилась перед Тихоном Галактионовичем, но он ничего не ответил, а принялся заводить мотор. Он очень долго не хотел заводиться, и я уже подумала, что это из-за меня (ведь я сломала стекло). Я была угнетена, но Афоня, сын Тихона Галактионовича, который поехал с нами, сказал, что мотор всегда так долго заводится. Через некоторое время он все-же завелся, и я испытала огромное облегчение. Мы поехали на стойбище Тихона Галактионовича, чтобы взять бредень. Туда по времени уже должна была прийти остальная группа.

Ехать было очень холодно. Дождь, который ни на минуту не прекращался, усиливался ветром. Я оглянулась на Ольгу и увидела, что та сжалась в комочек и сидит, спрятав нос в воротнике пуховика. На голове у нее была косынка, но волосы выбились из-под нее и развевались на ветру. Было видно, что она очень замерзла.

Галя была в ярко-красном дождевике и в сочетании с высокими сапогами была похожа на сказочного петушка. По степени замерзания она выглядела лучше Оли. На голове у нее была, по-моему, кепка Олега и капюшон дождевика, который она затянула так, что видны были только глаза и кончик носа. Я тоже была одета не теплее всех. На мне были одни брюки, и от дождя они промокли насквозь. Было очень неудобно, потому что они прилипали к ногам. И еще оттого, что ноги, такие мокрые и облепленные брюками, начали покусывать комары. Пока мы ехали, кровососов почти не было. Но после остановки они набросились на нас, и я пожалела, что у меня не десять рук. На берегу мы только и успевали, что отмахиваться от комаров.

Выйдя из лодки, Тихон Галактионович повел нас к своему дому. Не дойдя до него, мы увидели большую поляну княженики. Вкусом она немного напоминает дикую малину, но крупнее и бледнее. Мы бросились поглощать ягоды, которые были необыкновенно сладкими, а хозяин тем временем перенес бредень в лодку.

Тут мы услышали крики своих. Это группа подошла к противоположному берегу. Нас разделял ручей метров 20 в ширину, но не тот, по которому мы приехали, а другой. Стойбище стояло как бы на полуострове между двумя протоками.

Пока мы ехали на лодке, группа во главе с Павлом Янчевичем и Верой Алексеевной шла вдоль берега протоки Деревянной речки. Она называется так, потому что по ее берегам торчат корни, коряги, сучья, а дно покрыто упавшими деревьями. По пути нам попадались березы, рябины, кедры, княженика и грибы. Такой пестрой компании на стойбище не увидишь, хотя от причала отошли всего метров триста. Когда группа подошла к берегу, ребята, бывалые туристы, обратили свои взоры на Павла Янчевича и спросили: “Неужели уже пришли?” Ответ последовал положительный. Им, отличным ходакам, расстояние показалось очень маленьким. Увидев нас на другом берегу, они воскликнули: “О! А девочки уже приехали!” Вова Саяпин с Верой Алексеевной зарисовали расположение построек, которые были на нашем берегу, в свои походные дневники.

Моросил мелкий дождик. Трава была мокрой. Тут на берегу, где расположилась группа, около самой воды, мы увидели уточку, которая скрывалась от ребят за стеной высокой травы. Но вскоре все увидели ее. Вова Романов бросился ловить уточку, так как Тихон Галактионович и Павел Янчевич разрешили ему. Вера Алексеевна крикнула “Не надо! Ведь она единственная, которая нам встретилась”. Вова оставил эту затею, но не потому что Вере Алексеевне стало жаль, а потому что понял, что уточку не поймать. Когда он приближался к ней, она перелетала на другое место, более, по ее мнению, безопасное. И так повторялось снова и снова. А если подумать, нужна ему эта уточка? Нет, конечно же, нет!

После этой неудачной охоты все стали думать, как переправиться к нам. Около нашего берега стояла лодка с веслами, и мальчишки хотели, чтобы Тихон Галактионович переправился к ним, забрал Вову Саяпина, чтобы тот правильно внес в схему все постройки, а затем переправил его обратно. Однако, подумав решили, что займет это много времени, а группе еще надо совершить поход на Ков-нѣх-кор.

Они повернули обратно и вскоре скрылись из поля нашего зрения. У Тихона Галактионовича был перекур, а мы тем временем пошли лакомиться княженикой. После перекура он сказал: “Хотите покажу кое-что?” Мы, конечно, согласились.

По узкой тропинке, через лес, мы вышли к какому-то непонятному “объекту”. Им был очень мизерных размеров вагончик, скорее железная будка, заменяющая Тихону Галактионовичу холодильник в зимнее время. После этого мы опять вернулись к домику, еще немного побаловав себя ягодой, решили ехать. Хозяин предложил остаться и переждать дождь, но мы отклонили предложение, сославшись на то, что он все равно будет идти целый день, и мы только потеряем время.

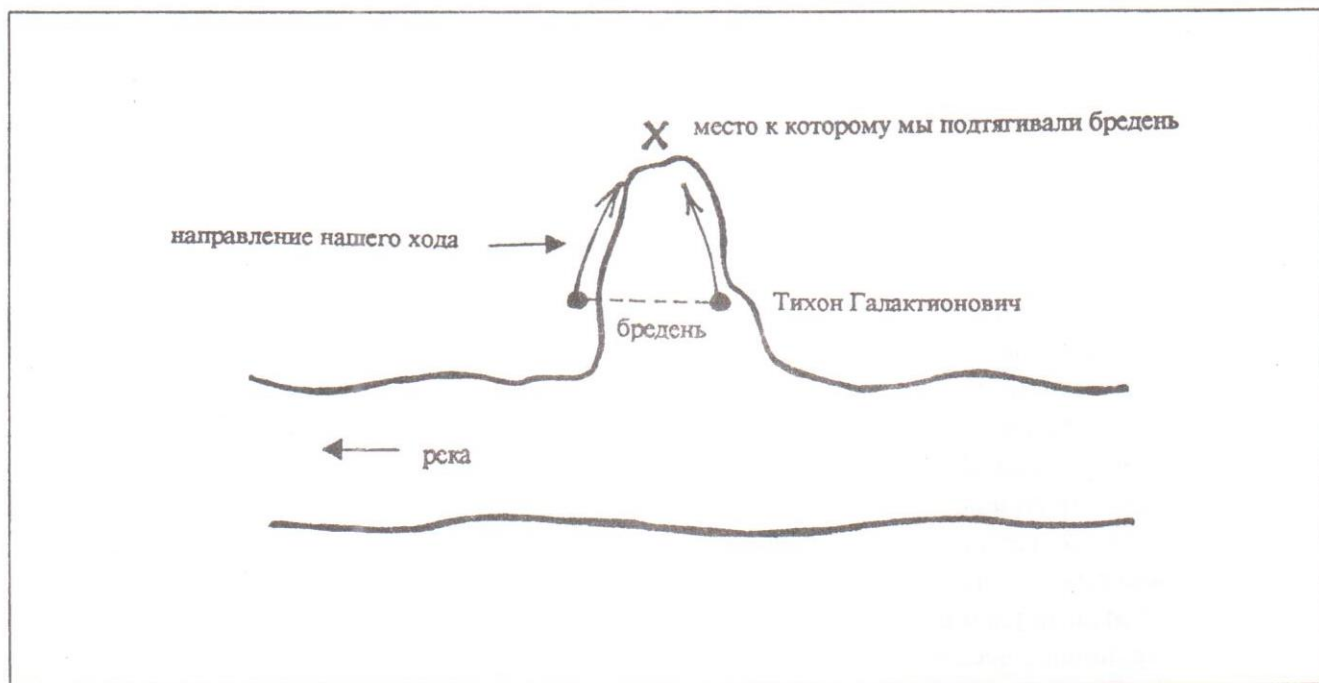
Лодка на этот раз завелась немного быстрее, и под струи холодного дождя мы отправились дальше по Деревянной речке. Дождь хотя и спасал от комаров, но не приносил радости.

Река была очень живописной. Песчаные берега, за которыми стоял стеной сосновый лес, были примечательны тем, что отражаясь в воде, очень походили на ракушки, лежащие на зеленом сукне. Особенно красиво это наблюдать на крутых поворотах реки, которых было очень много. Русло реки извивалось и петляло, как хотело. Но что удивительно, уже у самых берегов была достаточно приличная глубина, хотя ширина речки оставляла желать лучшего.

Остановились в одном из многочисленных заливчиков, в котором стояла еще одна “моторка” Тихона Галактионовича. Мы поменяли лодки, правда, не поняли зачем. Тихон Галактионович объяснил, что лодка, на которой мы поедем сейчас, специально предназначена для рыбной ловли. Да и ездит она быстрее. А поедем мы сейчас на самое дальнее место нашей

сегодняшней рыбалки и там забросим бредень. И постепенно, если рыбы будет мало, будем отсюда приближаться к, так сказать, дому.

Когда мы ехали, одно дерево, кажется осина, упало с одного берега на другой. Получилось нечто вроде шлагбаума. Проезжая под этим деревом в том месте, где крона образует разрыв, Тихон Галактионович попросил нас наклонить головы и согнуться до уровня борта лодки. Мы сделали это и проехали под деревом, не снижая скорости. Но мокрые ветви все равно заделали нас по головам и спинам. Наконец приехали на место, где собирались рыбачить. Рыбалка проводилась таким образом: с одного берега на другой протягивался бредень, и потом нужно было подтянуть его к одному берегу. Это выглядело так.

Мы с Олей тянули бредень на одном берегу, а Тихон Галактионович на лодке, в которой были еще Афоня и Галя, по противоположному. Тащить было тяжело, но мы радовались возможности узнать, как ловится рыба бреднем, и не очень горевали. Трава была мокрая, не переставая, шел дождь. Мои насквозь промокшие штаны по-зверски прокусывали комары и впивались в кожу несмотря на то, что я была намазана "Дэтой". Наверное, у них уже выработался иммунитет. Не знаю...

Наконец мы подтащили бредень к определенному месту, где Тихон Галактионович с Афоней и Галей дожидались нас. Теперь нужно было вытащить бредень из воды. Один его конец с палкой воткнули в землю, другой — расправили по всей ширине. И ту сторону, которая была в замкнутом пространстве, нужно было тащить так низко над водой, насколько это возможно. Другую же сторону нужно было тащить высоко, чтобы рыба не вышла из бредня.

Когда только начали вытаскивать бредень из воды, рыбы было не совсем много, а в конце, делая последний рывок, мы увидели, что вся рыба сбилась в кучу в полукруге, образованном бреднем, и ее было не так уж мало на наш взгляд.

Вытаскивать рыбу из бредня сначала казалось трудно, потому что нам было жалко ее, а отчасти потому, что она была очень скользкой и выпрыгивала из рук. Потом же мы приспособились к этой работе, и в результате оказалось, что мы наловили полную кожаную сумку рыбы. Тихон Галактионович сказал, что этого мало и не хватит на двадцать человек, нужно еще забросить бредень, только не в этом месте.

Он затащил тару с рыбой в лодку, и, когда мы сели, предложил заехать к нему на стойбище, которое находилось по пути домой (мы ведь ехали с самого дальнего места по направлению к Малому Яру), чтобы дать нам сухие штаны, сварить уху и вкусно пообедать. Мы,

конечно же, согласились.

Приехали мы на стойбище. Не на то, с которого рисовали карту-схему, а на другое. Там было очень красиво, особенно под дождем. Во дворе стоял умывальник с ямой для воды, стол со скамейками, лабаз, в отдалении — туалет.

Дождь начал понемногу затихать. Войдя в домик, мы по-настоящему ощутили, что такое холод. Тихон Галактионович начал топить печь, чтобы сварить уху. Он сказал Ольге, чтобы она сняла свою насквозь промокшую одежду и повесила сушить. Пока варилась уха, хозяин нарезал хлеб, лук, дал нам одежду, чтобы мы переоделись. Не знаю почему, но мы очень хотели есть, взяли по кусочку хлеба и в одно мгновение проглотили его. Раздразнив себя этим, мы ощутили нешуточный голод. Тихон Галактионович, посмотрев на нас, предложил взять еще по кусочку. И мы за 10 минут осилили втроем буханку хлеба и три луковицы. После этого мы подмели в домике, в котором стало уже довольно тепло, сняли с нар обеденный стол и приготовили все для обеда. Тихон Галактионович приготовил тем временем какую-то замудренную смесь. Как потом объяснил нам, это подливка для рыбы. Он развел крахмал в воде и влил его в горячий бульон. Сначала мы “съели” бульон, потом принялись за рыбу, которую ханты готовят своеобразно, не очищая ее. Зато потом, сварившись, чешуя сама легко отходит от мяса, а рыба не теряет своих вкусовых качеств. Это относится к такой рыбе как ерш и окунь. Их варят не только с чешуей, но и со всеми внутренностями. А щуку и налима варят с чешуей, но потрошеными и разрезанными на куски. Вся остальная рыба чистится полностью.

Поев, мы начали убирать со стола и уже собрались идти мыть посуду. Тихон Галактионович, увидев это, сказал: “Зачем? Не надо мыть посуду.” Но мы все-таки вымыли ее в реке. Мы были готовы пуститься в дальний путь, но Тихон Галактионович сказал, что после такой обильной еды требуется минут пятнадцать отдохнуть. Мы абсолютно расслабились, легли на нары и лежали блаженно минут 20, закрыв глаза. Афанасий в это время бегал вокруг домика - видимо его детский организм не нуждался в отдыхе. Отдохнув, мы поехали рыбачить. Дождь, между тем, перестал. Выглянуло солнышко и вскоре совсем распогодилось. На лодке в этот раз мы ехали с наслаждением. Теплый ветер бил в лицо, а ноги, одетые в теплые штаны, уже не мерзли. Приехав на место, мы быстренько закинули бредень. Потом, вытащив его и выбрав рыбу, набрали полную тару.

Нам показалось, что это очень много, но бывалый рыболлов сказал, что это баловство. Этой рыбы не хватит и нужно забрасывать бредень еще раз. Мы поехали на другое место. Вытащив бредень, мы увидели, что рыбы очень много. Даже больше, чем нужно. Мы вынимали рыбу, а она выбивалась и уплывала в речку. Сначала Галя пыталась ее ловить, но Тихон Галактионович сказал, что рыба, которая ушла, не предназначена для нас, и Галя перестала совершать попытки поймать ее. Рыбы было очень много — полный таз и еще кожаный мешок. Тихон Галактионович сказал, что этого хватит и можно возвращаться домой. Доехали мы быстро и, выйдя из лодки, я испытала некоторое сожаление по поводу того, что езда так быстро закончилась. Я с Галей опять несла носилки, на этот раз с рыбой. Ольга и Афанасий обогнали нас и первыми подошли к стойбищу. Тихон Галактионович остался возле лодки перекурить, потом он взял тару с рыбой и пошел за нами.

Придя на стойбище, мы с Олей первым делом хотели переодеть штаны, но Олег Ларин попросил нас остаться в таком одеянии ненадолго, чтобы нас сфотографировать. Мы сели на диван у крыльца мохового домика. Галя взяла самую большую щуку, которую мы поймали, и она внезапно укусила ее за палец до крови. Нас ведь предупреждали, что нельзя класть палец щуке в пасть. Но от этой щуки мы такого никак не ожидали — она ведь уже больше часа находилась без воды. Галя перебинтовала палец, и мы сфотографировались. После этого переоделись и нас позвали на обед. Я ясно помню, что ели очень вкусный суп с макаронами и помидорами, который приготовили Ангелина Анатольевна, Гайша и Фатима. После обеда разошлись на отдых и до самого ужина бездельничали.

Хочу вернуться немного назад в то время, когда наша группа скрылась из глаз, а мы еха-

ли по Деревянной речке на рыбалку. Придя обратно на стойбище, ребята подкрепились вареной рыбой и чаем. Немного передохнули, приготовили тару для ягод и пошли на Ков-нѣх-кор. Шли через старинное стойбище Айпиных, которое было построено в начале 50-х годов отцом Еремея Даниловича. Когда прошли метров 300, выяснилось, что Вера Алексеевна забыла компас. Пока она ходила за ним, ребята ждали ее, разговаривая с Павлом Янчевичем. Вскоре подошли к топографической геодезической вышке, которая была очень старой. Конечно же, ребята не удержались от соблазна подняться на нее.

Первым, на самую верхушку поднялся Вова Саяпин, который передал мне свои ощущения и впечатления: “Я испытывал недоверие к этой конструкции, ведь она в любой момент может рухнуть. И еще я глазами искал наш лагерь и вскоре нашел его. Стойбище было заметно, потому что на нем выделялись яркие, но слившиеся точки палаток”. Зрелище с вышки было красивое — необъятная тайга разворачивалась где-то внизу под серым куполом неба.

Вторым полез Алексей Снигерев с камерой. Он остановился на середине, так как стоять на одной перекладине вдвоем было просто опасно.

Затем поднялись Азат и Ангелина Анатольевна. Павел Янчевич и Вера Алексеевна стояли внизу, как и вся остальная группа, и давали рекомендации, как правильно подняться. Ведь нужно было сначала прощупывать каждую ступеньку на прочность и лишь после этого наступать на нее ногой.

Дальше они отправились по тропинке через гриву — продольно вытянутую возвышенность, покрытую соснами. Троп было несколько, и все они тянулись параллельно. Выбрали ту тропу, которая была более пологой. Потом вышли на горельник, пересекли его, и перед нами открылась грунтовая дорога, по которой мы сюда приехали. Вдоль дороги росли необыкновенные плантации брусники, которые следовали за ней не всем ее протяжении. Все кинулись собирать бруснику, но Павел Янчевич сказал ребятам, что ягоды они успеют собрать и на обратном пути.

По дороге шли около километра. В одном месте ее пересекал ручей. Уже начинали подумывать, как навести переправу, но тут заметили, что на обочине дороги положены бревна. Группа без приключений переправилась по ним через ручей, а немного погодя мы свернули в лес по правую сторону дороги. Там и находилось старинное стойбище Айпиных.

Вова Саяпин и Вера Алексеевна быстренько и аккуратно занесли все постройки на карту. Павел Янчевич кратко рассказал о них, и мы, не теряя времени, пошли собирать ягоды. Больше всех набрали Вера Алексеевна, Ольга Игнатенко и Саша Халявин. В качестве проводника с ними остался Павел Янчевич. Они вернулись одновременно с нами, только с противоположной стороны стойбища.

После ужина мы все отдыхали, а я думала о музейных девчонках — близняшках, Гайше и Фатиме. В начале экспедиции я совсем не различала их, а теперь, за два дня до отъезда, знаю кто из них кто. И теперь я имею какое-то представление об их характерах. Вообще-то, внешнее различие, которое бросается в глаза, между ними есть — Гайша с челкой, а Фатима без таковой. Фигуры же, походки у них совершенно одинаковые, и когда я смотрю на них со спины, если они без своих ярких различающихся комбинезонов, то я опять-таки не знаю, кто из них кто.

Характеры у них немного разные, но различать их по ним мог бы только тот человек, который достаточно долго знает сестер. Они достаточно умны, могут объективно оценивать ситуацию. Но в начале, как мне кажется, почему-то не хотели раскрываться. Скорее всего, потому, что, попав в детский коллектив, не знали, как вести себя с нами. Они не дети, но и не такие уж взрослые.

Вот и сейчас, они готовят ужин, но их не слышно. Их присутствие среди нас сильно ощущается. На ужин они вместе с Ангелиной Анатольевной приготовили рыбу, которую мы наловили, и подали ее нам в жареном виде. Хорошо прожаренная, она очень вкусная. Во время ужина, похрустывая рыбой, обсуждали прожитый день. Сегодня мы узнали много нового, необычного для нас.

Сегодня я основательно полюбила Елизавету Даниловну, которая стала очень близка всем нам. Она всегда хотела научить нас только хорошему, подавая примеры не словами, а своим поведением и отношением. Когда она видела, что мы несправедливы к чему-то или кому-то, она не ругала нас, а только грустно покачивала головой. Эти немые упреки действовали лучше слов, и, наверное, благодаря ей, мы приехали из экспедиции немного лучшие, чем были раньше.

Эта женщина заслужила уважение и любовь, она навсегда останется в моем сердце, в моей душе и памяти. Я знаю, что когда-нибудь опять увижу ее, а при встрече обниму и расцелую, как родную мать, кем она стала нам за эти короткие две недели.

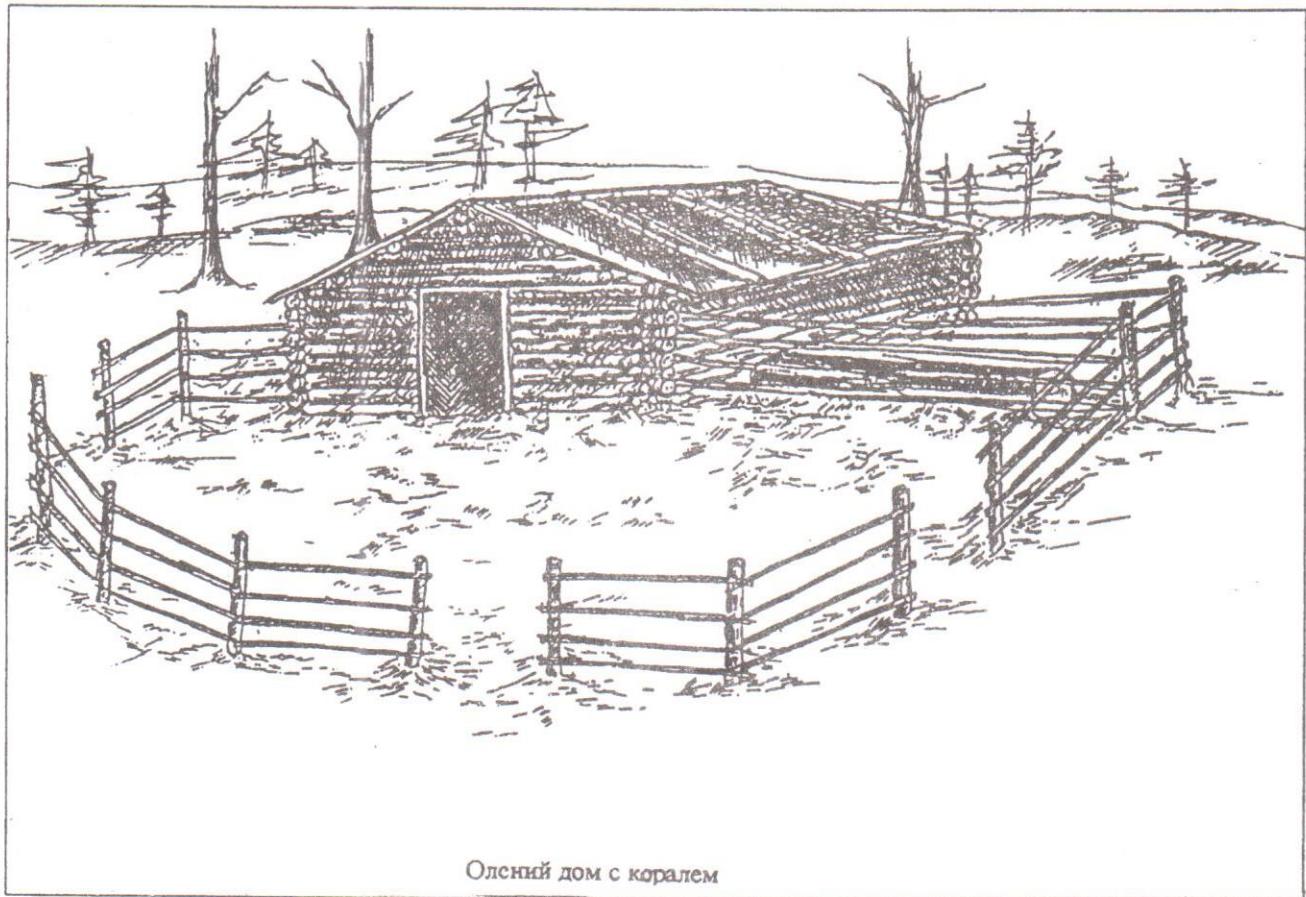
Ничего, что они так быстро пролетели, ведь есть еще целое Завтра, которое будет нашим, которое будет заполнено до предела. Опять будем есть вареную и жареную рыбу, которой мы так много наловили, опять пойдем собирать ягоды. А остальное? Остальное скрывается под завесой будущего дня, и никто не сможет предугадать, что плохого и хорошего он принесет нам. Никто.

**Екатерина Гаевская,
ученица 9 класса, СШ № 5**

ДЕНЬ ИНТЕРЕСНЫХ РАССКАЗОВ.

24 августа 1998 г.

Проснулись в 9.00. Все-таки каникулы, хотя где-то внутри (правда, очень глубоко) мучила совесть — ведь хозяева на ногах еще до рассвета. Позавтракали в 10 часов и решили сходить посмотреть Большой Яр. Не теряя времени до похода, я стал помогать Тихону Галактионовичу строить ограждение возле оленьего домика. По ходу дела я спросил про технологию его изготовления. Он ответил: “Проще некуда. Бери жерди, да прибивай”. Только надо соблюдать следующие правила: расстояние между прибитыми жердями должно быть не более сорока сантиметров. Причем зимой высота изгороди состоит из семи жердей, а летом — из пяти. Через такую ограду ни один олень не перепрыгнет.

Олений дом с коралем

Расспрашивая бывалого рыбака и охотника, я запомнил личные правила охоты Тихона Галактионовича. Вот некоторые из них: “Когда я иду, а следов зверя нет, и вдруг начинает надо мной летать ворон и кричать, потом полетит в другое место и начинает там кружить — в том месте и зверь притаился, в ту сторону и иду”. “Идешь, а следов зверя нет, но если начинает дергаться глаз, то через мгновение зверь появится”.

Услышав это, я не удивился, а всё больше убеждался в высокоразвитой интуиции живущих здесь людей, обладающих почти звериным чутьем, отточенными веками и передававшимся от отца к сыну. “Если приснится, что умерший человек что-нибудь дарит, то утром можно спокойно отправляться на охоту — зверь попадется”.

Когда ханты убивают какого-нибудь зверя, они, дабы не прогневать Главного Бога, молятся и призывают его полакомиться добычей. Если охотник убил зверя, а потом пошел дождь с грозой — это Главный Бог кричит: “Давай порадуемся твоему счастью вместе!”

Я задал Тихону Галактионовичу вопрос: “Зачем мы строим “огород?” (Наверно от слова

“огородить”, мне кажется, в современном языке это была бы “загородка” или “ограда”). На этот неглубокий вопрос я получил уникальную информацию, которую поспешил записать, пока не забыл.

Оказывается, когда наступает брачный период, по словам Тихона Галактионовича, рога у оленей “лысеют”, то есть линяет шерсть на рогах, и они становятся гладкими. В это время оленей надо кастрировать, чтобы они остепенились и были спокойными. Тогда на них можно будет ездить зимой, они становятся транспортными. На всё стадо оставляют нетронутыми двух-трех оленей — самых мощных и красивых. Кастрированных оленей и поймать легче. А то одного поймаешь, а остальные разбегутся, а так им воля вроде бы и ни к чему.

Стало мне интересно, как Тихон Галактионович без хирургических инструментов проводит эту операцию, и при этом один? Оказывается, всё очень просто — Тихон Галактионович очень крепко связывает оленя в “огороде”, потом зубами сильно, но осторожно, чтобы не порвать кожу, сдавливает два семенника. Затем пальцами тщательно растирает содержимое. После этой операции олень кастрирован. Главное, что при этой процедуре в кровь оленя не попадает ни песок, ни земля. Таким образом, Тихон Галактионович очень остроумно избегает инфекции и заражения у животных.

Еще я поинтересовался, зачем мы делаем три входа в “огород”, ведь можно сделать только два. Но Тихон Галактионович сказал: “В целях безопасности, если придет медведь, то чтоб олени не ломились в один выход, ведь они же беспомощные”. По поверьям хантов, если медведь сломает что-нибудь на стойбище, то на него найдет несчастье, и он тебе же попадетса на охоте ослабленный.

Пополнив этими бесценными сведениями свои знания (дай Бог, чтобы не пригодились мне в будущем, хотя, чем черт не шутит!) я попил чай, мы все перекусили жареной рыбой и пошли смотреть Большой Яр. Шли мы под грибным дождем. Дорогу освещало яркое, теплое солнышко. Павел Янчевич показал нам, как метает в цель топор, и всегда он втыкался в “яблочко”. “Да, хорошие навыки для тайги”, — подумал я.

По рассказам Тихона Галактионовича и Елизаветы Даниловны, во времена войн между аганскими и ваховскими хантами, в Большом Яру люди прятались и жили в землянках. Возле Большого Яра находится низина. Там растут кедры, березы. В этой низине тоже скрывались в землянках люди.

Мы шли по крутому высокому берегу реки и любовались окружающей нас растительностью, вернее с восхищением удивлялись. Ведь прошли небольшой отрезок пути, а очутились совершенно в другом мире, будто в тропическом лесу. Вокруг ликовало буйство зелени и разнообразных красок. Ангелина Анатольевна постоянно отставала от основной группы, потому что выкапывала растения для гербария. Она их называла. Мы запомнили только некоторые из названий: звездчатка, майник, княженика, хвощ лесной, папоротник женский, княжик сибирский, самые разнообразные осоки. Все эти травы характерны для пойменных склонов.

Деревья тоже поражали разнообразием, как состава, так и формой. Здесь были сосны, ели, кедры, многочисленные лиственные деревья и кустарники: береза, осина, тополь, ива, рябина, шиповник. Молодыми кедровыми шишками была усыпана земля, лесные обитатели уже лакомились мягкими орешками.

Незаметно мы очутились в мрачноватого вида буреломе. Всюду поваленные, поломанные деревья, через которые мы то и дело перешагивали и перепрыгивали. Смотрели под ноги и даже не заметили, что на одном из деревьев лесной черный ворон построил гнездо. Только Павел Янчевич обратил наше внимание на природную красоту и показал нам.

Встретилась нам и заброшенная медвежья берлога. Кто-то из ребят попробовал в нее прилечь — дом оказался великоват для человека.

По правую руку от нашего маршрута внезапно открылся вид на небольшое, заросшее осокой озерко. То тут, то там встречалось что-нибудь необычное и интересное. Мы все прошли по тропинке вслед за Павлом Янчевичем, и только Вера Алексеевна заметила осиное гнездо.

Осы обустроили свое жилище под корнями поваленного дерева и замаскировали так, что никто его не заметил.

Когда подошли к реке, мы не могли устоять от такой красоты. Девчонок как-будто притягивало к воде, им хотелось искупаться. Мы решили побросать в нее камушки и посмотреть, как в такой прозрачной воде появляются круги и снять эту красоту на камеру. Но когда мы спустились к реке, с удивлением заметили, что камней на берегу вообще нет. Мы стояли и любовались первозданной красотой укромного природного уголка.

Кто-то из взрослых напомнил о цели нашего прихода, вернув этим нас к действительности. Павел Янчевич хотел показать клюквенное болото, но дойти до него у нас не хватило сил. Мы сделали привал. Наш проводник удивил всех своей внезапной речью. Он сказал, что благодарен нашим мамам и папам за то, что они рискнули отпустить нас в такое далекое и необычное путешествие. Еще он поблагодарил спонсоров, оказавших поддержку в организации экспедиции.

К этому времени некоторые ребята захотели вернуться на стойбище. Они предупредили Павла Янчевича и отправились в обратный путь. Как казалось мальчишкам, они хорошо запомнили дорогу. Одна часть ребят остановилась собирать ягоды. Вова Романов начал искать загадочные, причудливые кости, а остальные пошли дальше. Вдоль оврага по старой тропе встретили окопы прошлых войн. С пути сбились, шли наугад, и вдруг натолкнулись на засечку, сделанную Павлом Янчевичем. И уже без сомнения вышли на Гору Осеннего Селения.

Я, как и многие, собирал ягоды. Не мог спокойно пройти мимо такого богатства. Продвигался медленно, пока дошел до стойбища, “добыча” была приличной. Немного отдохнув, мы пошли собирать бруснику очень далеко, по дороге на Ков-нѣх-кор. Мы проделали большой путь и вышли к горельнику, было страшно смотреть, что сделал огонь с живым, полным тайн лесом. Павел Янчевич говорил, что этот пожар был летом 1984 года. А пожар в лесу — дело страшное. Огонь сразу “прыгает” на деревья, а если это еще и хвойные деревья, и есть хотя бы небольшой ветерок, хорошего не жди. Может сгореть весь бор. А из леса во время пожара не выберется даже самый сильный зверь, не то что человек. Когда мы вышли к дороге, брусники было много, но она была не очень крупная.

Неожиданно мы с Сергеем услышали отдаленный рев машины. “Наконец-то”, — в один голос сказали мы. Настроение у нас сразу поднялось, ведь так ждали транспорт. Через некоторое время появился КамАЗ. Он остановился возле нас, и Сергей сказал: “Смотрите, я даже в лесу поймал такси”. Сергей, Олег и я решили поехать до стойбища на машине. Я сказал: “Чем идти пешком, лучше ехать с ветерком”. Подъезжая к стойбищу, я услышал как Тихон Галактионович крикнул тем, кто оставался на стойбище: “Радуйтесь, за вами приехала машина”. Наверное, некоторые радовались, что завтра уедут отсюда, а некоторые хотели остаться, хотя бы на недельку.

Водитель КамАЗа резко притормозил возле оленьего дома и закричал: “У вас дом горит!” Мы засмеялись, ведь это был хорошо “раскопегаренный” дымокур для оленей. Он очень удивился, что местные жители так бережно относятся к своим домашним животным, оберегают их от кровососущих насекомых. Водитель привез с собой домашние пирожки и предложил нам. Нам было неудобно отказываться, и мы взяли по несколько штук, а оказалось, что съели все.

Потом Павел Янчевич предложил водителю съездить за обласом. Хорошо что мы его вынесли на поляну, куда может проехать машина. Взяли веревку и поехали. Когда вернулись, я удивился, как облас поместился в машине, ведь он был не очень короткий.

Ужинали без дежурных, так как они не захотели ехать с нами и остались собирать ягоду. Оказывается азарт — штука заразительная.

После ужина Елизавета Даниловна рассказала такое поверье: “Если в доме не живешь полгода, то мужчина берет палку и выгоняет злых духов, при этом начинает от стены, находящейся напротив двери. В дверях при этом стоять нельзя”. Она рассказала о домовых. Они у хантов защищаются от всякого посягательства и обитают в неприкосновенном запасе дров. До-

мовые охраняют дом от злых духов, которых выгоняют так, как я описал выше.

Тихон Галактионович поведал историю, случившуюся с его друзьями. Когда они остановились в каком-то старом, жутком доме и легли спать, не очистив его, через некоторое время в углах стал кто-то скрестись и по крыше бегать. Так за целую ночь они и не заснули. Утром ушли и больше не заходили в этот дом.

Вечер наш был у костра. Решили, раз это последний вечер, то отбой сделаем позднее. Долго играли на гитаре, пели песни, девочки пекли торт с брусникой, черникой и со сгущенкой на завтра (правда, очень хотелось съесть такую вкуснятину сегодня).

Запись я вел днем, а дописываю при керосинке. Сегодня небо очень чистое, хорошо и отчетливо видно звезды. Меня уже клонит в сон, буду заканчивать свою писанину, пойду укладываться спа-а-а-а-ть...

**Закриничный Любомир,
ученик 10 класса, СШ № 4**

25 августа 1989 г.

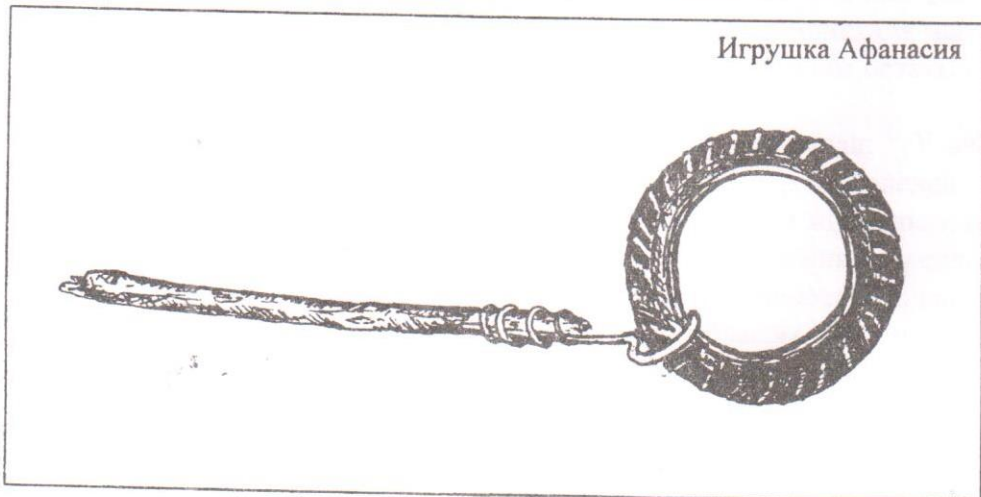
Мы проснулись, вернее нас разбудили, в семь часов, хотя должны были встать в шесть. Проспали. Дежурные девочки — Оля Игнатенко и Катя Гаевская — пошли готовить завтрак. Чуть позже к ним присоединились я (Ольга Время) и Галя Харина и стали допекать прощальный торт. Коржи выпекали на костре. Первый получился весь разваленный и сырой. Вот уж правду говорят, что первый блин комом. Мы его прожарили и отдали на растерзание проснувшимся ребятам. Остальные коржи промазали через один слой сгущенкой и шоколадной пастой, сверху украсили лесными ягодами — брусникой, черникой и голубикой. Справедливости ради скажем, что тесто нам делал Сережа Горнасталев — пекарь группы.

Пока дежурные варили гречневую кашу, мы собирали рюкзаки и палатки. У каждого набралось большое количество рогов, костей (оленьих и медвежьих), лосиных и оленьих зубов. За завтраком Вера Алексеевна разрешила “лесной” торт. Всем хватило по кусочку. Только осам, налетевшим неизвестно откуда, полакомиться не удалось. Перед отъездом мальчик Афанасий спросил: “А вы завтра приедете?” Мы все обмерли от неожиданного вопроса.

Имя ему дал отец, Тихон Галактионович, в честь своего друга, который куда-то уехал. Рос Афоня без матери. Она от них ушла, потом умерла. Случилось это в 1997 году. Учится Афанасий в Варьеганской школе-интернате. Он умеет управлять моторной лодкой и ловить рыбу, как взрослые. И это в свои десять лет.

Помню, приехали мы на рыбалку с Тихоном Галактионовичем. Я, Галя Харина и Катя Гаевская не знали, как ловят рыбу. Афанасий просто ухохатывался. Галя ее глушила палкой, на конце которой был прибит какой-то прямоугольник, смахивающий на квадрат с тупым углом. Эта палка была выше Гали и весом не из легких. Сначала Афанасий кричал: “Неправильно! Неправильно!” Потом стал хохотать. Это зрелище было очень смешным, и мы все дружно смеялись.

На стойбище Афоня взял привычную для него игрушку, которую смастерил сам. Игра действительно интересная и, на первый взгляд, легкая. Надо катить колесо палочкой, на конце которой желобок. У мальчика так легко получалось, что я подумала: “Зачем ему это? Ведь все так легко?” Но когда сама взяла палочку, попала колесом в желобок и попыталась побежать — ничего не получилось. Я пробовала еще раз, и еще... Ничего не вышло. Я подумала, что для своего возраста этот паренек очень ловок, и поэтому игра ему очень легко дается.

Сколько лет Маленькому Хозяину я не знаю. Он и сам не знает, говорит, что десять, потому что считать умеет лишь до десяти.

Однажды мальчишки, Вова Саяпин и Саша Халявин, пошли за ягодами с Афоней. Взяли с собой на всякий случай нож и спички. Вдруг Вовчик и Саня почувствовали, что за ними кто-то стоит. Было слышно рычание медведя. Сердца обоих застучали и запрыгали, как мячики, сделалось жутко и страшно. Первая реакция Вовы была такой — он полез в карман и уже расстегнул пуговицу кобуры, в которой лежал нож, резко развернулся с ножом в руке и обомлел: сзади стоял Афоня с поднятыми руками к небу. Саша с перепугу прыгнул, развернувшись лицом к “маленькому медведю”. После этого, как рассказал Вова, он растянулся, и было слышно, как стучит сердце, готовое выпрыгнуть наружу.

Однажды вечером Елизавета Даниловна послала Афанасия за ножовкой, которая висела на Большой Сосне. Было уже темно, и он пошел в лес, совсем не испугавшись, с ним пошел Алексей Снигерев. Как ни странно, Афоня очень быстро нашел ножовку в темноте.

Когда мы были на рыбалке, я спросила у Афони:

— Ты “Дэтой” мажешься?— протянув ему флакончик.

— Нет, редко.

— А комары тебя не кусают?

— Да, нет.

Помню, как обиделся, когда мы сами пошли на Озеро - В - Кедрях, так как пойти с нами ему не разрешили, потому что он маленького роста. Афанасий не умеет плавать и кататься на обласе. Я спросила:

— Ты в школу хочешь?

— Да, — и показал свой красный портфель. Увидев его, я вспомнила свой первый класс. У меня тоже был подобный портфель на заклепках и тоже красного цвета. Портфель Афанасия был абсолютно пуст, в нем не было ни одной тетради. Он их все сжег, разводя костер.

— У тебя игрушки есть?

— Нет, нету.

Когда мы вышли на улицу, около умывальника валялся маленький цветной игрушечный трактор.

— Ты же сказал, что у тебя нет игрушек?

— Да, это что ли?!

Когда девчонки пошли мыть посуду, на небольшом обрыве он сделал из песка и воды что-то среднее между маленьким водопадом и впадиной. В общем, получилось интересно.

У Тихона Галактионовича я спросила:

— Сколько у Вас стойбищ?

— Не знаю, надо посчитать.

Насчитал он семь. Своего отца Афанасий слушается, я не разу не слышала, чтобы Тихон Галактионович ругал сына. Мальчик любит всем помогать, что ему не скажешь, он все делает. Если, конечно, это ему по силам. Он помогал мне разводить костер. Сначала противится:

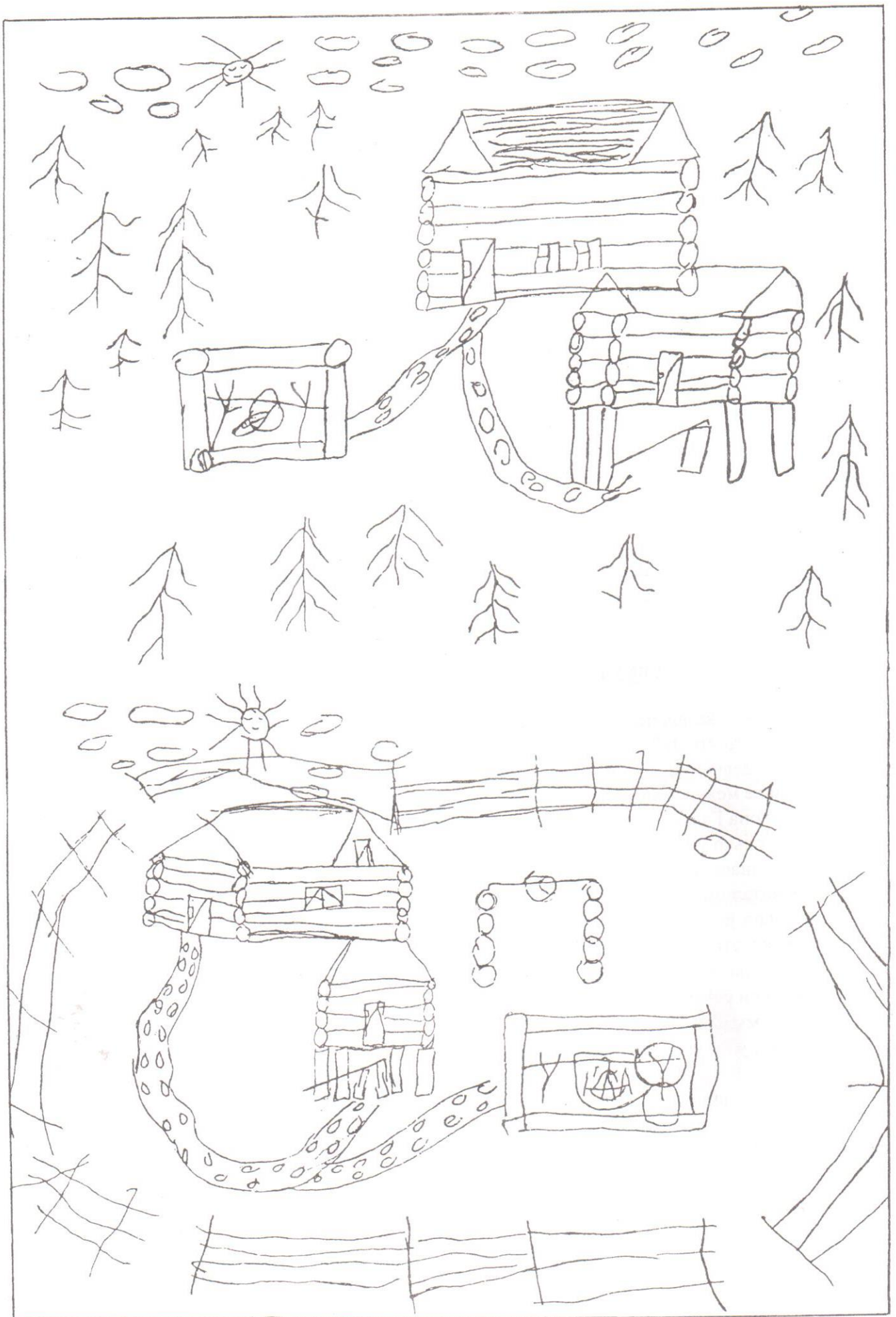
— Ну, как я тебе разведу? — а потом берется за работу.

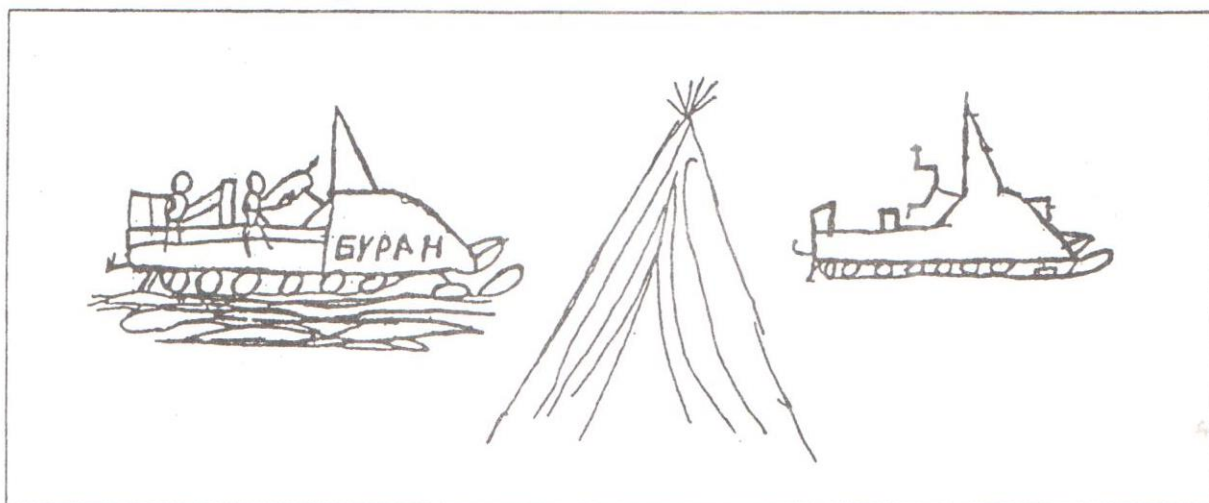
Часто он бегал за водой. Однажды, когда растапливали баню, его спросили:

— Ты мыться будешь?

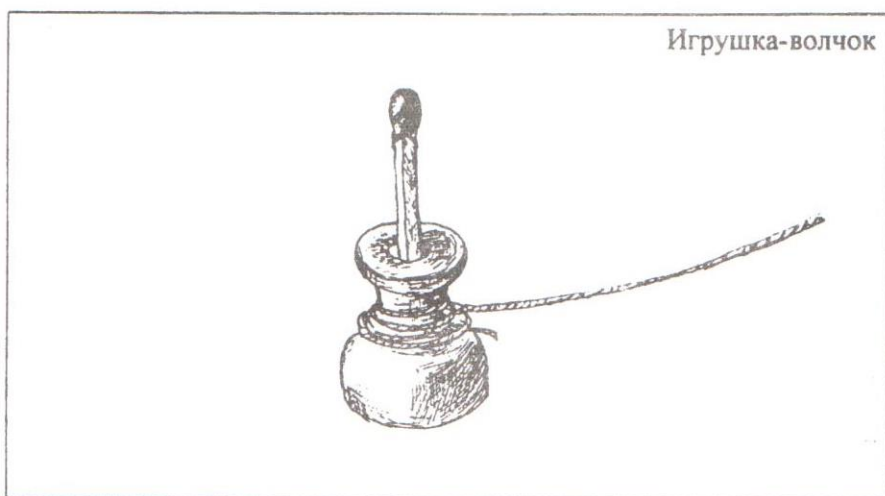
— Нет, у меня одежда еще чистая.

Фатима Валиулловна (сотрудник Экоцентра) и Азат Шафиков дали мальчику листочки, чтобы он “посамовыражался”. На одном из них нарисовал стойбище: лабаз, моховой домик, место для огня с котелками, облака, солнце и дороги, на которых были следы. А на другом рисунке — чум и снегоход. Подписал печатными буквами: “Буран”. Рисовал быстро, примерно минут семь. Но получилось ясно и понятно.

Еще он занимается устройством дымокуров для защиты животных и человека от кровососущих насекомых.

Игрушка-волчок

Афоня любит что-то мастерить и изобретать. Он делает для себя игрушки. Это не привычные для нас куклы, машинки, прыгалки, скакалки. Делает игрушки, развивающие ловкость и умение: лодки, колесо, волчок и другие.

Однажды в моховом домике Любомир Закриничный и Олег Ларин с Афоней играли в мальчишеские игры, ну, как бы дрались понарошку. И вот кто-то, как бы ударил Афонию. Он упал и не стал шевелиться, потом даже дышать перестал. Мальчишки подскочили, они очень испугались, Олег начал бить Афанасия по щекам, а он как подскочит и давай смеяться.

В один из дней к нам на стойбище приехал друг Афони, живущий по-соседству. Они носились вокруг палаток и, забегая в нашу, говорили что-то непонятное и, запыхавшись, уносились дальше. Потом начали драться понарошку. Соседская собака, увидев это, укусила Афанасия за хантыйскую попу и порвала ему штаны.

За эти две недели, прожитые вместе с Афанасием, многие для себя отметили, что он очень любит разыгрывать нас, хорошо знает местность и может ориентироваться в лесу, любит что-то мастерить, всем помогать, чем может. Мы научили его не сорить. В первые дни нашего приезда он съел конфету и выбросил фантик прямо на землю. Но увидев, что мы не сорим и относимся отрицательно к загрязнению окружающей среды, поднял бумажку и больше не мусорил.

За день до отъезда Павел Янчевич сказал нам, что со стойбища обязательно нужно уезжать чистыми, а, главное, должны быть чистыми души. Ни в коем случае нельзя ругаться, иначе при встрече будет неудобно смотреть друг другу в глаза. Поэтому со стойбища я уезжала с чистой душой и телом: ни с кем не ругалась, как и все остальные.

В 11 часов, когда мы выезжали, погода была пасмурной. Уезжать, конечно, не хотелось и меня какая-то неведомая сила тянула обратно. Хотелось выйти из машины и остаться на стойбище. Но в то же время тянуло домой. Перед отъездом девчонки прошли по стойбищу в последний раз. Подошли к летней кухне, посидели на диване, возле мохового домика, насобирали себе на память всяких шишек и костей, только потом сели в машину и поехали. Проводить нас в дорогу вышли из своего дома олени. Они шли к машине и как будто прощались с нами. Мы уезжали, а на стойбище оставались на длинные, холодные, дождливые осенние дни. Маленький Хозяин тайги, с которым мы так успели подружиться, его отец, Тихон Галактионович, и олени, словно малые дети тыкавшие мордашками нам в ладони, когда мы их кормили сухарями. Было грустно до слез. Эти места нам стали родными.

В машине было тесновато, но, как говорится: “В тесноте, да не в обиде”. Все разговаривали в полголоса, было не до веселья.

В первые дни нашего пребывания на стойбище я нарисовала одинокое старое сухое дерево. Даже не знаю, что меня побудило его нарисовать. Рисовала я масляными красками, и к ним прилипли мошки, комары. Потом кто-то уронил рисунок на землю, и я понесла его выкидывать, но Елизавета Даниловна остановила меня и взяла “произведение искусства” себе на память.

Павел Янчевич играл нам песню о Черном коте, ему подпевала Вера Алексеевна. Ехали по знакомым уже ухабинам. Остановились в Варьегане у дома Елизаветы Даниловны. Вышла ее дочь и сказала, что звонит Виктория Ивановна из музея. К телефону подошла Ангелина Анатольевна. Виктория Ивановна расспрашивала обо всем: есть ли больные, какое у нас настроение и так далее. Ангелина Анатольевна сказала: “Ребята, вам огромный привет из Мегиона! Нам навстречу выезжает Виктория Ивановна”. Павел Янчевич подарил Галине огромную щучью голову. Мы попрощались с Елизаветой Даниловной и Павлом Янчевичем и поехали дальше. Следующая остановка была на рынке города Радужного. Город этот находится словно в пустыне, песок там белый-белый, как снег.

По дороге нас встретила Виктория Ивановна и больше часа ехала с нами в вахтовом КамАЗе. Она подробно расспросила о выполнении нашего плана работ, о здоровье, передала приветы от родителей, каждому дала несколько фотографий, которые уже успели отпечатать. Наметили время сбора для подготовки отчета об экспедиции.

Наконец-то мы приехали в милый сердцу Мегион. Смертельно уставшие, счастливые мы заехали в родной “Муравейник”. Провели у двери планерку. Подвели итог. Водитель Экоцентра развез нас по домам, где ждал ужин, заказанный неделю назад в наших берестяных письмах.

Ольга Время,
ученица 8 класса, СШ № 3

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Итак, остались позади главы первой детской книжечки-отчета об увлекательном путешествии в мир хантыйской культуры. Ребята узнали о природе края, о его истории, об особенностях хозяйства хантов и ненцев, о национальной специфике материальной и духовной культуры этих народов. Познакомились со своеобразными типами жилищ и поселений, средствами передвижения, национальной кухней, с теми большими изменениями, которые происходят в наши дни в жизни этих народов.

Но самое важное — общение с прекрасными, добрыми людьми, которые на две недели стали нашими проводниками, консультантами, переводчиками и учителями. В каждой главе сказано много добрых слов о Павле Янчевиче Айваседа и Елизавете Даниловне Васильковой, о Тихоне Галактионовиче Айпине и его сынишке Афанасии. Но еще больше осталось в душе. Верно сказал в своей книге «Ханты» Е.Д. Айпин: «... главное — должна звучать мудрая песня ли, сказка ли старого человека, чтобы навсегда впечатались в сердце и Светлой Воды Озеро в оранжево-золотистом мареве утра, и листопад на узкой протоке Деревянного урия, и ослепительно белый песок Сосновой Шишки косы, и печальный Кедр-старик на Домашнем острове, и высокий Яр Осеннего Селения в бордовом брусничнике и хвое...»

Книга закончена. Как всегда, немного грустно, а порой трудно расставаться с авторами глав и их героями. О том, что дала эта экспедиция ребятам, можно судить по ответам ребят на вопросы анкеты. Приведу некоторые из них:

Было ли Вам скучно?

- Было не просто, но очень интересно
- Все было ново и интересно
- Интересно, потому что это была моя первая экспедиция
- Не может быть не интересно, когда приобретаешь новые знания путем приключений
- Нам было интересно, потому что с нами были Павел Янчевич и Елизавета Даниловна

(Л. Закриничный)
(В. Саяпин)
(А. Халявин)
(Е. Гаевская)
(Г. Харина)

Нужны ли такие поездки?

- Обязательно нужны, хотя бы раз в год
- Нужны, чтобы познавать свой край
- В таких поездках попадаешь в иной мир, в иную жизнь

(Л. Закриничный)
(А. Халявин)
(Е. Гаевская)

Изменилось ли ваше отношение к коренным народам?

- Нет, оно у меня всегда было хорошим.
- Они — честные люди
- Да, до этого я думал о них иначе
- Изменилось, так как раньше я думала, что раз они живут в лесу, то совсем другие.

(Л. Закриничный)
(В. Саяпин)
(О. Ларин)
(Г. Харина)

Человека можно научить читать и писать, обучить ремеслу, но, самое важное — воспитать душу. Вся деятельность человека, его образ жизни, поступки всецело зависят от этого внутреннего мира, от того, как человек мыслит, чувствует, как понимает и воспринимает мир, в чем видит смысл жизни и свое человеческое назначение.

Для нашего Экоцентра — это первая экспедиция, в которой наравне с сотрудниками работали подростки. Свою задачу мы видели в знакомстве ребят с традиционно-бытовой культурой аганских хантов, овладении навыками работы, оказании реальной практической помощи в реставрации хозяйственных построек и др. А все это, по большому счету, должно служить началом формирования особого отношения к той земле, на которой живешь.

Человек, связанный с родной землей, намного крепче. «Такого человека, — пишет Еремей Данилович, — не так просто сломать и покорежить, у него корень прочный, далеко в землю уходит. С человеком, у которого есть такие корни, ничего плохого не случится. Можно выучить его на геолога, на врача или инженера — везде он найдет правильную дорогу...»

В.И. Сподина,
руководитель экспедиции,
директор Экоцентра

На берегу святой речки Йимын явун.

Святые места на берегу реки Аган.

Экскурсия по Варьеганскому культурному этнографическому центру.
Нарта для продуктов.

Культурный этнографический центр п. Варьеган.
Священный лабаз для хранения семейных богов.

**Озеро в Кедах.
Любомир Закриничный на обласе.**

Олег Ларин и Александр Халявин набирают воду из родника.

Приготовление жареной спинки щуки.

Приготовление подовушки - Тартым сорт.

СОДЕРЖАНИЕ

Сержант В. А. Какой мужичок без кишок прыгает?.....	3
Саяпин В. Гора Осеннего Селения.....	10
Халявин А. Крылатый веник.....	20
Ларин О., Романов В. Вкусная дорога.....	24
Закриничный Л. Под знаком Щуки.....	29
Гаевская Е. День запретов.....	33
Халявин А. Как жили Медведь да Лось, Бобры и Щука.....	38
Снигерев А., Шафиков А. Удачная рыбалка.....	42
Снигерев А., Шафиков А. На берегу Запорной реки.....	48
Время О., Игнатенко О. Ночь сказок.....	56
Горнасталев С. У какого карася семь ребер?.....	63
Мирзоева А., Хазырова Г., Хазырова Ф. Крыша ночного мира.....	68
Шафиков А., Саяпин В. Отрезанные от цивилизации.....	73
Гаевская Е. Все это в памяти останется.....	78
Закриничный Л. День интересных рассказов.....	84
Время О. Маленький хозяин.....	88
Вместо заключения.....	93

Отпечатано в МП "Нижневартовская типография"
г. Нижневартовск, ул. Менделеева, 11
Заказ № 4639. Тираж 700 экз.

221